

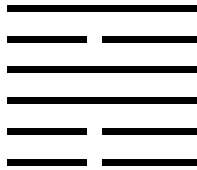
III. Предметные интерпретации символов "таблицы" форм.

....

14. Историософская интерпретация. История как часть универсума форм деятельности. Интерпретации в терминах Платона, Гегеля и Маркса. Конец истории. Внеисторические формы деятельности.
15. Социологическая интерпретация. Три компоненты эволюции общества. К основам теории "модернизации". Индустриализация, либерализация и модернизация ("пост-индустриализация"). Органичная и либеральная модернизации.
16. Эсхатологическая интерпретация. Абстрактный взгляд на историю, конец истории и постисторические формы деятельности. Принцип полноукладности. Уклады прошлого и будущего в настоящем. Миры Дзен и миры Фэерис.
17. Психолого-антропологическая интерпретация. Отражение форм движения и форм развития в формах психической деятельности. Подсознание и сверхсознание. Наркотики и психоделики. Трансперсональная психология. Ум, душа и тело.
18. Космологическая интерпретация. Конец времен. Творение, Грехопадение, Воскресение. Страшный суд. Ад и рай. Богочеловечество.
19. Интерпретация трансцендентных и номинальных символов базовой "таблицы" форм. Закон и схема. Теория и идея. Теоретико-системный универсум. Интерпретация некоторых системных классов. Идеалистический универсум. Генетический (преформистский) универсум. Об интерпретации многомерных символов "таблицы" форм.

Заключение**Приложения**

14. Историософская интерпретация. История как часть универсума форм деятельности. Интерпретации в терминах Платона, Гегеля и Маркса. Конец истории. Внеисторические формы деятельности.

История – то, что с кем-то происходит. Историю кому-то рассказывают. His story. His-story. History. Господин N попал в хорошенькую историю. "Вот и вся моя история, милостивые государи!" Историю кто-то один рассказывает кому-то другому о ком-то третьем. Одним словом, история требует общества. История – социальный феномен.

Большинству носителей "здорового смысла" История видится не имеющей конца во времени, подобно тому, как Вселенная – не имеющей пространственных границ. Последователи исторического материализма и Фрэнсиса Фукуямы, всяк со своей стороны, представляют Историю асимптотически успокаивающейся в некотором финальном состоянии, высшей и последней форме, где все станет благобно и нечего уже будет делать. Сторонники эсхатологических учений связывают с концом Истории вселенскую катастрофу и страшный суд.

Похоже, нас подстерегает неожиданное. Истории придет конец, а Деятельность пребудет. Деятельность объемлет Историю.

Отшельник, часами недвижно пребывающий в одной из асан, нащупывающий незримый путь к нирване – он действует, но эта таинственная внутренняя деятельность пребывает вне истории, невыразима в слове, независима от хода исторических часов.

Творческий акт поэта или изобретателя, политика или философа – есть ли дело более человеческое? Он вбрасывает новый материал в Историю, он ее движет, но сам является действием вне- и надысторическим.

Сказанное выше в пяти абзацах есть не более чем намек, и как таковой может вызывать разное к себе отношение, однако это несущественно для дальнейшего изложения. Продолжим процесс интерпретации "таблицы" форм.

Исторические формы деятельности мы отождествим с универсумом $\&_1$ □ первой третью диагональных (чистых) форм деятельности. Напомним, что в отношении к *материалу* деятельности он выступает как совокупность *социальных форм деятельности*, а в отношении к идеалу – как совокупность *форм сознания*.

Формацию $F\{\&_1\}$ будем называть "исторической формацией". Смысл этого названия прояснится в дальнейшем.

"Историософской интерпретацией" здесь и ниже называется интерпретация элементов исторической формации $F\{\&_1\}$. Некоторые содержательные представления наводящего характера даны во Фрагменте 2.

ФРАГМЕНТ 2

Из стенограммы беседы С. Чернышева с обозревателем "Литературной газеты" Г. Целмсом.¹

(Записано в декабре 1989 г.)

...Есть платоновский диалог "Государство". Там описываются три социальных "этажа", существующие в каждом обществе, и три типа людей, населяющих эти этажи. И в зависимости от того, который из них начальствует, получается три разных типа общественного устройства.

Первый тип людей – это ремесленники, всякие там сукновалы, которые умеют валять сукно, и ожесточенно, самозабвенно его валяют. Второй уровень – это стражи, те, которые ничего не производят, а только блюдут неким образом установленные общественные отношения. Их задача состоит в том, чтобы эти отношения не нарушались сукновалами. Третий тип – мудрецы. Эти мудрецы созерцают запредельные идеалы и, набравшись таким путем мудрости, талдычат сукновалам, как и чего валять, а стражам – какие отношения между сукновалами являются правильными, дают ту норму, тот идеал, который общество должно блюсти.

Если в обществе доминируют сукновалы, то они подчиняют себе и стражей, и мудрецов. Тогда стражи блюдут отношения не в соответствии с идеалами мудрецов, а так, чтобы было выгодно богатым сукновалам или, наоборот, выгодно захватившему власть серому большинству ремесленников. Мудрецы при сем служат и несут какую-то околесицу, которая задним числом "обосновывает" правильность такого порядка вещей, развлекает правящий слой, утоляет духовную жажду.

Второй тип общества – там, где властвуют стражи. Это до боли знакомое по коммунистическим утопиям царство "орднунга". Там сукновалы рады бы предаться разврату, но стражи блюдут моральный кодекс, и для их же блага не пускают, не дают. При этом стражи – самодовлеющие, они не очень-то вслушиваются в то, что там лепечут мудрецы, а блюдут тот порядок, который завещан предками, заимствован из-за границы или просто взбрел им на ум.

И, наконец, третий тип – идеальное государство Платона, где властвуют мудрецы. Мудрецы созерцают эйдосы, в частности – эйдос идеального государства. Там расписано все: кому, как и что нужно делать. Они все это конспектируют и сообщают стражам. Стражи преисполняются чувства ответственности, идут и загоняют сукновалов в правильные рамки. Всем становится хорошо, потому что мудрецы за всех подумали, как достичь пути к счастью.

В терминах гегелевской логики эти три этапа развития общества соответствуют бытию, сущности и понятию.

Когда Маркс говорит, что "коммунизм" – это возвращение человеку его отчужденной сущности, то можно сказать, используя его же лексику, что "предыстория" – это этап, на котором человек обретает свое отчужденное бытие, он изымает из природы силы, которые являются силами природы, производящими его самого как общественного человека, и превращает их в свои. Это первая эпоха, названная Марксом "предысторией", эпоха развития *производительных сил*, которая завершается капиталистической формацией. Она отвечает платоновскому царству сукновалов.

Вторая эпоха – когда человек изымает из природы отчужденные социальные отношения и полагает их в себя. Это уже платоновское государство стражей. Перед началом второй эпохи, эпохи возвращения сущности человека, у него вся сущность торчит снаружи, в виде стражей, начальников, инспекторов и дружинников, которые стоят кругом и предписывают ему, что нужно делать и как к кому и к чему относиться. На протяжении второй эпохи он должен вобрать в себя всех этих народных контролеров, и они будут теперь находиться у него внутри, в структуре личности – заветная мечта российского самодержавия по Салтыкову-Щедрину, чтобы жандарм оказался внутри каждого человека. Если же употреблять не младогегельянскую лексику, а термины зрелого Маркса, то можно сказать, что в отличие от первой эпохи, когда происходит овладение производительными силами, содержание второй эпохи составляет выход человека из *производственных отношений*, овладение ими как предметом сознательной деятельности.

¹ Эта часть стенограммы не была использована в цикле статей "Мифы нашей революции", опубликованном в "Литературной газете" 7, 14, 21 и 28 марта 1990 г.

После этого наступает эпоха возвращения человеку отчужденного понятия "человек". Человек – это звучит гордо, но звучит ли гордо конкретный Сатин или сам М. Горький? Ничего подобного, он звучит горько. А вот Человек с большой буквы, в шарденовской точке "омега", – он звучит. Это понятие находится как бы вне каждого конкретного человека, опять-таки снаружи, в виде общечеловеческой культуры. Это надо все вобрать в себя. Таково третье государство Платона, царство мудрецов, которое молодой Маркс называл эпохой Гуманизма. Гуманизм состоит в том, что все это огромное содержание надо взять, соотнести, разрешить коллизии, выстроить, овладеть им. Весь смысл эпохи гуманизма состоит в том, что люди должны делать то, чем занимался Сократ. А он "шептался по углам с мальчишками", как выразился желчный Калликл, и соотносил между собой такие вещи, как разные виды истины, блага, прекрасного. Он не мог вобрать в себя какую-то идею, не соотнес ее с другой. Она сама по себе не лезла ни в какие ворота. Когда человеку вернут понятие "Человек" – только тогда он станет целостным. В терминах же зрелого Маркса можно было бы сказать, что содержание третьей эпохи – овладение *"надстроечными" формами, формами общественного сознания*.

На протяжении трех исторических эпох человек как личность воплотит в себе полностью бытие человеческое, затем сущность человеческую и, наконец, понятие "Человек". После чего социальное содержание будет исчерпано, и история человека как "общественного животного", собственно говоря, придет к концу.

Имея в виду подобные представления, введем разбиение универсума форм деятельности второго порядка и дадим частичную интерпретацию исторических форм $\&_{11}$, $\&_{12}$ и $\&_{13}$. Слово "частичная" указывает на то обстоятельство, что при интерпретации формы деятельности характеризуются не *как таковые*, а лишь с точки зрения их предмета либо идеала.

Универсум форм $\&_{11}$ интерпретируется как *социально-бытийные (предысторические)* формы деятельности. Соответствующая формация $F\{\&_{11}\}$ по своему содержанию охватывает часть (конкретнее – первую треть) Истории, прошедшую от возникновения человека (или, если угодно, его изгнания из Рая) и до наших дней. Маркс именовал этот период "предысторией". В терминах преодоления отчуждения этому периоду отвечает овладение производительными силами как предметом.

Универсум форм $\&_{12}$ интерпретируется как *социально-сущностные (постиндустриальные)* формы деятельности. В терминах преодоления отчуждения этому периоду отвечает овладение производственными отношениями как предметом.

Универсум форм $\&_{13}$ интерпретируется как *социально-понятийные (гуманистические)* формы деятельности. В терминах преодоления отчуждения этому периоду отвечает овладение формами общественного сознания как предметом.

Но и на этом шаге разбиения ячейки нашей сетки форм деятельности все еще остаются чересчур крупными: сквозь нее свободно проскальзывают, проваливаются целые исторические эпохи. Выясняется: чтобы уловить смысловую единицу, равновеликую, например, всему "капиталу", потребуется ввести еще разбиение третьего, а затем четвертого порядка. Но такой "улов" абсолютно необходим: только отождествив одну из клеточек "таблицы" форм со смысловой единицей, имеющей, помимо философского, конкретно-предметное наполнение, мы впервые сможем ощутить масштабы и координаты той пульсирующей ячейки, которую сегодняшняя Земля людей занимает во вселенной Смысла.

Соответствующие представления изложены ниже во Фрагменте 3. Важность их достаточно велика, чтобы просить у читателя внимания и снисхождения к архаической лексике и фразеологии, объясняемой обстоятельствами времени и места их появления на свет.

ФРАГМЕНТ 3

Из статьи "НОВЫЕ ВЕХИ"²

89. 08. – 09.

...Если *"история - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека"* (Маркс), то деятельность по созиданию нового общества помимо ясного идеала должна иметь свой качественно новый, конкретный предмет, не менее определенный и осязаемый, чем у хлебопашца, строителя и гончара. Не нужно быть философом, чтобы понять: предмет деятельности тесно связан с ее смыслом. На переломе двух эпох мы не смогли обрести, утратили этот смысл, и наша история закружилась в порочном круге.

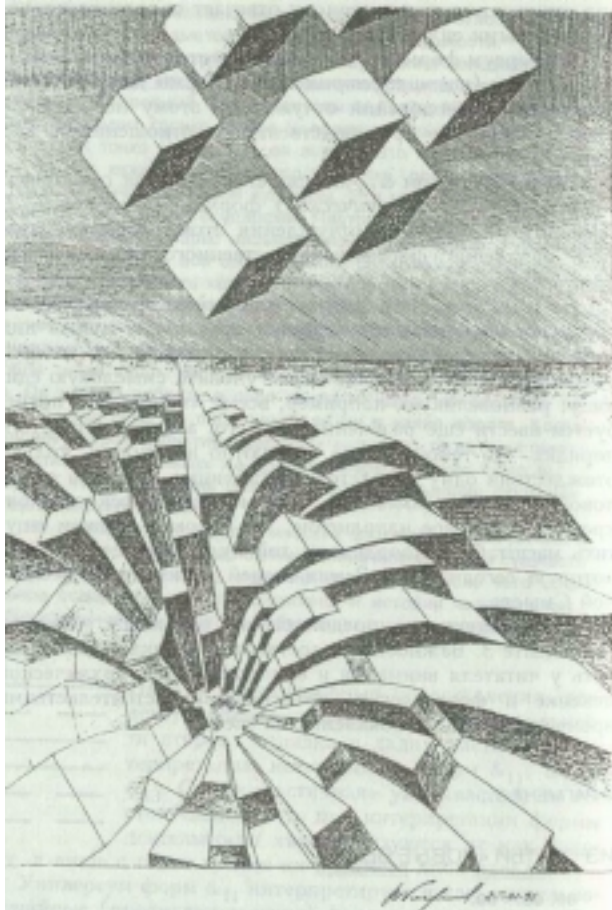
Потерянные деньги, где бы они ни были потеряны, лучше искать под фонарем, ибо там светлее. Это по-английски. А по-русски будет: потерявши смысл - ищем... виновного.

...Суд над Марксом!

Судебный процесс еще не начался, обвинение не предъявлено. Покуда Маркс всего лишь выходит из моды. Говорить о нем, ссылаться на него становится дурным тоном. Он окружен стеной молчания. Общественное мнение в классическом сталинском стиле исподволь готовится санкционировать расправу над своим бывшим кумиром. Естественно, - и это тоже "по-нашему", - аргументы по существу дела никого не интересуют.

Но судьи пребывают в блаженном неведении относительно того, что подлинный Маркс имеет отдаленное отношение и к историческому западному "марксизму", и в особенности к восточному "марксизму-ленинизму" – этим самоназваниям политических идеологий. Сам он говорил в сердцах: "Я знаю только одно, что я не марксист". А Ленин, уже в зрелые годы конспектируя "Логику" Гегеля, записал во внезапном озарении: "Никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!"

"Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности". В этой сакральной формуле "Манифеста" – и проклятие наше, и спасение. Слова Маркса были истолкованы не конструктивно – как определение предмета деятельности, исторического творчества, а деструктивно - как призыв вооруженной силой устранить помещиков и капиталистов. Категория

² Журнал "Знамя", январь 1990 г.

"уничтожение" понято не по-европейски, – как снятие, преодоление, овладение, а по-азиатски, – как истребление, террор, "красногвардейская атака".

И вновь предостерегают вещи "Вехи":

*"Работа над устройством человеческого счастья с этой точки зрения есть не творческое или созидательное, в собственном смысле, дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т.е. к разрушению... Прогресс не требует собственно никакого творчества или положительного построения, а лишь ломки, разрушения противодействующих внешних преград... Разрушение признано не только одним из приемов творчества, а вообще отождествлено с творчеством или, вернее, целиком заняло его место. Здесь перед нами отголосок того руссоизма, который вселял в Робеспьера уверенность, что одним лишь беспощадным устранением врагов отечества можно установить царство разума."*³

Уничтожение частной собственности для Маркса тождественно уничтожению труда, уничтожению пролетариата, производственных отношений, – и уже по одному этому видно, что уничтожение здесь не сталинское, а гегелевское: уничтожение-снятие (aufheben), т.е. овладение, преодоление, включение в состав нового развивающегося целого. Уничтожение частной собственности есть преодоление отчуждения. В этом весь Маркс и весь коммунизм. Именно это он называл *"действительным коммунистическим действием"*, *"положительным упразднением частной собственности"*, в отличие от "простого упразднения", которое олицетворяет человек с ружьем.

Уничтожение труда – горькая пилюля, которую наши марксисты при чтении "Немецкой идеологии" и "Святого семейства" вынуждены глотать множество раз. Во имя благопристойности и целомудрия теории в ее кафедрально-кастрированном варианте этот "грех молодости" классика, как и многие иные, тщательно замалчивается.

"Коммунистическая революция выступает против существующего до сих пор характера деятельности, устраняет труд".

"Труд есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность".

"Пролетарии... должны уничтожить условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд".

"Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить".

...Во имя избавления от все более душераздирающих загадок и парадоксов остается только упрятать Маркса в спецхран. К счастью, его и так давно не читают.

Ключ к подлинному Марксу один – культура мышления. *"Труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения"*. Труд по Марксу есть вполне определенное, ограниченное понятие, а вовсе не абстрактная надисторическая добродетель, которая превращает волосатого предка в лысеющего, благообразного современника. Труд означает такой конкретно-исторический вид деятельности людей, при котором они скованы и связаны между собой отчужденными, т.е. не зависящими от их воли производственными отношениями. Уничтожение труда не означает уничтожения всякой деятельности во имя основания царства бездельников, – напротив, это есть превращение деятельности в подлинно человеческую, поскольку выход из производственных отношений только и открывает простор для отношений между личностями. От подлинной человеческой деятельности труд отличается тем же, чем брак от любви – скованностью безличными производственными отношениями. Известная со времен Сократа совместная деятельность по постижению Истины, утверждению Блага, сотворению Прекрасного – это воистину *"дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение"*, но это не есть труд.

Если только мы принимаем негативную, разрушительную трактовку призыва "Манифеста", то обесмысливаем весь жизненный подвиг Маркса. Львиная доля этой жизни была отдана "Капиталу" - работе, которая неотступно тяготела над ним, как проклятие, которую притом, как выясняется из "Плана шести книг", удалось завершить менее чем на 1/24 часть, книге, которая никогда, нигде и никем, включая Энгельса, не была понята, и самое главное, – абсолютно не нужна вооруженным экспроприаторам экспроприаторов.

³ "Вехи", 3-е изд., Москва, 1909 г., стр. 194

Но одновременно мы лишаем смысла и всю собственную жизнь, собственную историю с момента принятия этой западной формулы в ее восточном толковании. Вместо закономерного, осознанного движения сквозь историческое пространство, плотно заполненное слоями отчужденных общественных отношений, формами собственности, вместо сознательного творчества, наследующего всю материальную и духовную культуру человечества, – будущее предстает как расширение в пустоту дурной бесконечности, волонтаристское строительство на якобы расчищенном месте чего-то образцового, невиданного и неслыханного.

Вместо обещанного царства свободы мы попадаем в царство произвола. Но если "человек хозяин всему и решает все", если нет закона, нет истории, нет Бога - это не свобода, а арзамасский ужас. Через пролом в оболочке культуры веет запредельным эсхатологическим холодком - и младенчески архаическое сознание общества бросается под защиту Великого Вождя и Учителя, творца Положений и Выводов, суррогатных абсолютов и истин в последней инстанции.

Коммунизм "Манифеста" не имеет к этому никакого отношения. Уничтожение частной собственности, ее *положительное упразднение* в обратном порядке проходит, по Марксу, через те же этапы, что и само развитие отношений собственности, и начинается с исторически последнего, высшего их типа. Это означает, во-первых, что коммунизм по своему содержанию равновелик не капитализму, а всей предшествующей истории, которую Маркс не случайно в своей классической работе назвал "предысторией". Коммунизм – не утопически-идеальное состояние общества, а движение вглубь Истории, снимающее отношения собственности, эпоха, которая включает целый ряд формаций, объединяемых новым типом развития, новым предметом и смыслом человеческой деятельности. И это означает, во-вторых, что при своем начале такое движение имеет непосредственным предметом капитал: первая коммунистическая формация, которую Маркс называет "грубым коммунизмом", должна решать задачу обобществления капитала, т.е. овладения бескризисным расширенным воспроизводством стоимости в масштабах общества.

Выходит, автор "Капитала" не был ни одержимым, ни излишне любознательным, отдавая свою жизнь Книге. Первый же шаг в подлинном преодолении частной собственности немислим без детального знания предмета этой книги. Тот факт, что она по сей день не понадобилась в нашей сугубо практической деятельности, говорит нечто важное не о ней, а о нас: мы попросту еще и не приступали к уничтожению частной собственности. Мы пребываем во мраке неведения относительно того, что именно и каким образом обязаны "уничтожать". И самое прискорбное - в отличие от Сократа мы и не подозреваем, что кое-чего не знаем.

Частная собственность по определению есть собственность, находящаяся в каком-либо выделенном, особом отношении к некоторой части общества. Это азбука теории Маркса. Поэтому любая государственная собственность, независимо от идеологических притязаний государства на некую мифическую "общенародность", есть одна из разновидностей частной; и в этом качестве она подлежит уничтожению в свой черед в одном ряду с капиталом. Больше того, нетрудно понять, что и сама героиня политэкономических заклинаний - общенародная собственность, упавшая с неба, оказалась бы опять-таки частной, если только народ не отождествляет со всем без изъятия населением земного шара.

Но коль скоро, вроде бы, выясняется, что делать, не пора ли задать второй русский вопрос: кто виноват в том, что мы до сих пор этого не делаем?

...Но так уж устроена конкретная истина, что на пути к ней нужно сперва постичь истину абстрактную: какой именно исторический субъект призван взяться за уничтожение отчуждения? Идея, как учат классики, неизменно посрамляла себя, когда пыталась самореализоваться, не оседлав с этой целью подходящий материальный интерес. Кто же, какие классы или слои общества наиболее кровно заинтересованы в скорейшем уничтожении частной собственности?

Канонический ответ напрашивается, - но он неверен. Как ни странно, таких классов два. *"Самовозрастание капитала – создание прибавочной стоимости – есть ... совершенно убогое и абстрактное содержание, которое принуждает капиталиста, на одной стороне, выступать в рабских условиях капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и, с другой стороны, - на противоположном полюсе"* (Маркс). Правда, позитивный смысл избавления от этого рабства каждой из сторон видится совершенно по-разному. Рабочие стремятся добиться справедливости в распределении произведенной стоимости, тогда как капиталисты – свободы от тягостного гнета рыночной стихии и слепого рока кризисов.

Маркс считал это раздвоение субъекта чисто теоретическим феноменом, лишь в пролетариате видя силу, которая способна материализовать идею преодоления отчуждения.

Буржуазии, справедливо полагал он, есть, что терять кроме своих цепей, а главное, она фатально расколота беспрестанной борьбой каждого отдельного капиталиста против всех. Он ясно видел эту центробежную силу, отталкивающую частные капиталы друг от друга, и не находил возможной противодействующей силы сжатия, которая спаяла бы их как протоны в атомном ядре. А посему – пролетарии всех стран, соединяйтесь! Буржуазия соединиться не в состоянии.

Это было теоретической, абстрактной истиной – в предположении, что пролетариат всех развитых стран одержит победу одновременно. В реальности же он победил первоначально в одной стране. И вот тогда сочетание постоянной внешней угрозы в лице коммунистического интернационала с нарастающим давлением рабочего движения изнутри породило - в условиях величайшего экономического кризиса 1929-33 г.г. – ту могучую силу сжатия, которая вынудила финансовую элиту сделать первые шаги к объединению. Возник "зеркальный", элитарный субъект преодоления отчуждения.

Ирония истории в том, что сегодня мы вынуждены всерьез заняться воссозданием и дальнейшим развитием самой что ни на есть частной собственности под флагом ее уничтожения, а противоположная система, объявившая частную собственность священной и неприкосновенной, на деле со времен Рузвельта ее последовательно уничтожает. Конечно, красногвардейцы не врываюся в небоскребы на 5-й авеню. Но происходит нечто по существу более драматичное: финансовая элита руками государства медленно, но верно монополизирует и централизует – слой за слоем – высшие формы экономической деятельности. Правда, здесь сделаны только начальные шаги. Капитал – это не вещь, а отношение, самовоспроизводящаяся стоимость. Частичное ограничение возможностей вкладывать и использовать капитал равно его частичному уничтожению: свеча остается в руках собственника, но пламя ему уже не принадлежит. Это есть самая настоящая, по Марксу, экспроприация капиталистов. Только субъект такой экспроприации иной: вместо диктатуры пролетариата - власть финансовой элиты. Непопулярный ныне тезис о неизбежной гибели капитализма, который продолжает числиться среди догматов марксистского вероучения, давно пора снять, и вовсе не потому, что Маркс оказался неправ, напротив, - потому, что капитализм давно уже погиб. Причем российская революция имеет к этому самое прямое, хотя и непредвиденное отношение.

Государственно-монополистический капитализм времен первой мировой войны отличается от современного западного элитаризма принципиально: как временное, силовое упразднение экономических отношений – от поэтапного их уничтожения-снятия. ГМК – неустойчивое, переходное состояние, которое разрешается двояко: либо по миновании военной необходимости вновь выпускается на свободу нормальный капитал, либо возникает госмонополистический социализм в результате перехода власти от диктатуры олигархии к диктатуре пролетариата. Элитаризм же – шаг не просто в новый способ производства, а в новый, надформационный тип развития.

...Завершается человеческая предыстория, и мир вступает в новую эпоху, эпоху преодоления отчуждения, уничтожения частной собственности; но это историческое движение будет совершаться в двух взаимосвязанных формах – под флагом справедливости и под флагом свободы, в двух противостоящих друг другу и одновременно нуждающихся друг в друге системах - коммунизма и элитаризма. Коллизия российской истории, вскрытая "Вехами", не разрешается, но приобретает одновременно общемировой характер.

Неумолимая логика прогрессирующего распада страны требует от нас отчетливого самосознания, безукоризненной логики мысли и действия. Как же мало времени осталось, и как мало надежд на проявление этих качеств дают бесконечно тянувшиеся десятилетия великого безмыслия и вселенской расхлябанности! Но или додумывать до конца – или испить эту чашу до дна.

Возвращение к Марксу от доморощенного "марксизма", возвращение к подлинному смыслу "Манифеста" выбивает утрамбованную почву из-под ног догматического Голиафа. Выясняется: уничтожение частной собственности в новую эпоху не разделяет нас с противоположной системой, а напротив, объединяет с ней. Подлинное раздвоение проходит по линии водораздела между равенством и свободой. Коммунизм есть овладение отношениями собственности плюс социальная справедливость.

Выясняется: мы давно живем без идеала. Пора осознать и это. Призрак коммунизма бродил по стране в годы первых пятилеток, бледнея на глазах, пока не испарился окончательно в 60-е годы.

Но для Маркса коммунизм никогда не был, да и не мог быть социальным идеалом. Это переходная, промежуточная эпоха, первое отрицание бесчеловечной предыстории.

"Коммунизм есть необходимая форма ... ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества.

...Мы даже коммунизм называем ... еще не истинным, начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности.

...Коммунизм – гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредования, - являющегося, однако, необходимой предпосылкой, – возникает положительно начинающий с самого себя, положительный гуманизм".⁴

Так однажды стучится в дверь неузнанная тысячекратно правда. Тогда мы всматриваемся в чужие лица подлинных родителей. Отверзаются рвы под Куропатами. Из полос тьмы на знакомых фотографиях выступают забытые фигуры. Пепел складывается в рукописи.

Что может означать для изверившейся страны это замещение коммунизма гуманизмом? Замену одного полустертого штампа другим? Что значило само это слово полтора столетия назад для молодого берлинского доктора философии?

В публицистической статье 1842 года двадцатичетырехлетний младогегельянец Карл Маркс противопоставил расколу отчуждения, "духовному животному царству" - объединение вокруг святого Гумануса. Тому, кто отважится на поиски родословной этого святого, дано будет прикоснуться к тайнам...

Неоконченная, точнее, едва начатая поэма Гете "Тайны" - один из наиболее загадочных памятников европейской культуры. Сам автор придавал замыслу поэмы огромное значение. Впервые "Тайны" были напечатаны в собрании сочинений Гете, вышедшем в Лейпциге в 1787-1790 годах. Поэма начата 8-го августа 1784 года, о чем имеется свидетельство в письмах автора к г-же фон Штейн и Гердеру. В этот день было написано посвящение к ней, помещенное впоследствии автором во главе собрания его стихотворений. Традиция сохраняется и по сей день, - посвящение к "Тайнам" служит как бы напутствием ко всей жизненной работе Гете.

Но внутренних значений песни этой

Никто во всем не сможет разгадать...

Спустя три десятилетия, 15 ноября 1815 года, некий кружок студентов в Кенигсберге, собиравшийся для чтения и обсуждения поэтических произведений, обратился с письмом к еще здравствовавшему патриарху мировой литературы, прося его, ввиду возникших в кружке споров, дать свое истолкование этому таинственному отрывку. Неожиданно Гете откликнулся, причем, по тем временам весьма оперативно, и написал заметку под заглавием: "Тайны. Фрагмент Гете", которая была помещена в "Моргенблатт" от 27-го апреля 1816 года. Пространный комментарий автора, как по объему, так и по содержанию значительно превосходит сам комментируемый фрагмент. Собственно, из опубликованного текста "Тайн" читатель успевает лишь узнать о том, как некий монах, заблудившийся в гористой местности, попадает в приветливую долину, где находит двенадцать таинственных рыцарей. Прочее осталось невоплощенным. Что же именно?

Вслушаемся в тихий голос старого Гете:

"Чтобы дать теперь понять мои дальнейшие намерения, а вместе с тем и выяснить и общий план и цель стихотворения, я открою, что имелось в виду провести читателя... через различные области горных, скалистых и утесистых вершин... Мы посетили бы каждого рыцаря-монаха в его жилище и из созерцания климатических и национальных различий узнали бы, что эти отменные мужи собрались сюда со всех концов земли, где каждый из них перед тем чтит Бога на свой лад в тиши".

"Читатель заметил бы, что различнейшие образы мыслей и чувств, развиваемые и запечатляемые в человеке атмосферою, страною, народностью, потребностью, привычкой, призваны явиться здесь, на этом месте, воплощенными в выдающихся индивидах, и что здесь находит свое выражение жажда к высшему усовершенствованию, не полному в отдельном лице, но достойно завершающемуся в совместной жизни."

"Но для того, чтобы все это стало возможным, они собрались вокруг человека, носящего имя Гуманус; на это бы они не решились, если бы не чувствовали некоторой близости, некоторого сходства с ним".

---

⁴ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г.

"При этом оказалось бы, что каждая религия в отдельности достигает в известное время высшего расцвета своего и приносит плод свой, и что тогда она сближается со сказанным выше верховным вождем и посредником, и даже вполне сходится с ним. Эти эпохи должны были явиться закрепленными и воплощенными в двенадцати представителях так, чтобы каждое признание Бога и добродетели, в каком бы удивительном образе оно ни предстало перед нами, являлось нам всегда достойным всякой чести и любви".

"И теперь после долгой совместной жизни Гуманус мог прекрасно покинуть их, ибо дух его воплотился в них всех и, принадлежа всем, не нуждался более в собственной земной оболочке".

Так вот какие космические бездны открывает поиск утраченных духовных корней нашей революции! Вот какова родословная отечественных Робин-Гудов, умеющих лишь отнимать и делить поровну!

Сегодняшний "марксизм" отрезает, отгораживает нас от мира общечеловеческих ценностей, превращает в остров погибших кораблей в океане мировой истории. Подлинный Маркс - средоточие европейской культуры, концептуальный и духовный мост, связывающий нас с прошлым и будущим всего человечества.

Конечно, гуманистический горизонт Маркса куда более узок, чем вселенский охват Богочеловечества у Соловьева, да и нравственный смысл гуманизма далеко не достигает всеобщего воскрешения Николая Федорова. Однако теоретический взор Маркса, лишь скользнув в молодости по отдаленным вершинам, был затем всю жизнь прикован к таинственной слепящей кромке, на которой будущее переплавляется в прошлое. Предшествующие мыслители спешили не глядя перемахнуть пропасть между идеалом и реальностью, их ценности для своего земного торжества нуждались в Апокалипсисе. Маркс впервые поставил цель соединить лед реальности и пламень идеала в *действительном коммунистическом действии*.

Какова мера ответственности самого Маркса за те деяния, которые совершали российские борцы за справедливость от его имени? Не стоит спешить с ответами на такие вопросы. Должно быть ясно одно: те, кто искренне считали себя наследниками Маркса, унаследовали его демонов, проклятье, тяготившее над Книгой его жизни, но полностью утерали ее созидательный смысл.

Поэтому беспочвенны и безответственны попытки избавиться от великого дара Запада – марксовой мечты и плана осуществить прорыв через царство осознанной необходимости в мир гуманизма. Но эта мечта и этот план должны быть возвращены, воссоединены со всем контекстом мировой, западной и русской культуры; царство свободы – с эсхатологическим царством русской религиозной философии, категория "отчуждения" Маркса – с бердяевской "объективацией". Нынешнему поколению советских людей, которое уже не будет жить при коммунизме, нужно вернуть смысл жизни, подлинный смысл таких слов как "коммунизм" и "гуманизм".

Коллизия свободы и справедливости проходит через всю историю. На протяжении предисторического царства естественной необходимости она постепенно прорастает и обостряется, поляризуя изнутри культуру каждого этноса. В границах предстоящего царства осознанной необходимости это противоречие разделяет человечество на две системы, разрывая внутренний мир человека на два несовместимых идеала. И только в эпоху гуманизма оно станет источником развития каждой личности и общества в целом, постоянно нарушаемым и вновь восстанавливаемым на более высоком уровне единством возвышающих друг друга в своей деятельности свободных и равных индивидов.

ИЗ КНИГИ "ПОСЛЕ КОММУНИЗМА"

84. 06.22. – 07.11.

*{В ЧЕМ СОСТОИТ УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ?}*

**1. ОТЧУЖДЕНИЕ – ИСТОРИЧЕСКИ ИСХОДНАЯ КАТЕГОРИЯ МАРКСИЗМА.
ПРОГРАММА ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИХ РУКОПИСЕЙ 1844 Г.**

"...Производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами; причиной этому – то, что индивиды, силами которых они являются, раздроблены и противостоят друг другу, между тем, как эти силы, со своей стороны, становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих

индивидов. Таким образом, на одной стороне – совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещную форму и являются для самих индивидов уже не силами индивидов, а силами частной собственности... На другой стороне находится противостоящее этим производительным силам большинство индивидов, от которых оторваны эти силы..."⁵

То, что производительные силы "приняли как бы вещную форму" означает, что они противостоят индивидам в качестве господствующих над ними *производственных отношений*: "...Вещное отношение зависимости – это не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие по видимости независимым индивидам, т.е. их производственные отношения друг с другом, ставшие самостоятельными по отношению к ним самим..."⁶

Таким образом, *уничтожение частной собственности состоит в овладении всей совокупностью господствующих над индивидами производственных отношений, а тем самым – в присвоении отчужденных в этой вещной форме общественных производительных сил.*

"Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, ... является одним из главных моментов во всем предшествующем историческом развитии. Социальная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, – эта социальная сила вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд собственных фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а, наоборот, направляющих эту волю и это поведение"⁷.

"...С коммунистическим регулированием производства, устраняющим ту отчужденность, с которой люди относятся к своему собственному продукту, исчезает также и господство отношения спроса и предложения, и люди снова подчиняют своей власти обмен, производство, способ своих взаимных отношений..."⁸

Частная собственность есть результат вполне определенного исторического развития общества; она выступает как сложившаяся в итоге этого развития совокупность отчужденных общественных производительных сил, принявших форму господствующих над индивидами производственных отношений. Следовательно, ее уничтожение суть последовательное снятие отчуждения, т.е. присвоение, освоение всех этих производительных сил. Поэтому робин-гудовское "...упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее"⁹.

"Для уничтожения... частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие"¹⁰. Начавшись как лихая "красногвардейская" атака на капитал"¹¹, оно не остановится на этом и "...будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс"¹².

...Цель коммунистического преобразования общества для Маркса вовсе не сводится к высвобождению развивающейся абстракции производительных сил от тормозящей абстракции производственных отношений, *целью является освобождение человека от всех конкретных форм гнета отчужденных производственных отношений, возвращение человеку отчужденной человеческой сущности*¹³.

...Когда с айсберга собственности лихим кавалерийским ударом сшиблена часть торчащей из воды верхушки-капитала, подводная глыба тяжело приподымается из глубины, и наружу выступает качественно новый слой отношений частной собственности. Частная собственность неизмеримо древнее, чем ее исторически последняя форма – капитал, и первый слой отчужденных

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.68-69.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.109

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.26.

⁸ Там же, с.27.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.42, с.115.

¹⁰ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.136.

¹¹ В.И. Ленин. ПСС, т.36, с.177.

¹² К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.136.

¹³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.123, 159; т.46, ч.1, с.107.

производственных отношений лег в ее основу во времена распада архаических общин и начала общественного разделения труда. Гнет частной собственности и количественно и качественно представляет собой тяжелый груз, многослойные напластования отчужденных отношений, накапливавшихся тысячелетиями.

Коммунизм – как по своему содержанию, так и по масштабам решаемой задачи – соизмерим отнюдь не с капитализмом, а только со всей предшествующей историей.

Коммунизм – это целая эпоха, а не один способ производства.

...Сегодня перед теми, кто, решив задачу "упразднения" капитала, ищет заветный ключ к строительству нового общества, неизбежно встает новая задача: давно пора, пока еще не поздно, через общее понимание сущности уничтожения частной собственности переходить к детальному представлению о специфических этапах, через которые должен проходить этот закономерный процесс.

Маркс помимо общего методологического каркаса для осуществления подобной работы оставил нам и ключ к последовательности этапов. В рукописях 1844 г. содержится гениальная догадка о том, что "снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение"¹⁴, "...уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является господствующей силой..."¹⁵

...Практически задача уничтожения частной собственности заключается в овладении производственными отношениями – а тем самым в присвоении отчужденных производительных сил – *в порядке, обратном тому, в котором происходило их отчуждение*. Теоретически же задача сведена к установлению последовательности качественных этапов процесса отчуждения, а затем – к ее обращению, отражению относительно исторической "оси симметрии", разделяющей период становления отчуждения и эпоху его преодоления, эпоху коммунистических способов производства.

Раскрыв в общих чертах сущность уничтожения частной собственности, Маркс затем ...сосредоточил свои усилия на исследовании не всех этапов процесса развития отчуждения, а только одного, но зато важнейшего, заключительного этапа, и соответственно – на изучении не всех форм развития частной собственности, а только высшей ее формы, *капитала*.

В таком подходе был не только огромный политический, но и важный методологический смысл: в ситуации крайней ограниченности достоверного исторического материала, относящегося к докапиталистическим способам производства, анализ высшей, заключительной формы процесса отчуждения мог послужить единственным ключом ко всем предшествующим его формам: "Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено... Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т.п."¹⁶

2. "НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ": МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ КАК ПОНИМАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ИСТОЧНИКА И МЕХАНИЗМА ОТЧУЖДЕНИЯ

Мы уже видели, что в известном фрагменте "Отчужденный труд" Маркс ставит перед собой задачу уяснения сущности самого процесса отчуждения, а конкретнее – последовательности форм отчуждения, соответствующих этапам человеческого развития.

Первоначально в этой задаче Маркс видел лишь средство для того, чтобы вывести все категории политэкономии из понятия "отчуждения", т.е. увидеть логическое в историческом. Однако затем эта задача приобрела самостоятельную ценность: в этапах самоотчуждения Маркс увидел последовательность этапов его снятия, т.е. коммунизма. Соответствующий фрагмент о коммунизме, который Маркс начинает словами "снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение...", является примечанием к недошедшим до нас фрагментам "Рукописей", которые, очевидно, и содержат первоначальный набросок этапов самоотчуждения. Однако они могли представлять собой лишь феноменологию, а не логику отчуждения, поскольку его сущность

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.42, с.113.

¹⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.135.

¹⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.42.

была вскрыта только в "Немецкой идеологии", в ходе углубленной разработки материалистического понимания истории.

...В фокусе рассмотрения "Немецкой идеологии" находится категория СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА, которая, в свою очередь, выступает как единство определенного СПОСОБА (совместной) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и соответствующей ему ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ.

Ключ к пониманию дальнейшего – в понятии *конкретно-всеобщего*.¹⁷ Соотношение между способом деятельности и формой общения у Маркса фактически трактуется двояко. Взятые в феноменологии, в качестве конкретно-всеобщего они *абстрактно противостоят друг другу*. В качестве *развитого* конкретно-всеобщего они в своем взаимопроникновении *образуют целостную ткань способа производства*.

Трактовка в "Немецкой идеологии" этого сущностного слоя материалистического понимания истории в самом общем виде сводится к следующему.

Способ деятельности, понимаемый как развитое конкретно-всеобщее, представляет собой совокупность соответствующих ему *особенных форм деятельности*, объединяемых формой общения (понимаемой как развитое конкретно-всеобщее) в качестве *системы производственных отношений*. Форма общения как конкретно-всеобщее есть *основное производственное отношение* данного способа производства. Способ деятельности как конкретно-всеобщее есть *основная* (всеобщая) *форма деятельности* данного способа производства, есть ("в себе") его *основная производительная сила*.

Исторический процесс развития и смены способов производства есть процесс разрешения противоречия между возникающими и развивающимися новыми способами деятельности (производительными силами) и сковывающими их прежними формами общения (производственными отношениями).

В свою очередь, развитие и смена форм общения выступает как процесс развития разделения труда.¹⁸

...Основная форма деятельности по отношению к "своему" способу производства выступает как *производительная сила "в себе"*; исторически последующий, более высокий способ производства действительно превращает ее *в свою* производительную силу и т.п.

3. ПРИСВОЕНИЕ ПРИРОДЫ КАК ОТЧУЖДЕНИЕ

"История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека".¹⁹

...Человеческая история есть история человеческой деятельности. Деятельность, в свою очередь, выступает в определенных конкретно-исторических формах. Эти формы являются общественными. В этом качестве они *опосредуют* человека с его деятельностью, а, следовательно, обретают по отношению к нему самостоятельность, власть над ним.²⁰ Эта власть выражается двояким образом. С одной стороны, форма деятельности индивида навязывается ему обществом извне, в качестве господствующего способа деятельности, в качестве отчужденной от него и захватившей над ним власть производительной силы. С другой стороны, его отношения с другими индивидами в процессе совместной деятельности точно так же выступают как господствующие над ним, предписанная, навязанная извне форма общения.

В этом-то и скрыт ответ на вопрос, почему именно производительным силам (а не наоборот – производственным отношениям) свойственно "имманентно развиваться". Производительная сила

¹⁷ Э.В. Ильенков. Диалектическая логика. М., Политиздат, 1974, с.134; 262-269.

¹⁸ "...Определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны воедино с определенным способом совместной деятельности, с определенной общественной ступенью. ...Сам этот способ совместной деятельности есть "производительная сила"..." /К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах, т.1., М., Политиздат, 1979, с.21/.

"Отношение между производительными силами и формой общения – это отношение между формой общения и действиями или деятельностью индивидов. /Основная форма этой деятельности, конечно, материальная деятельность.../.

"Условия, при которых люди производят, ... эти различные условия, которые сначала являлись условиями самодеятельности, а впоследствии оказались оковами ее, образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами формы общения, становится новая, соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самодеятельности форма общения, которая, а *son toug*, превращается в оковы и заменяется другой формой" /там же, с.63-64/ и т.п.

¹⁹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.2, с.102.

²⁰ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.18.

есть "субстанция-субъект" именно потому, что ее субстанцией является материальная деятельность, субъектом которой выступает живой, деятельный, присваивающий природу человек.

Здесь мы сознательно оставляем в стороне саму диалектику развития и смены форм деятельности, точное установление, в чем именно состоит определяющая роль средств производства и т.д., с тем, чтобы сосредоточиться только на одном аспекте материалистического понимания истории, а именно – на развитии форм присвоения природы человеком.

..."Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее".²¹

Определенный способ производства есть процесс присвоения обществом природы, присвоения, опосредованного основным производственным отношением данного способа производства. Природа присваивается не в абстрактно-доисторической, давно несуществующей форме, а в общественно-определенной, в форме основного производственного отношения.

Однако что здесь выступает в качестве "природы", т.е. содержания, присваиваемого в этой форме?

Общество, на определенном отрезке исторического развития становящееся тождественным своему господствующему способу производства и в этом качестве неразложимое на абстрактные "природу без общества" и "общество без природы", представляет собой органическую целостность, выступает как *субстанция-субъект* дальнейшего общественного развития.

Это развитие (источник и механизм которого здесь не рассматривается!) протекает через возникновение в недрах господствующего способа производства новой основной формы деятельности и затем – становление нового основного производственного отношения.

Борьба нового способа производства с прежним и его победа означает *присвоение обществом самого себя через форму нового основного производственного отношения*. Новым содержанием, присваиваемым в этой форме, является, таким образом, уже не доисторическая, а очеловеченная "природа" в форме, т.е. в оболочке исторически предшествующего основного производственного отношения. *Новый способ производства в качестве "общества" присваивает прежний в качестве "природы"*. При этом новая основная форма деятельности присваивает прежнюю в качестве своей производительной силы.

Таким образом, то, что присваивается обществом в качестве природы в рамках определенного способа производства, представляет собой как бы "матрешку", в самой сердцевине которой скрыта абстрактно-девственная, Дочеловеческая природа, присвоенная в форме основного производственного отношения первичного, архаического способа производства. Каждому способу производства, взятому в исторической последовательности, соответствует новый слой этой матрешки – его основное производственное отношение, выступающее как форма присвоения предшествующего способа производства, а следовательно – в его оболочке – и всех предшествующих способов, вплоть до исходного, архаического, который, подобно ореху, заключает в своей скорлупе нетронутые деятельностью человека феербаховские "коралловые острова".²²

В результате развития производственной деятельности между абстрактной природой и присваивающим ее абстрактным индивидом воздвигается цепь посредников, вложенных друг в друга типов производственных отношений, отражающих историческую последовательность способов производства. *Присвоение природы оказывается ее отчуждением и наоборот*.

"...Присвоение, освоение выступает как отчуждение, а отчуждение выступает как присвоение..."²³

"Промышленность является действительным историческим отношением природы, а, следовательно, и естествознания, к человеку.

Становящаяся в человеческой истории – этом акте возникновения человеческого общества – природа является действительной природой человека; поэтому природа, какой она становится – хотя и в отчужденной форме – благодаря промышленности, есть истинная антропологическая природа".²⁴

Теперь мы можем дать точный ответ на вопрос о том, в какой форме должна быть представлена "анатомия человека" для того, чтобы она могла послужить "ключом к анатомии

²¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.23.

²² К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. М., Политиздат, 1979, т.1, с.17-18.

²³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.99.

²⁴ Там же, с.124.

обезьяны".²⁵ *Анатомия* капитала как увенчанная им самим иерархия соподчиненных типов производственных отношений как раз и выступает как *палеонтология* всех исторически предшествующих способов производства. Но с точки зрения решаемой нами задачи – установления последовательности этапов отчуждения – в качестве средства в равной степени могут быть использованы как "анатомия", так и "палеонтология": эта последовательность, взятая в одном отношении, выступает как историческая последовательность господствующих производственных отношений различных способов производства, а в другом – как иерархия типов производственных отношений, подчиненных капиталу.

"...Более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т.е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом смысле ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу".²⁵

"...Наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т.е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства.. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого: это самостоятельная работа, к которой тоже мы надеемся еще приступить".²⁶

Мы стоим перед проблемой установления сущностных этапов отчуждения, поставленной уже в "Экономическо-философских рукописях 1844 г.", заняться решением которой Марксу так и не довелось.

4. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ СПОСОБОВ ПРОИЗВОДСТВА КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ОТЧУЖДЕНИЯ

В этом разделе мы даем краткий, имеющий сугубо предварительный характер очерк феноменологии отчуждения. Ограниченной постановке задачи соответствует ограниченный характер используемых логических средств: феноменология отчуждения здесь выступает как логика присвоения.

Общий характер этой логики был уже обрисован выше, когда процесс смены способов производства был представлен как естественно-исторический процесс присвоения природой самое себя. "Природа" при этом выступает в общественно-определенной форме: новый способ производства в качестве "общества" присваивает прежний в качестве "природы".

С точки зрения логики присвоения задача выглядит следующим образом: необходимо вывести всю "цепь опосредующих звеньев", т.е. этапов отчуждения, опосредующих полюса присвоения, и при этом показать, в каком именно смысле первое звено является первым (т.е. выступает как становление отчуждения), а последнее с необходимостью кладет предел этому процессу и означает необходимость революционного перехода к снятию, преодолению отчуждения.

Присвоение природой самое себя имеет место уже на биологической ступени эволюции. Субъект присвоения, прежде чем стать обществом, выступает как биологическое сообщество, вид.

В чем же, однако, состоит *differentia specifica*, качественное отличие социального присвоения от биологического? Использование орудий как таковое не может служить таким отличием (бобры, строящие плотины, орлы, раскалывающие черепахи панцири о камни и т.п.). "Коллективистский", "альтруистический" характер поведения индивида, т.е. его направленность на достижение целей сообщества, также часто встречается в животном мире.

Использование орудий и "альтруистическая" форма поведения являются важными, но внешними сторонами исторически первого, архаического способа производства. И то и другое здесь, как и на биологическом уровне, является еще бессознательным, стереотипным поведением индивидов. *Качественное различие биологической и социальной формы присвоения заключено в механизме воспроизводства стереотипного поведения. В первом случае он имеет генетическую природу, во втором – социальную.* Воспроизводство стереотипов поведения в сообществе предков

²⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, С.42.

²⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.1, с.39.

²⁶ Там же, с.452.

человека осуществляется первоначально через *подражание*, а закрепление тех из них, которые оказываются целесообразными – через *естественный отбор на уровне сообществ*.

Социальный механизм воспроизводства стереотипов значительно расширяет диапазон, резко ускоряет темп эволюционного развития, при этом сохраняя биологическую универсальность отдельных индивидов. В этом смысле человек с самого начала выступает как *зоон politikon*, общественное животное, т.е. *такое животное, стереотипы поведения которого заложены не в нем (т.е. генетически), а вне его, в социальной форме общения. Сущность человека – не в его генотипе, а в совокупности всех общественных отношений. Поэтому животным рождаются, человеком лишь становятся.*

Таким образом, основным производственным отношением архаического способа производства является *стереотип, обычай*. Этот обычай выступает как социальный, поскольку в нем закрепляются не любые, а именно альтруистические, обеспечивающие выживание целого формы индивидуального поведения. С другой стороны, закрепление форм деятельности не через механизм наследственности, а в качестве социальных стереотипов впервые создает возможность освоения, закрепления и передачи разнообразных и сложных форм орудийной деятельности, благодаря чему человек оказывается способным в ходе эволюции перейти от простого присвоения природы к ее активному освоению, приспособлению к своим нуждам.

По мере развития и усложнения стереотипных форм деятельности и поведения механизм их воспроизводства через подражание становится ограничением этого процесса. Возникает *система регулирующих социальное поведение норм и правил*, воспроизводство которых осуществляется через *специальный механизм обучения и социального контроля*. Форма общения приобретает новое качество – становится ритуализированной: соблюдение каждым индивидом принятых форм деятельности и поведения контролируется сообществом извне. Тем самым создается возможность передачи через обучение сложных форм деятельности типа технологических цепочек, состоящих из многих отдельных этапов или операций.

Важнейшую роль имеет состоящая из двух этапов цепочка "изготовление орудия – использование орудия". Если для воспроизводства стереотипа *использования орудия* оказывается достаточным механизм подражания, то воспроизводство технологии *изготовления орудия* с необходимостью связано с механизмом обучения и внешнего контроля. Поэтому только на данном этапе возникает человек как *toolmaking animal*. Основным производственным отношением этого способа производства – назовем его *первично-коллективным* – является *ритуал*, "пред-мораль".

Последним из трех доисторических способов производства (т.е. таких, в которых еще не возникла частная собственность, в какой бы то ни было форме) является *родовой способ производства*. Возникает род, т.е. система кровнородственных связей, который выступает здесь как основное производственное отношение.

...Следующие три слоя отчуждения образуют основные производственные отношения первобытно-общинного, азиатского и рабовладельческого способов производства.

В первобытнообщинном способе производства, как известно, основным производственным отношением является отношение *личной собственности*. Здесь наряду с совместно используемой общинной землей появляются участки, выделенные для индивидуальной обработки, возникает личная собственность на орудия труда, различные формы обособления быта. Тем самым, отношение личной собственности "вклинивается" в качестве опосредующего звена между индивидом и родом, к которому он принадлежит.

Азиатский способ производства возникает как обеспеченное военным путем господство одной общины (выступающей как "царский род") над другими. Основным производственным отношением является *внеэкономическое принуждение* или отношение эксплуатации в своем "чистом", исходном виде. Причем, первичным, неразложимым далее объектом эксплуатации выступают целостные общины, "эти маленькие, стереотипные формы социального организма",²⁷ а не отдельные индивиды.

Господствующая община тем самым превращается в исторически первую форму государства – аппарат прямого насилия, а господствующий род становится "классом-в-себе", первым эксплуататорским классом. Община, бывшая господствующей формой деятельности предыдущего способа производства, в азиатском способе становится производительной силой.

²⁷ К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.9, стр.135.

В рамках рабовладельческого способа производства "голое" внеэкономическое принуждение опосредуется законом (*отношением регламентации*). В качестве основного производственного отношения закон устанавливает порядок, вид, меру насилия, применяемого только в каждом конкретном случае нарушения регламентированных им отношений. Закон делает возможным поддержание контроля над огромными разноплеменными империями, обеспечивает развитие торговли. Способ деятельности, связанный с внеэкономическим принуждением, выступает здесь как производительная сила в различных формах рабства, регламентируемых законом.

Последние три слоя отчуждения ... составляют основные производственные отношения седьмого, восьмого и девятого способов производства – феодализма, абсолютизма и капитализма.

В отличие от закона, жестко предписывающего, регламентирующего определенные действия, *право* лишь устанавливает систему ограничений, в пределах которых возможны любые действия, не выходящие за их рамки. Только начиная с этой ступени возможно говорить о "правах и обязанностях", "индивидуальной свободе", "взаимных обязательствах", и т.п. Смещение "закона" с "правом" в обыденном понимании является следствием того, что *право в качестве более позднего слоя отчуждения по отношению к предыдущему выступает как форма по отношению к содержанию*: закон как свод регламентации превращается в закон как свод ограничений, т.е. закон, в котором фиксируется право. Но *это свойственно любым двум последовательным слоям отчуждения*: род превращает мораль в родовую мораль; насилие ставит на место общинной личной собственности дань, военную добычу; закон превращает голое насилие в санкцию за нарушение регламентации, установленной законом и т.п.

*Основным производственным отношением феодального способа производства выступает право*²⁸ в форме вассалитета, феодального права.

Между феодализмом и капитализмом, точно так же, как (в предыдущей "триаде") между первобытно-общинным строем и рабовладельческим, находится еще один переходный способ производства – *абсолютизм*. Но если последний в таком качестве вообще безнадежно затерялся ... , то по поводу азиатского способа ведутся нескончаемые споры, вызванные отнюдь не дефицитом фактического материала (он как раз имеется в избытке), а отсутствием адекватных понятийных средств различения.

При абсолютизме право из господствующего производственного отношения превращается в то, что можно купить. Основной формой зависимости крестьян становится денежная рента. С другой стороны, благодаря деньгам образуется новый слой аристократии ("дворянство плаща" наряду с "дворянством шпаги"). Деньги становятся средством перехода в более высокое сословие. Массы выкупившихся крестьян пополняют ряды свободных ремесленников, объединяющихся в цехи. В городах под сенью Магдебургского права расцветают могущественные купеческие гильдии, расширение торговли приводит к образованию национального рынка. И все это торгашеское буйство поощряется абсолютным монархом, расширяя, в свою очередь, его финансовую мощь, которую, в опоре на наемное войско и свободные города, он использует для ликвидации феодальной раздробленности.

Основным производственным отношением абсолютизма как способа производства является товарно-денежное отношение.

Товарно-денежные отношения ... существуют при капитализме и даже занимают в нем весьма почетное место. Однако точно так же существуют право, закон, и даже старинное рабство не торопятся перейти в разряд ископаемых.²⁹ Но главенствует над всем этим *капитал* в качестве основного производственного отношения. Товарно-денежные отношения образуют лишь "материю" капитала, однако сам он – качественно новая форма существования этой материи, *самовозрастающая стоимость*.

При капитализме деньги – это средство делать деньги, и это свойство они приобретают только в качестве капитала. При абсолютизме деньги – это только средство купить себе право перейти в более высокое сословие. С другой стороны, для высших сословий, нуждающихся в

²⁸ Не следует смешивать право как производственное отношение, как отчужденную форму общения собственников, – с правовой надстройкой. Аналогично, закон /отношение регламентации/ нужно отличать от института законодательства как специфической формы деятельности, в которой впоследствии фиксируется это отношение.

²⁹ "Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т.д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности... Рабство – это экономическая категория огромного значения". /К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.27, с.408/. Многочисленные факты о кабальных формах эксплуатации мексиканцев на юге США и т.п. свидетельствуют, что это положение Маркса спустя полтора столетия ничуть не устарело.

деньгах, средством их получения является сословное право. Деньги обмениваются на право, а право обменивается на деньги. Имеющие деньги постепенно приобретают права, имеющие права спускают их за деньги. Эти два встречных потока медленно просачиваются сквозь систему сословных плотин и шлюзов, которая, наконец, взрывается буржуазной революцией.

Начиная с четвертого способа производства природа присваивается индивидом только в форме личной собственности (естественно, бдительное отчуждение следит, чтобы при сем блюлись интересы многочисленных родственников, делались реверансы в сторону господствующей морали и отдавалась дань священным обычаям). Каждое последующее производственное отношение поочередно выступает как новый способ присвоить предмет природы в качестве своей личной собственности, однако, оно же тем самым на одно звено увеличивает цепь посредников между собственником и предметом его вожделений. Насилие – это способ присвоить чужую личную собственность; закон – способ превратить неупорядоченный грабеж в контролируруемую производительную силу; право – способ поставить закон на службу противоречивым интересам класса собственников; деньги – способ приобрести право; капитал – способ произвести деньги...

Здесь цепочка посредников обрывается, поскольку уникальность капитала как производственного отношения состоит в том, что он есть *самовоспроизводящееся отношение*, есть способ произвести самого себя. Именно поэтому капитал является последней формой отчуждения.

Теперь мы можем в явной форме перечислить все слои отчуждения, т.е. основные производственные отношения исторически последовательных способов производства.

	NN	Способ производства	Основное производственное отношение
1		Архаический	Стереотип
2		Первично-коллективный	Ритуал
3		Родовой	Род
4		Первобытно-общинный	Личная собственность
5		Азиатский	Власть
6		Рабовладельческий	Закон
7		Феодальный	Право
8		Абсолютистский	Деньги
9		Капиталистический	Капитал

Однако, мы не занимаемся историческими изысканиями. История отчуждения – лишь средство построить теорию его преодоления. Теперь, наконец, мы видим первое, еще расплывчатое отражение будущего в зеркале исторических вод.

5. КОММУНИЗМ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ.

"Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между

существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом".³⁰

Коммунизм для Маркса "... означает становление практического гуманизма".³¹ Сам этот гуманизм "... есть положительная действительность человека, уже не опосредуемая отрицанием частной собственности, коммунизмом. Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, (*т.е. отрицание отчуждения, которое, в свою очередь, есть отрицание сущности человека.* – АВТ.) поэтому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоения человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества".³²

..."Истинный исток и тайна"³³ робин-гудовской философии наших "марксистов" заключается в том, что они не отличают *простое упразднение* частной собственности от ее *положительного упразднения*, т.е. *уничтожения* /термины Маркса/. В результате этого невинного заблуждения и возникает легенда о коммунизме как об "идеальном способе производства", классическое определение которого якобы дается в "Критике Готской программы".

Мы видим, что Маркс разделяет развитие человечества на три эпохи. Первая из них – *предыстория, эпоха отчуждения* (включающая, как было показано, девять способов производства). Вторая – *эпоха уничтожения частной собственности*, каждый из способов производства которой является этапом снятия одного из слоев отчуждения. Третья – *эпоха "положительного гуманизма"*, свободная ассоциация всесторонне развивающихся индивидов.

85.06.18-25

{ПАРАДОКСЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ" (ГЛ. 1)}

...Целостное материалистическое понимание истории, в основных чертах развитое Марксом уже в 1844 г., охватывает помимо "предыстории" еще две эпохи, причем механизм развития во второй из них является прямым диалектическим отрицанием первого, а в третьей – снятием противоречия между ними.

Центральная категория "Экономическо-философских рукописей 1844 г." – категория "*отчуждения*". Материалистическое понимание истории, выраженное через эту категорию, состоит в следующем.

Источником движения общества является развитие производительных сил, которые человек помещает между собой и присваиваемой, осваиваемой посредством них природой. Тем самым они образуют новую, социальную "природу", лежащую между человеком и естественной природой.

Поскольку производительные силы имеют коллективный, общественный характер, эта новая природа может быть присвоена, использована человеком не непосредственно, а только в конкретной социально-экономической форме. Эта общественная форма присвоения, взятая в одном своем аспекте, как форма присвоения производительных сил, – есть конкретная форма *отношений собственности*, а в другом аспекте, как форма общения между людьми в процессе производства, – есть конкретная форма *производственных отношений*. И в этом смысле, по Марксу, *собственность есть совокупность всех производственных отношений*.

Социально-экономическая форма присвоения (иными словами – форма собственности, форма производственных отношений) оказывается неустранимым посредником между людьми и их производительными силами.

Власть посредника – эмпирически хорошо известный факт. ...Получается, что наши собственные производственные отношения воспаряют над нами подобно античному року, превращаются в чуждую, неконтролируемую, господствующую над нами силу.

Получается, не люди присваивают свои производительные силы как собственность, а отношение собственности, превратившись в субъекта, присваивает людей. Перед нами не человеческая история, а история отчуждения, история развития собственности. Именно в этом

³⁰ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.116.

³¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с.169.

³² Там же, с.127.

³³ Там же, с.155.

смысле Маркс называл всю предшествующую историю, включая и капитализм, *человеческой предысторией*.

...Первую эпоху, включающую капиталистический и все предшествующие ему способы производства, в которой развитие имеет характер естественно-исторического процесса, чьи закономерности неподвластны людям и не осознаются ими, Маркс называет *"царством естественной необходимости"*. Этому царству, над которым в качестве слепой отчужденной силы господствует производство – человеческий "обмен веществ с природой", – противопоставляется "истинное царство свободы", лежащее вообще вне всякого производства и над ним. Однако эти два царства исторически должны быть опосредованы еще одним, промежуточным, где производственная деятельность людей еще необходима, но уже во все возрастающей мере подвластна их воле, где свобода еще лежит в границах необходимости, но сама необходимость уже является не *естественной*, а *осознанной*, и в этом смысле переходит в свободу: "Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила... Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе" (К. Маркс, "Капитал", т.3).

Итак,

"Царство естественной необходимости" = "Предыстория"

"Царство осознанной необходимости" = "Эпоха коммунизма"

"Царство свободы" = "Эпоха гуманизма"

...Категория *субъекта*, чья деятельность состоит в познании объективных законов, превращении их в двигатель общественного развития и управлении этим развитием, *должна стать центральной категорией материалистического понимания истории* в коммунистическом типе развития.

83.11.18 – 12.13

{ИЗ ТЕЗИСОВ О ТЕОРИИ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА}

Каковы главные черты нового способа производства?...

Важнейшая из них – превращение отношений собственности в общественную производительную силу. Повторим еще раз, что речь идет не просто о победе нового типа отношений собственности над прежним. Здесь мы сталкиваемся с качественно новым типом перехода между формациями.

Отношения собственности утрачивают в этом переходе роль сущностной границы способа производства, определяющей всю систему его производственных отношений. Теперь они уже сознательно используются в качестве новой общественной производительной силы. В этом качестве отношения собственности дают уникальную возможность мобилизовать производительный потенциал общества как целого, впервые подчинить эту мощную силу целям производства. Одновременно, где и когда это необходимо и уместно, там и тогда становится возможным использовать различные адекватные задачи и ситуации типы отношений собственности в качестве общественных производительных сил.

Вторая основная черта нового способа производства относится к материальной базе общества, доминирующему типу средств производства. Человеческий труд, а вместе с тем и человек как таковой уйдут из сферы материального производства... "...Историческое назначение капитала будет выполнено тогда,... когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека" (Маркс, т.46, ч.1, стр.280).

Но что же составит в этих условиях основное содержание человеческой деятельности?

Человек становится опосредствующим звеном между сферой материального производства, основой своего существования, по отношению к которой он отныне выполняет только функцию развития, и сферой общественного сознания, совокупного духовного богатства общества, являясь одновременно его субстанцией и субъектом.

85.06.26 - 08.08

{ПАРАДОКСЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ" (ГЛ. 2)}

...Тайна производственных отношений – один из "вечных вопросов" истмата, к тому же он строго табуирован жрецами храма общественных наук.

В тот роковой миг, когда Яхве произнес свое знаменитое проклятие: "В поте лица добывать ты будешь хлеб свой!..", дьявол шепотом добавил: "А главное – в отчужденной общественной форме будешь ты присваивать собственные производительные силы". А коль скоро функциональное назначение производственных отношений, этого порождения врага рода человеческого, состоит в присвоении производительных сил, их классификация определяется классификацией того, что присваивается в их форме.

Маркс не оставил нам полной классификации производительных сил не потому, что за этим стояла какая-то теоретически неразрешимая проблема... Однако все дело в том, что для Маркса этот вопрос был чисто академическим. Таким он перестает быть только когда общество вплотную подходит к эпохе преодоления отчуждения, уничтожения производственных отношений, и в силу этого должно конкретно и ясно увидеть свой новый предмет. Что касается общей структуры преодоления отчуждения, на этот счет Маркс оставил недвусмысленные методологические указания. "Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение..." "Уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является господствующей силой". (1844 г.) Дальнейшее было ясно.

Материалистическое понимание предьстории есть взгляд на развитие общества как на естественно-исторический процесс. Но особенно естественно эта истина выглядит по отношению к развитию производительных сил. Это во-первых. А во-вторых, производительные силы есть попросту силы природы, становящиеся силами общества. Но для человека этой эпохи "социальная природа" ничуть не лучше естественной, поскольку ее населяют отчужденные силы, которые не только не являются его силами, а, напротив, эксплуатируют его самого. Подлинный лик этой эпохи – не рафинированная "феноменология духа", а грубая феноменология развития вырастающих из природы производительных сил.

Технология – первая из трех таких главных общественно-природных сил. Она обуздывает и объединяет в комплексы силы дочеловеческой природы (свойства материалов, степени свободы обезьяньей конечности, физико-химические процессы и т.д.), "склеивая" их посредством *энергетических связей*.

Иерархичная структура сил – не новость для природы. Сила живой мышцы базируется на системе химических, а те, в свою очередь – физических сил и т.п. Технология венчает собой эту пирамиду, одновременно ложась в основание иерархии сил антропологической природы.

Организация объединяет различные технологии в целостные "комбинаты", склеивая их посредством *информационно-управленческих связей*. Теперь технология из самодовлеющей силы превратилась в производительную силу организации, и в этом качестве эксплуатируется ею.

Экономика сплавляет в единую силу разрозненные организации, пронизывая их всепроникающим эфиром *стоимостных связей*. Природа этих незримых силовых линий, открытых и исследованных Марксом, оказалась столь неуловимой, что даже человечество XX века, познавшее внутриатомные связи, до сих пор не в ладах с его открытием.

Этой "феноменологии производительных сил" могут быть сопоставлены две глубокие параллели – историческая и логическая.

Исторически "технологии" соответствует *род* – архаическая организация общества до появления частной собственности. Естественно-исторический процесс на этой стадии выглядит как борьба за существование множества этих "одноклеточных" социальных организмов, присваивающих силы природы и превращающих их в свои, – борьба, в которой выживает тот, кто добивается наибольшего успеха в таком присвоении. В этой борьбе – источник развития производительных сил общества.

В качестве "организаций" на историческую сцену вступают основанные на внеэкономическом принуждении "многоклеточные организмы" империй древнего мира. "Одноклеточная" варварская периферия образует для них ту среду, за счет которой они

обеспечивают свое питание и рост. По мере такого объединения родов в империи война между родами переходит в ранние формы классовой борьбы.³⁴

Тонкая паутина экономических связей между древними цивилизациями, постепенно уплотняясь, лишь в конце эпохи капитализма образует единую ткань мировой капиталистической экономики: "система превращается в целостность" /Маркс/, перерабатывая в свое экономическое тело все уцелевшие организмы "технологий" и "организаций" и заполняя этим телом, как единым "социоценозом", все отведенное для нее пространство земной поверхности.

Но тем самым положен предел экстенсивному, естественно-историческому типу развития. Экстенсивный рост экономики может продолжаться, пока она находит вокруг себя в качестве предмета "нижние организмы" производительных сил – технологий и организаций. Но как только общество, развиваясь естественно-историческим путем, превращается в целостную экономику, упирающуюся кругом в самое себя, в собственные границы, – дальнейшее развитие возможно только при условии, если общество станет *субъектом по отношению к самому себе*, превратит себя в предмет собственной деятельности. Точнее, таким предметом могут теперь быть только образующие социальную ткань производственные отношения. Смена естественно-исторического типа развития на коммунистический становится необходимым условием дальнейшего развития.

Логическая параллель "феноменологии" основывается на понимании, что эти три по видимости самостоятельные общественно-природные силы отражают на самом деле три ступени становления одной-единственной производительной силы – труда.

Сначала труд превращается в производительную силу в его качественном аспекте, затем, на втором этапе – в количественном, и, наконец, – в аспекте меры. Иными словами, в производительную силу превращаются три основных свойства, аспекта, присущие труду как конкретно-всеобщему. В технологии используется способность труда производить широкий спектр *качественно-различных* продуктов, используя все разнообразие сил природы. В организации работает новая сила, возникающая из объединения двух и более разнокачественных процессов труда во вполне определенном *количественном* соотношении. Выигрыш возникает от того, что специализированный труд значительно более производителен. Однако, труд, произведенный в количестве, большем, чем то, которое определено организационным отношением, здесь еще теряется, пропадает зря.

Мера и есть отношение этого, прибавочного труда к необходимому, количество которого определяется организационным отношением, требованиями воспроизводства самой организации. Сущность экономики – прибавочный труд, превращенный в производительную силу.

Эту картинку легко соотнести с канонами политэкономического катехизиса, поняв, заодно, что они из себя представляют.

Диалектика превращения природной силы в общественную производительную силу такова, что в нем можно выделить три ступени становления. Вначале эта сила выступает как *предмет* /т.е. то, что берется из природы и используется непосредственно в своем природном качестве/, затем – как *средство* (т.е. то, что используется, например, в качестве орудия для обработки предмета труда/ и, наконец, как *продукт*)т.е. искусственно воспроизводимая вещь, которой придается определенное, заранее заданное свойство/.

Применительно к технологии эта схема дает такие этапы ее становления как производительной силы:

- предмет труда (одушевленный или неодушевленный),
- орудие труда (одушевленное или неодушевленное),
- средство производства (понимаемое двояко – и как наделенный способностью к орудийной деятельности общественный человек, и как искусственно воспроизводимое орудие).

Качественно различные производственные процессы образуют теперь верхний слой сил "природы", превращение которых в производительные силы происходит в рамках организации.

Этапы становления производительной силы организации следующие:

- разделение труда,

³⁴ "Новейшие исследования показывают, что наиболее ранние формы общественного разделения труда, представляющие собой начальную ступень возникновения классов, отношений эксплуатации, соподчинены, как правило, с межродовыми и межплеменными связями... В племенных общностях выделяются так называемые благородные роды и неблагородные, господствующие и подчиненные, управляющие племенем и управляемые... Социальное неравенство внутри родственных коллективов возникает значительно позднее" ("Марксистско-ленинская теория исторического процесса": ч. II, М., 1983 г.)

- кооперация труда,
- "общественная комбинация труда" (Маркс).

Наконец, ступени становления экономики – или, что то же самое, этапы превращения прибавочного труда в производительную силу, таковы:

- производительный труд,
- общественно-полезный (товаропроизводящий) труд,
- наемный труд.

Вначале прибавочный труд обнаруживается в организационной "природе" в качестве божьего дара и используется как дойная корова, приносящая конкретную потребительную стоимость. Затем он превращается в универсальное средство получить любую потребительную стоимость, т.е. в источник общественной потребительной стоимости, заключенной в произведенном продукте как в товаре. Остается только превратить эту чудесную силу прибавочного труда из ненадежного дара природы в стабильно производимый продукт – наемный труд. Производимый – но кем? Перед нами совершенно уникальная производительная сила, которая обладает способностью не только производить любую мыслимую потребительную стоимость, но и воспроизводить саму себя. Наемный труд есть "потребительная стоимость, приносящая потребительную стоимость" /Маркс/. Рабочий класс, собственными руками производя все на свете, тем самым воспроизводит сам себя.

Мы видим, что окончательное выделение труда из числа "стихийных сил природы" в качестве общественной производительной силы – дело совсем недавнее. Однако политэкономический катехизис утверждает нечто сугубо противоположное. Соответствующий псалом гласит: "Труд – великий источник всего сущего – был, есть и пребудет вечно. Аминь."

Ну, вечно ли он пребудет, мы, с Марксовой помощью, уже разобрались. Разберемся теперь, был ли он, и в каком смысле. Открыв Писание, на монопольную трактовку коего притязает наш катехизис, читаем: "Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности – как о труде вообще – является тоже весьма древним. Тем не менее "труд", экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию".

Мы цитируем гениальное "Введение" Маркса, дважды (т.12 и т.46) опубликованное в Собрании сочинений. Далее в тексте объясняется, грубо говоря, что труд возник только при капитализме. "Труд здесь не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда".

После того, как труд возник в жизни, появилась сопутствующая категория "труд вообще" и в теории. С помощью этой категории труд немедленно был усмотрен во всех эпохах, и на этом основании провозглашен существующим от сотворения мира. Конечно, на этом фоне подробные объяснения Марксом того, что труд /не как абстракция, а как реальность/ обрел существование только в условиях развитых капиталистических отношений, выглядят очередным чудачеством, несущимся в стиле Гераклита Темного.

К чему вообще все это было нужно Марксу? Тем более, к чему это нам? Как может помочь нам подобное копание в категориях при решении народнохозяйственных проблем?

Напомним: "Коммунистическая революция... устраняет труд" ("Немецкая идеология"); "пролетарии... должны уничтожить труд" (там же). Но – можно ли уничтожить то, что вечно, неизменно, а, следовательно – бесструктурно? Напомним: труд есть всеобщая, единственная общественно-природная производительная сила, содержащая в себе все мыслимые производительные силы как этапы собственного становления...

...Сущность коммунистической эпохи – не только уничтожение производственных отношений, но и устранение общественных производительных сил.

...Стало традиционным считать, что производительные силы есть нечто прекрасное само по себе, и их следует всемерно развивать во все эпохи и при всех обстоятельствах. А между тем, коммунистическое комплексно-автоматизированное производство, из которого полностью вытеснен человеческий труд, в строгом политэкономическом смысле *не является производительной силой*. Это – сила природы, искусственной природы, которая будет создана человеком на протяжении эпохи коммунизма, которая будет полностью удовлетворять его потребности, и для пользования плодами которой он уже не будет нуждаться ни в каких посредниках, будь то производительные силы или производственные отношения. На протяжении двух эпох человечество пересоздает

природу, превращая ее в подлинно человеческую, т.е. такую, на базе которой может осуществляться деятельность по претворению в жизнь идеалов Гуманизма. Человек только тогда становится в полном смысле слова Человеком, когда перестает быть элементом какой бы то ни было стихийной общественно-природной силы.

...Разгадка "вековой тайны" производственных сил и производственных отношений будет выглядеть примерно так³⁴:

	Производительные силы	Формы собственности	Производственные отношения
Экономика	Наемный труд	Капитал	Отношения распределения
	Общественно-полезный (товаропроизводящий) труд	Деньги	Отношения обмена
	Производительный труд	Право	Отношения потребления (производственного)
Организация	Общественная комбинация труда	Закон	Отношения регламентации
	Кооперация труда	Власть	Административные отношения
	Разделение труда	Личная собственность	Имущественные отношения
Технология	Средство производства		Общественная потребность
	Орудие труда	Формы общественной собственности	Норма
	Предмет труда		Стереотип

Членению уничтожаемых в коммунистическую эпоху форм собственности и производственных отношений на экономические, организационные и технологические естественно сопоставить деление самой этой эпохи на три фазы: низшую /социализм/, среднюю /развитой социализм/ и высшую /коммунизм в собственном смысле слова/.

Основное содержание социализма — уничтожение трех экономических форм частной собственности, снятие отчужденных экономических отношений распределения, обмена, производственного потребления. На протяжении этой фазы коммунизма происходит вытеснение незримого эфира стоимостных связей, заполняющего пространство между обособленными производственными единицами-организациями, эфира, в котором осуществляется таинство расширенного воспроизводства, превращение прибавочного труда в производительную силу, но осуществляется таким образом, что человек оказывается безликим производителем господствующей над ним *стоимости*, рабом "фурий частного интереса". На месте этого идеального эфира постепенно вырастает вполне материальная организация, занятая "общественным счетоводством", чья задача — такое сознательное объединение всех обособленных производственных единиц в целостный хозяйственный механизм, при котором обеспечивается расширенное воспроизводство циркулирующего в его кровеносной системе прибавочного продукта. *Экономика исчезает, ее место занимает организация качественно-нового типа...*

По завершении первой фазы будет достигнута классовая однородность: общество превратится в единый класс, организованно (подобно античному полису в Спарте) "эксплуатирующий" производительную силу технологии, организационные отношения, информационно-управленческие связи выступают на передний план как непосредственно противостоящие слои отчуждения. В ходе их уничтожения в рамках развитого социализма исчезнут такие фигуры, как работник аппарата, статистик, начальник цеха, связист и прочие производители-потребители информации, поработанные чуждыми организационными законами. На месте этой

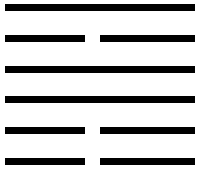
³⁴ Напоминаем, что обоснование здесь опущено.

картины отчужденных информационных связей возникнет искусственно созданная качественно-новая *технология* обработки информации, объединяющая в масштабах всего общества все технологические процессы в единый технологический комплекс, *хозяйственный организм*. Поскольку к этому времени живой труд человека в качестве источника мышечной энергии будет окончательно вытеснен из всех отдельных промышленных технологий – человек окажется полностью вне этого технологического комплекса. Тем самым будут до конца уничтожены отношения частной собственности, т.е. отношения присвоения отдельными лицами или их группами частей или элементов этого комплекса средств производства, однако останутся неснятыми отношения общественной собственности – отношения между людьми по поводу присвоения (т.е. совершенствования, использования, воспроизводства) хозяйственного организма в целом. Весьма существенно, что остаются также неснятыми отношения в сфере "обработки людей людьми" ("Немецкая идеология") – технологии воспроизводства самого человека.

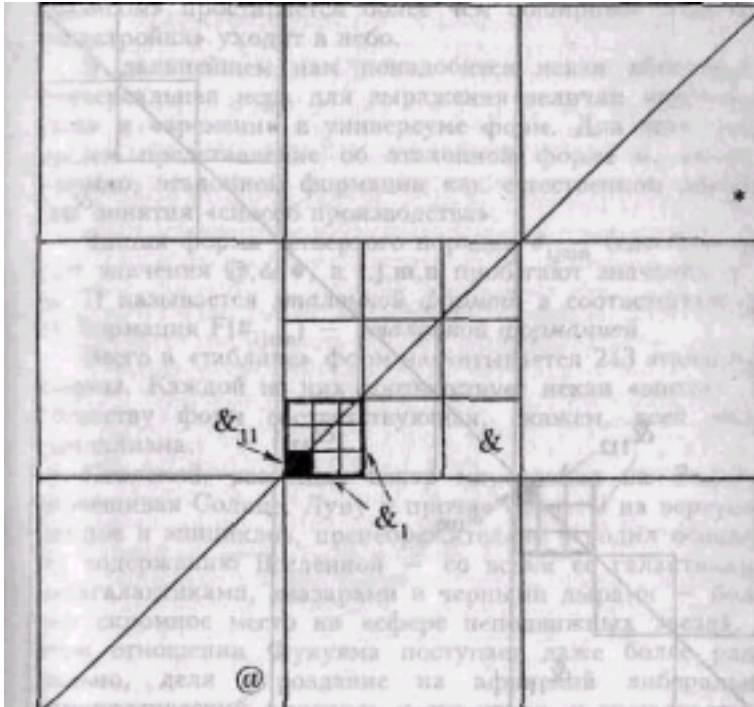
Таким образом, на второй фазе коммунизма завершается уничтожение частной собственности и разделения труда, отмирает государство, достигается общественное самоуправление и социальная однородность.

На высшей фазе коммунизма происходит преобразование производственно-технологического комплекса в самовоспроизводящуюся, искусственную природу, пользование плодами которой отныне осуществляется в индивидуальной форме, никак не опосредуемой обществом; в результате поэтапного преодоления отчуждения в сфере "обработки людей людьми" последовательно реализуется воспроизводство человека как имеющего определенные способности, ответственного и, наконец, сознательного.

В соответствии с изложенными во Фрагменте 3 представлениями, универсум $\&_{11}$ предысторических форм деятельности содержит девять диагональных чистых форм четвертого порядка (от $\&_{1111}$ до $\&_{1133}$), каждая из которых интерпретируется как основная форма деятельности одного из девяти "способов производства". В частности, используя терминологию Маркса, можно интерпретировать форму $\&_{1133}$ как "наемный труд"¹², а формацию $F\{\&_{1133}\}$ – как "капитализм" (см. Схемы 2,3).

Схема 2 (к стр. 66)

На схеме показана основная (плоская) проекция базовой "таблицы" форм, разбиение первого порядка универсума форм деятельности $\&$ (центральный квадрат) и разбиение второго порядка универсума исторических форм деятельности $\&_1$ (малый квадрат, обведенный жирной чертой). Закрашенный квадратик соответствует универсуму $\&_{11}$ предысторических форм деятельности. Чтобы увидеть на этой схеме чистую (диагональную) форму деятельности "капитализма", придется рассмотреть малый квадрат $\&_1$ как бы под увеличительным стеклом (см. Схему 3)

Понятие "формации" было введено в самом начале как предельно абстрактное. Если считать, следуя Марксу, "капитализм" частным случаем "социально-экономической формации", то можно ввести последнее понятие как весьма частный случай формации как таковой.

Формация $F\{\&_{1ijk}\}$ (где $\&_{1ijk}$ – одна из исторических форм деятельности четвертого порядка, а индексы i, j и k пробегает каждый значения от 1 до 3) интерпретируется как *социально-экономическая формация*.

Нетрудно видеть, что всего определенных таким образом "социально-экономических формаций" имеется 27, и в каждой насчитывается 243 "этажа"¹³. У каждой формации под "базисом" простирается более чем обширный подвал, а "надстройка" уходит в небо.

¹² В качестве упражнения предлагается обдумать утверждение, что форму $K\{\&_{1211}\}F\{\&_{1133}\}$ можно интерпретировать как "капитал".

¹³ Не нужно только забывать, что каждая такая формация представляет собой не столбец, а "кольцо": 244-ая клетка совпадает с первой.

В дальнейшем нам понадобится некая абстрактная универсальная мера для выражения величин "пространства" и "времени" в универсуме форм. Для этих целей введем представление об эталонной форме и, соответственно, эталонной формации как естественном обобщении понятия "способ производства".

Чистая форма четвертого порядка $\#_{ijmn}$ (где $\#$ пробегает значения $@, \&, *$, а i, j, m, n пробегает значения от 1 до 3) называется *эталонной формой*, а соответствующая ей формация $F\{\#_{ijmn}\}$ – *эталонной формацией*.

Всего в "таблице" форм насчитывается 243 эталонных формы. Каждой из них соответствует некая "эпоха", по богатству форм соответствующая, скажем, всей эпохе феодализма.

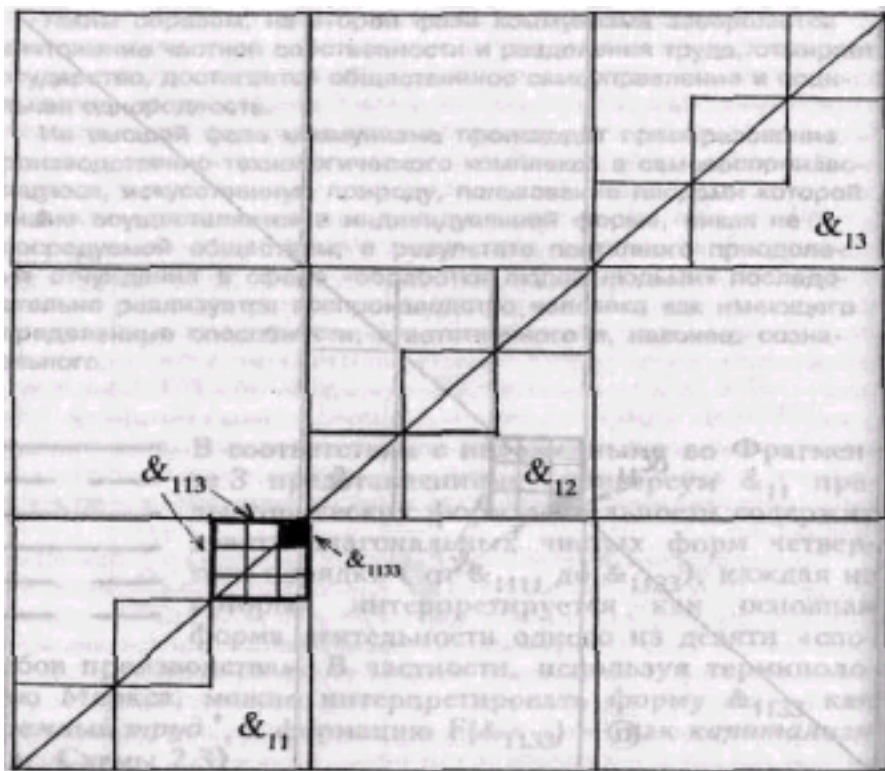

Схема 3 (к стр. 66)

На схеме показан универсум исторических форм деятельности $\&_1$ с разбиением второго порядка. Показаны также диагональные формы третьего порядка, а для формы $\&_{113}$ (обведена жирной чертой) -- разбиение четвертого порядка. Закрашенный квадратик соответствует чистой (диагональной) форме деятельности "капитализма" $\&_{1133}$.

Птолемей, размещая центр мироздания на Земле и развешивая Солнце, Луну и прочие планеты на вертушки циклов и эпициклов, пренебрежительно отводил основному содержанию Вселенной – со всеми ее галактиками, метагалактиками, квазарами и черными дырами – более чем скромное место на "сфере неподвижных звезд". В этом отношении Фукуяма поступает даже более радикально, деля мироздание на афинский либерально-демократический Акрополь и его второ- и третьесортные предместья.

Взгляд на исторический путь, проделанный человечеством, сквозь призму "таблицы" наводит на мысль, что слухи о конце Истории несколько преувеличены: заканчивается лишь первый из трех актов исторической драмы.

Но и по завершении исторических времен Человека ждут новые "времена", новые странствия во вселенной форм Деятельности. Впрочем, могут и не дожидаться. Но об этом – чуть позже.

[К оглавлению второй части](#)

15. Социологическая интерпретация. Три компоненты эволюции общества. К основам теории "модернизации". Индустриализация, либерализация и модернизация ("пост-индустриализация"). Органичная и либеральная модернизации.

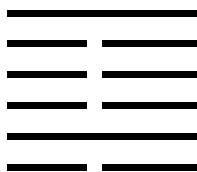

Таблица Менделеева имеет дело с чистыми элементами, ее клеткам нельзя сопоставить в качестве "интерпретации" сложные химические соединения. Аналогично клеткам "таблицы" форм соответствуют чистые формы¹⁴. В этом разделе обсуждается вопрос, чем может быть полезна "таблица" форм при исследовании сложных многоукладных социальных целостностей. Поэтому изложение, наряду с отдельными интерпретациями, содержит менее строгие соображения и комментарии.

ФРАГМЕНТ 4

ИЗ КНИГИ "ПОСЛЕ КОММУНИЗМА"

...Идеал ... обретет зримые, конкретные черты, когда ... мы осмелимся открыть не только в истории, но и в современной нам действительности зародыши, островки, уклады, в которых сегодня реально, зримо существуют все минувшие формации, все коммунистические способы производства и все формации эпохи "положительного гуманизма".

Здесь мы вторгаемся в новую область, касаемся второго измерения материалистического понимания истории. Первое измерение – взгляд на историю как на линейную цепочку "чистых" формаций, которая, как мы теперь выяснили, делится на три эпохи с присущей каждой из них специфической логикой, механизмом развития. На самом деле три типа развития, характерные для последовательных эпох, представляют собой три фазы единого диалектического процесса, между которыми существует генетическая связь, подобная связи между личинкой, куколкой и бабочкой.

Но еще Энгельс на примере феодализма разъяснил, что "чистые" формации практически в природе не встречаются. Органической частью материалистического понимания истории после Ленина стало представление об обществе как о гетерогенной совокупности, комплексе взаимодействующих "формаций-укладов", один из которых, как правило, доминирует и, пронизывая собой все поры социального организма как "особый эфир" /Маркс/, определяет формационную принадлежность всей целостности.

Каковы же законы движения, логика развития этих целостностей, социальных организмов?

Это и есть третье измерение исторического материализма – материалистическая диалектика как логика развертывания и разрешения противоречий между различными укладами, их возникновения, объединения в комплексы, чередования этапов количественных и качественных изменений, распада и гибели.

И только совокупность этих трех измерений дает возможность понять подлинный механизм смены способов производства. Чистая формация, взятая в качестве абстракции, конечно, же, обладает своим имманентным логическим самодвижением, но при этом никогда не выйдет за свои границы. Источник развития любого реального общественного организма – в его противоречивой многоукладности.

Эти три аспекта, измерения материалистического понимания истории представляют собой не что иное, как три органических части, раздела исторического материализма – системы категорий, используемой как средство не только и не столько для изучения истории общества, сколько для его изменения, сознательного исторического творчества. За каждой из этих частей стоит одна из трех фундаментальных категорий истмата.

Развертывание категории "деятельность" дает совокупность форм деятельности, типов личности и форм практики, лежащих в основе типологии формаций. Это – "таблица Менделеева" исходных социальных элементов, атомарных сущностей, из которых слагаются социальные организмы.

Развертывание категории "движение" позволяет представить себе "физику", "химию", "биологию" этих организмов – т.е. картину всего разнообразия типов взаимодействия укладов и их комплексов между собой.

¹⁴ Правда, не следует упускать из виду важнейшее обстоятельство: речь у нас пока шла не о самой "таблице" форм, которая шестимерна, а только о ее двумерной проекции.

Наконец, развертывание категории "развитие" дает собственно примененную к социальным процессам диалектику...

Из статьи "НОВЫЕ ВЕХИ"

...Прошлое нашей Родины едва ли не более закрыто и непостижимо, чем будущее. Вернуть историю государству Российскому! Падчерница исторического материализма, она упорно не влезает в прокрустово ложе теории. Отечественные производительные силы никак не желают имманентно саморазвиваться, а производственные отношения – в установленном порядке чинить им обструкцию. Наметанный глаз обществоведа, всюду выискивающий сельфакторы и машину Ползунова, вечно натывается в наших временных летах на перестройки сверху по мановению батюшки-царя, осуществляемые под угрозой или по итогам очередного нашествия иноземного супостата. Врагами народа в 30-е стали не только легендарные красные командиры, но и Карамзин, Соловьев, Ключевский, заметившие эту историческую странность и оттого зачисленные в идеалисты. Что же касается обнаружения историков-материалистов, то тут даже органы оказались бессильны. И роковое клеймо идеализма легло на всю российскую родословную, вынуждая бдительных граждан отречься от своих корней.

Печатью того же проклятия отмечена и наша революция. Подобно тому, как правочерные иудеи, ожидавшие мессию, не признали таковым Иисуса, ортодоксальные западные марксисты сочли ее незаконнорожденной. Октябрь 1917-го – скрещение всех загадок мировой истории.

...Теория Маркса позволяет в принципе построить менделеевскую таблицу общественно-экономических формаций, идеальных состояний, которые пробегает общество в процессе развития. Но химически чистые формации в социальной природе встречаются крайне редко. Реальный общественный организм – это противоречивая совокупность, комплекс взаимосвязанных укладов. Каждый из них представляет собой соответствующую формацию как бы в свернутом виде. Уклады – не только рудименты прошлых и зародыши будущих состояний, но и активные элементы, которые определяют настоящий день социальной системы. Физику этих элементов постиг Маркс, основы химии и биологии закладывает ленинское понимание многоукладности, логика взаимодействия и развития целого содержится в наследии Гегеля. Таковы три компоненты подлинного исторического материализма, три оси координат пространства, в котором движется человеческое общество.

В первую голову рамки и границы пресловутых единства и борьбы противоположных принципов должны быть установлены в жизненно важной сфере экономики. Это есть именно вопрос жизни и смерти, а не тема для схоластических вариаций, потому что мы уже опоздали, и опоздание вот-вот станет катастрофическим. Послевоенная практика развитых стран Запада давно подсказала ответ. Сферы действия свободы и справедливости – это, соответственно, производящий и воспроизводящий уклады. Уравнилельно-распределительной справедливости не место в сфере производства вещей, где не обойтись без здоровой, регулируемой конкуренции производителей. С другой стороны, элитарный, индивидуалистический принцип "Каждому – по способностям" не годится для сферы воспроизводства человека, для детских садов, больниц и домов престарелых. Вопрос о бытии социализма, над которым картинно бьются гамлеты нашего средневекового обществознания, прост как жизнь: общество социалистично, если в нем свобода существует в рамках и во имя справедливости; и наоборот, общество принадлежит к иной системе, если свобода в нем доминирует и допускает справедливость для собственного воспроизводства и стабильности.

Попытки растворить горсть кооператоров и арендаторов в массе населения, живущего на одну государственную зарплату-пособие, в лучшем случае наивны. Старинный обычай пустить красного петуха под крышу более удачливому соседу родился не в семнадцатом году. С другой стороны, и социалистические бизнесмены, оказываясь в положении волка в стаде казенных овец, самым ходом вещей подталкиваются к грабежу, а не к здоровой конкуренции. Предпринимательство должно концентрироваться в полюсах и регионах промышленного роста, в свободных экономических зонах различного типа, которые в совокупности составят "открытый сектор" нашей экономики. Пребывание в резервациях свободной конкуренции поможет нашим легальным миллионерам ощутить крепкие локти соперников, а заодно не мозолить попусту глаза блюстителям распределительной уравниловки. При этом предпринимательские зоны смогут уцелеть в агрессивном окружении, только если будут исправно платить обществу дань в виде постоянного потока качественных и недорогих потребительских товаров.

Но откуда возьмется сам дефицитный дух предприимчивости, который предстоит укоренять на подзолистой отечественной почве? Здесь не обойтись одним лишь поощрением его чахлах казенных ростков и надеждами на те клубни и корни, что могли чудом уцелеть под выжженным полем, зарастающим сорными травами подпольной экономики. Эти запоздалые меры придется дополнять тщательно выверенной и решительной пересадкой здоровой социальной и духовной ткани из-за рубежа. Чтобы покончить с рабской зависимостью от ввоза продуктов западного производства, необходимо импортировать само производящее начало.

Где же, в каком заморском укладе обитает ныне искомое начало? Глубоко и опасно заблуждаются те литераторы от политэкономии, которые помещают его в существующий столетиями классический рыночный уклад. Такое заимствование, безусловно, позволило бы нашему "народному хозяйству" сделать шаг вперед, – но это был бы в лучшем случае шаг из европейского тринадцатого столетия в восемнадцатое, в тупик, увековечивающий наше отставание.

Обычный человек не может воспринимать ультрафиолетовое излучение невооруженным глазом. В противоположность этому именно глаз, вооруженный сталинским истматом, в упор не видит, не различает на современном западе экономические уклады, расположенные на формационной шкале выше капитализма. Таковых, как известно, не может быть, так как этого не может быть никогда. Нет спору, классический капитал живет и здравствует в современной экономике элитаризма, – однако, он является в ней подчиненным, контролируемым и эксплуатируемым укладом, уже не столько отчужденной, сколько обобществленной производительной силой. Именно современные механизмы планового регулирования и управления развитием рыночной экономики, получившие мощное развитие со времен Рузвельта, должны быть заимствованы, усовершенствованы и применены социализмом в первую голову.

Наша архаичная хозяйственная система подобна близорукому пловцу, который полагает, что плывет в ту же сторону, что и все, а сам вот-вот разобьет голову о бетонную стенку бассейна, от которой уже оттолкнулся его соперник, развернулся – и движется в противоположном направлении. Беда в том, что наши теоретики "прозевали" смену фундаментальных типов общественного развития. Мы слепо упираемся в объективную необходимость приступить к преодолению частной собственности, – в стране, где эту собственность предстоит сперва создать.

Задача кажется немыслимой и безнадежной. Но она не более безнадежна, чем та, что стояла перед революционными силами России в начале века. Нужно было... "срезать угол" векового исторического развития... Но это значит, что вновь встают во весь рост проклятые вопросы семнадцатого года. Имеем ли мы право братья за перестройку-революцию в обществе, которое ни экономически, т.е. по уровню развития отношений собственности, ни культурно к тому совершенно не готово? Возможно ли совместить две несовместимых перестройки в одной? Не ввергнет ли это страну в очередной и, быть может, последний кровавый хаос?

Существует фундаментальное различие между тогдашней и теперешней ситуациями, которое дает исторический шанс. В политической области, в вопросе о власти мы были первопроходцами. Мы не могли получить помощи извне и сполна испытали "миллион терзаний", ибо, как писал Гончаров, первый воин, застрельщик – всегда жертва. Но куда мы шли своим крестным путем, – и в прямой связи с тем, что мы двинулись эи путем, – за океаном свершалось мучительное и судорожное таинство экономических родов. И сегодня экономика качественно нового типа, экономика, адекватная подлинному, реальному социализму, реально существует. Правда, не у нас.

Остается, стало быть, не изобретая более безграмотных "самобеглых колясок", вылучить указанную экономику из оболочки элитаризма и поставить на службу принципу социальной справедливости. Вот эта-то почти немыслимая трансплантация, установка реактивного двигателя на ветхую телегу, нам и предстоит. Однако, повторимся, шанс в том, что и телега, и двигатель, пусть порознь, но реально существуют, – в отличие от ковра-самолета политэкономических сказок.

Наш хозяйственный механизм во многих своих принципиальных, формационных чертах мало чем отличается от развитого планового хозяйства династии Птолемеев в эллинистическом Египте. От современности его отделяют столетия. Пусть так. Но зато все промежуточные уклады, заполняющие эволюционную шкалу между этими этапами, в мировой экономике налицо. Важно только понять, где и что именно заимствовать, и как правильно соединять между собой. Предстоит сконструировать пирамиду укладов, опирающихся друг на друга, причем нижний должен держаться на поверхности разлитого моря неконвертируемых рублей, а верхний, пусть минимальный по масштабам, соответствовать уровню и стандартам мировой экономики. Предстоит свернуть время формационной эволюции в пространство управляемой многоукладности. Превратить разнообразие наших "патриархальных, полудиких и по-настоящему диких" укладов из тормоза – в двигатель, использовать разность их экономических потенциалов как могучую производительную силу.

Поразительное многообразие условий нашей страны, сопоставимое с многообразием всей мировой цивилизации, предоставляет основные детали гигантского конструктора "сделай себя сам". Недостающие элементы нужно смело заимствовать из опыта и практики других народов. А этот опыт свидетельствует, что отсутствие высших экономических укладов, практически пустое место, на котором предстоит возводить здание современной экономики – одновременно и недостаток, и огромное преимущество. Рынок в будущее из-за спин лидеров не будет вязнуть в трясине отчужденных отношений и традиций. В то время как лорд-протектор величаво дремал на мешке с шерстью, потомки отцов-основателей стремительно двигались вглубь американских прерий. Из послевоенных руин тоталитарной империи взвился к небу удивительный цветок японской сверхдержавы.

...Не стоит страдать комплексами по поводу того, что в области хозяйственного и общественно-политического строительства предстоит расстаться с мученическим венцом реформаторов-первопроходцев, уступить другим незаконно узурпированную пальму первенства вместе с кадушкой. Наша миссия – совсем в ином. Страна таит в своих глубинах ювенильное море, в котором дышат и бродят девственные воды социальной справедливости. И пусть даже на поверхности явлений живой, действенной справедливости сегодня куда меньше, чем на западе. Для того чтобы эти воды прибились наверх, мы остро нуждаемся в прививке свободы.

В такой особой миссии нет ни малейшей претензии на исключительность, ибо в семье народов можно быть самым свободным, но нельзя быть самым равным. Хотим мы того или нет – необходимо принять свое наследие как судьбу, как непреложный факт. Но в этой данности – одновременно дар и долг, проклятье и благословение. Истинна вера в то, что отечество наше предназначено, всем ходом истории призвано стать духовной, общекультурной палестиной принципа справедливости, идеала равенства, его очагом, дарящим тепло и свет всей мировой диаспоре. И если очаг этот угаснет – необратимо нарушится баланс мировых весов, равно необходимый и справедливости, и свободе. Но неистинна вера в патриархально-общинный уклад как хранилище и вместилище этого тепла и света.

Вновь и вновь мифологическое сознание из лучших побуждений пытается затолкать едва родившегося, еще беспомощного младенца обратно в материнское лоно. Но нет пути назад. Социальной справедливости предстоит на нашей земле осознать самое себя, стать определяющим принципом устройства и жизни общества, чьи социально-экономические структуры должны быть скроены по меркам даже не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

...В новом типе развития, вдоль границы которого мы топчемся семь десятилетий, предысторическая диалектика отчужденных производительных сил и производственных отношений перестает служить мотором общества. Отныне двигателем развития может быть лишь сознательный субъект, который не просто является носителем одного из двух общественных идеалов, но при этом практически воплощает в жизнь теорию преодоления частной собственности. Рождение из мук "перестройки" такого исторического субъекта и степень его интеллектуальной вооруженности – подлинный вопрос жизни и смерти социализма. Время истекает.

Стать субъектом собственного развития – это значит прежде всего обрести самосознание, дать ответ на ленинский вопрос: кто такие "мы"? А для этого требуется не только бесстрашие и нравственная бескомпромиссность, но и огромная интеллектуальная мощь, культура мысли и духа. Лишь в 1983 году, сквозь недомолвки Андропова, наконец-то вновь забрезжил вопрос о том, кто мы такие и где находимся, – поистине судьбоносный вопрос-вопл, вырвавшийся крик, который с того момента окружен вязкой стеной малодушного умолчания.

С ответа на него и начнется подлинная перестройка.

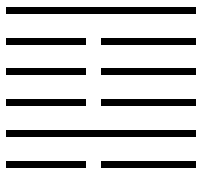
Истина должна быть предельно конкретной, потому что конкретна жестокая действительность этого времени и этой страны. Осмысленный путь между идеалом и реальностью пролегает по лезвию бритвы. Срыв в бездну исторических стихий будет означать непоправимую трагедию сотен миллионов.

*"Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции, тогда происходит разрыв времен, наступает прерывность, происходит вторжение сил, которые для истории представляются иррациональными... Революция подобна смерти, она есть прохождение через смерть ... для возрождения к новой жизни... Но революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории."*¹

Не успевая ни задуматься, ни оглядеться, пересекаем мы рубеж. Что за ним: разрыв времен – или управляемая эволюция, суд истории – или живое творчество народа, отчуждение – или возрождение?

---

¹ Н.Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. YMCA-Press, Париж, стр.107-108.

Мы можем существенно уточнить некоторые важные идеи данного фрагмента, используя "таблицу" форм как средство экспликации. Сначала, учитывая свойства *зеркальной симметрии форм* и *квазифрактальности* таблицы, рассмотрим под этим "увеличительным стеклом" некоторые элементы и отношения между ними универсума социальных форм деятельности $\&_1$ (см. Схему 4).

Рассмотрим четверку элементов, обозначаемых для краткости $\&^1$, $\&^2$, $\&^3$, $\&^4$ и находящихся между собой в следующих отношениях:

$\&^1 = \&_{11ij}$ (где i, j пробегают значения от 1 до 3) – одна из чистых форм четвертого порядка;

$$\&^2 = K\{\&_{12(4-i)(4-j)}\}F\{\&_{11ij}\};$$

$$\&^3 = \&_{12(4-i)(4-j)};$$

$$\&^4 = K\{\&_{11ij}\}F\{\&_{12(4-i)(4-j)}\}.$$

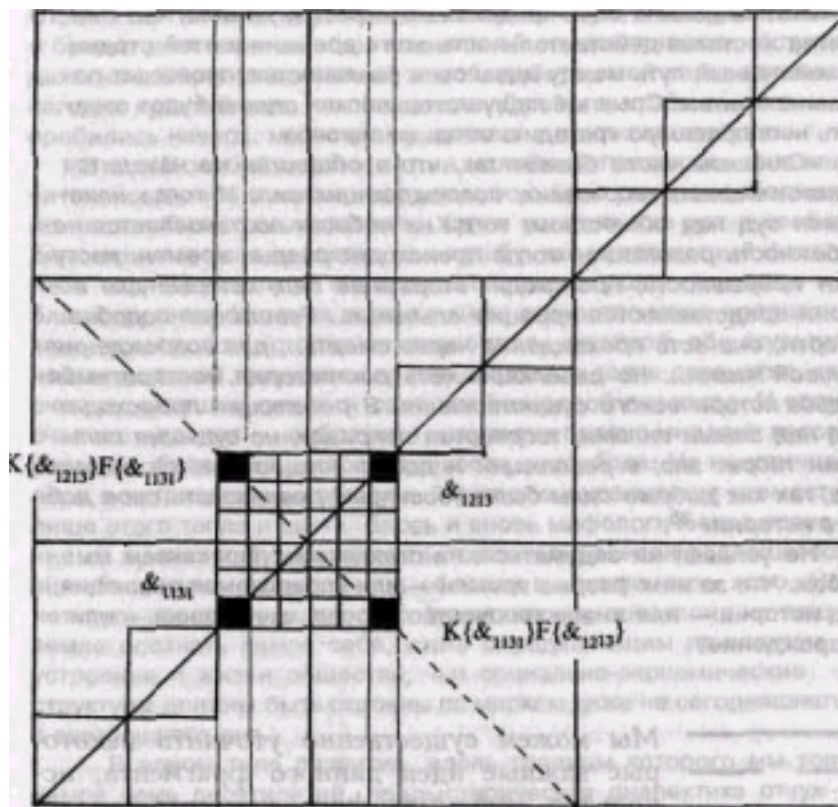

Схема 4 (к стр. 72, 78)

$$\&_{1131} \quad K\{\&_{1213}\}F\{\&_{1131}\} \quad \&_{1213} \quad K\{\&_{1131}\}F\{\&_{1213}\}$$

Легко видеть, что указанная четверка элементов $\&^1$, $\&^2$, $\&^3$, $\&^4$ образует правильный квадрат, в котором форма $\&^2$ симметрична форме $\&^1$ относительно горизонтальной оси, разделяющей категории $K\{\&_{11}\}$ и $K\{\&_{12}\}$, форма $\&^3$ симметрична форме $\&^4$ относительно той же оси, а формы $\&^1$, $\&^2$ симметричны

соответственно формам $\&^4$, $\&^3$ относительно вертикальной оси, разделяющей формации $F\{\&_{11}\}$ и $F\{\&_{12}\}$.

	Дадим интерпретации этих четырех форм и некоторых отношений между ними.

$\&^1$ интерпретируется как *способ деятельности*.

$\&^2$ интерпретируется как соответствующая данному способу деятельности *форма собственности*. Формы такого типа, принадлежащие обратной диагонали универсума $K\{\&_{12}\}F\{\&_{11}\}$, Маркс называл "господствующими абстракциями": $\&^2$ интерпретируется как *господствующая абстракция* формы $\&^1$.

$\&^3$ интерпретируется как *форма обобществления* формы $\&^1$.

$\&^4$ интерпретируется как *форма снятия* формы $\&^1$.

Форма $\&^4$ выступает как *материал* формы деятельности $\&^3$. Форма деятельности $\&^3$ *опредмечивается* в форме $\&^4$.

Последние два определения даны по аналогии, исходя из свойства *квазифрактальности* "таблицы" форм.

Если $\&_{1abc}$ – одна из чистых форм деятельности четвертого порядка, где **a** имеет фиксированное значение от 1 до 2, **b** и **c** – фиксированное значение от 1 до 3, то столбец форм $K\{\&_{1pq}\}F\{\&_{1abc}\}$, где **p** пробегает значения от 1 до **a**, **q** – от 1 до **b** и **r** – от 1 до **c**, интерпретируется как *способ производства*¹⁵, порождаемый формой $\&_{1abc}$, и обозначается $S\{\&_{1abc}\}$.

Теперь используем эти интерпретации для уточнения ключевых представлений теории модернизации.

Даваемые ниже определения имеют менее формальный характер и не являются прямыми интерпретациями элементов "таблицы" форм.

Под "модернизацией" в самом широком смысле будем подразумевать замену элементов одного способа производства на аналогичные элементы другого, либо перенос элементов, наличествующих в одном способе производства, в другой, в котором они отсутствуют. Замена и перенос могут осуществляться либо путем копирования, либо прямого заимствования, трансплантации.

Пусть $S_1 = S\{\&_{11bc}\}$ и $S_2 = S\{\&_{11ef}\}$ – два "предысторических" способа производства, причем форма $\&_{11ef}$ является восходящей по отношению к форме $\&_{11bc}$.

Под *индустриализацией* способа производства S_1 будем понимать замену каждого из его элементов $K\{\&_{11ij}\}F\{\&_{11bc}\}$ на находящийся в той же горизонтальной строке "таблицы" форм элемент $K\{\&_{11ij}\}F\{\&_{11ef}\}$. Это может означать, в частности, замену технологических и организационных производительных сил доиндустриального типа на соответствующие элементы и структуры индустриального общества.

Под *либерализацией* способа производства S_1 будем понимать сознательное насаждение и культивирование отсутствовавших в нем форм деятельности

¹⁵ В мои намерения не входит дать здесь вечное и всеобъемлющее определение "способа производства". Можно, к примеру, потребовать (и в этом есть резон), чтобы в "способ производства" обязательно входило его "основное производственное отношение". Но, во-первых, это ограничило бы объем понятия только предысторическими "способами производства" (до капитализма включительно), ибо в отношении постиндустриальных форм деятельности это понятие теряло бы смысл. А во-вторых, что гораздо существеннее, свойство "таблицы" форм таково, что достаточно задать только базовую форму деятельности – и тем самым уже сразу задан не только "способ производства" (при любом его определении), но и вся формация в целом.

$K\{\&_{11gh}\}F\{\&_{11ef}\}$, где форма $\&_{11gh}$ является восходящей по отношению к форме $\&_{11bc}$ и нисходящей или совпадающей с формой $\&_{11ef}$.

В отличие от индустриализации, которая может вестись, вообще говоря, одновременно на разных этажах способа производства (внедрение новой технологии может идти одновременно с переходом на новую организацию производства, несколько опережать ее или несколько отставать от нее), либерализация осуществима только последовательно. Таблица дает адекватные графические средства, делающие это нетривиальное утверждение непосредственно очевидным: можно, при соблюдении определенных правил, вести реконструкцию сразу на нескольких этажах башенки "способа производства", но нельзя надстроить девятый этаж, если на месте восьмого зияет пустота.

Некоторые содержательные представления об индустриализации и либерализации даны в нижеследующем Фрагменте.

ФРАГМЕНТ 5

ИЗ КНИГИ "ПОСЛЕ КОММУНИЗМА"

85.26.06. – 8.08

{ПАРАДОКСЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ"
(ГЛ. 2)}

...В условиях государственной монополии мы имеем полный набор негативных проявлений экономики при ее видимом отсутствии. Это означает, что экономика, упраздненная декретами, с авансцены явления ушла в подполье сущности.

Государственная монополия есть средство, конкретнее – учреждение, с помощью которого государство присваивает, эксплуатирует производительные силы. Такова видимость дела, но не такова его суть. На каждом этаже здания монополии, воздвигнутой на месте упраздненных экономических отношений, притаились объективные экономические законы, непознанные и погрязшие при этом упразднении.

Если мы, не сумев или не потрудившись познать сущность природного явления, пытаемся заменить его искусственным творением, эта сущность охотно находит новую форму своего проявления, овладевая нашим детищем и, посредством него, подчиняя собственным законам нас самих.

Монополия при этом оказывается-таки формой присвоения: именно посредством нее экономические законы присваивают нас и овладевают нами. Каждое хозяйственное учреждение благодаря их козням начинает играть роль бездонного ящика Пандоры, из которого сыплются бесчисленные организационные проблемы. Руководство, позабывши сон и покой (а заодно и предмет), только и делает, что совершенствует оргструктуру, сливает подразделения и разделяет оные, делегирует полномочия и присваивает их назад, поочередно переходит от отраслевого принципа к территориальному, сокращает звенность и увеличивает штаты, пишет регламенты для установления ответственности и ищет ответственных за несоблюдение регламентов, централизует и децентрализует, специализирует и кооперирует... Но в результате этой титанической деятельности экономические корни "организационных" проблем остаются нетронутыми, и руководству неизменно приходится, наплевав на аппарат государственной монополии, через его голову лично выбивать недостающие вагоны.

"Однако нас на мякине не проведешь, – заметил бы Проницательный читатель, окажись он поблизости. – Есть государственная монополия и государственная монополия!" И был бы прав.

Конечно, если замок означенной монополии возведен на кладбище погрязшей экономики, не удивительно, что его обитателей терроризируют экономические привидения. Но если этот замок воздвигнут на девственном фундаменте восточной формы собственности, кажется совершенно непонятным, почему призрак экономических сущностей должен оглашать своими стенами его незапятнанные организационные своды.

Давайте разберемся. Было ли государство третьей династии Ура (III тысячелетие до н.э.) монопольным обладателем всех производительных сил? Безусловно, было. Но при этом оно само непосредственно присваивало эти производительные силы, не нуждаясь ни в какой дополнительной опосредующей пристройке-монополии из учреждений типа Минфина и Стройбанка. Где же разница между бесхитростными методами указанной династии и прогрессивной хозяйственной политикой просвещенного ГМС¹?

Разумеется, ответил бы Проницательный читатель, различие, прежде всего, состоит в уровне развития производительных сил. И был бы снова глубоко прав. Однако, заметим на этот раз мы, есть производительные силы и производительные силы.

Те силы, которые получает в наследство от восточной формы собственности победивший пролетариат, в массе своей принципиально мало чем отличаются от достояния упомянутой династии. Однако, спустя всего несколько десятилетий мотыгу и соху вытесняют, быстро сменяя друг друга, тракторы "Фордзон", ДТ-54, "Кировец"... и в целом вся технологическая база стремительно революционизируется по крупнокапиталистическому образцу. Пристройка государственной монополии и возникает для нужд эксплуатации нового индустриального воинства.

¹ Государственно-монополистический социализм.

Однако, по мере того, как завершается здание государственной монополии, становится все более заметно, что эти экзотические стальные культуры не слишком-то пышно произрастают на подзолистой почве ГМС. Выражаясь прозаическим языком, отдача технологической единицы в среднем оказывается в несколько раз ниже, чем у ее капиталистического аналога. Самое обидное, что эта участь постигает не только отечественную сноповязалку, но и ее двоюродную сестру, произведенную по лицензии, и даже самое импортное диво, творившее чудеса эффективности на заморской почве.

Дело в том, что, когда "марксист вообще" называет современный машиностроительный завод, возведенный в условиях ГМС, качественно новой производительной силой, он не выражает сути дела. От невооруженного категориями взгляда ускользает структура спрятанных в его эмпирической оболочке производительных сил. Завод есть *технологическая основа* плюс *организационная форма* такой *экономической производительной силы*, как наемный труд. Но эта теоретическая близорукость – лишь проявление практической слепоты государственной монополии, которая, как мы увидим, умеет эксплуатировать в современных производительных силах лишь технологию и организацию, в то время как их экономическая сторона остается в основном скрытой и не присваивается. Именно эти экономические сливки ускользают от могучего доильного агрегата государственной монополии, и по причине его конструктивного несовершенства приходится довольствоваться лишь технологической водичкой и организационным молоком.

Независимо от того, унаследованы ли производительные силы от капитализма или, как принято выражаться, ГМС развился "на своей собственной основе" из восточной формы собственности, природа этих сил остается той же самой. Это экономические производительные силы крупнокапиталистического типа, которые могут присваиваться исключительно посредством *экономических, т.е. частных* форм собственности.

Организационные формы присвоения являются стандартными, усредненными. Это предписания, нормативы, инструкции, единообразно регламентирующие эксплуатацию производительных сил в масштабах объединения, отрасли, региона, всего государства. Организация как бы облачает "голые" технологии в стандартное обмундирование разных "родов войск", загоняя каждую технологическую единицу в прокрустово ложе отведенной ей роли-функции; непротиворечивая совокупность, кооперация этих функций определяется соответствующим "уставом гарнизонной и караульной службы".

В противоположность государственной, частная собственность потому, в частности, и называется частной, что каждая единичная производительная сила присваивается в специфической, индивидуализированной форме. Различие между ней и усредненно-нормативной формой не менее разительно, чем разница между идеально облегающим костюмом "от Диора" и сковывающей движения, мешковатой казенной гимнастеркой. Благодаря этому в экономике разрешается противоречие между индивидуальным потенциалом каждой производящей технологической единицы и стандартной формой ее присвоения, т.е. организационной ролью-функцией; за счет этого помимо стандартной, предписанной нормы выработки удастся вскрыть все внутренние резервы, получить *индивидуальный прибавочный продукт*. Однако, само противоречие вовсе не исчезает бесследно, напротив – оно "выворачивается наизнанку", экстериоризируется в виде огромного комплекса экономических отношений-противоречий между частными производителями. В условиях капитализма эти противоречия разрешаются конкурентной борьбой, рыночной стихией и другими отчужденными экономическими механизмами. Но, в свою очередь, из-за кулис сущности этими механизмами управляют незримые законы самовозрастания стоимости.

Какие последствия влечет за собой героическая попытка государственной монополии вырвать из триады "экономические законы – экономические производственные отношения – экономические производительные силы" среднее звено и заменить его отношениями организационными? Есть две причины, одна из которых делает эту попытку практически нереализуемой, а другая – теоретически безнадежной.

Строго говоря, формы присвоения не могут быть индивидуальными, частными, одновременно оставаясь при этом организационными. Закон или норматив есть некое правило или предписание, применяемое к определенному множеству объектов; они перестают быть таковыми, если это множество состоит из одного уникального элемента. Таким образом, организация не может заменить экономику, оставаясь при этом сама собой. Практически это выражается в том, что аппарат, который пожелал бы индивидуально регламентировать каждую из многочисленных производственных единиц, в отсутствие мощных специальных средств нормативного

проектирования оказался бы несостоятелен с первых же шагов уже из-за одной только огромной размерности этой задачи.

Однако подлинная трудность состоит даже не столько в том, чтобы все и вся индивидуально регламентировать, сколько в том, чтобы путем наложения и целенаправленного изменения подобной индивидуализированной регламентации разрешать объективные противоречия между всем множеством производственных единиц. Но в этом и состоит *преодоление отчуждения*, в данном случае – отчуждения одного производителя от другого, которое возможно только на основе познания необходимости, т.е. трех уровней объективных экономических законов самовозрастания стоимости. Поскольку государственная монополия по известным причинам игнорирует эти законы, они ей платят взаимностью, превращая каждое из ее учреждений в свою игрушку описанным выше образом.

Суммируя все сказанное без теоретических околичностей, нужно прямо сказать, что государственная монополия не в силах присвоить производительные силы современной экономики, они остаются для нее неосвоенной и пропадающей зря частью природы, подобной нескошенной траве.

Например, независимо от благих намерений, с *наемным трудом* монополия фактически обращается как с *рабским*, т.е. формально регламентирует его отдельные моменты (приход и уход с работы и т.д.), получая в ответ "отбывание номера", т.е. незаинтересованный труд с низкой производительностью, но при соблюдении формальностей. К производительной силе *общественно-полезного труда* она де-факто относится как к *кооперации*, централизованно предписывая сверху ассортимент и качество полезной (по ее мнению) продукции. Из-за этого значительная часть продукции оказывается никому не нужной, а затраченный на ее производство труд – общественно-бесполезным.

В итоге из девяти слоев развитых классическим капитализмом производительных сил государственная монополия в состоянии присвоить только нижние шесть – технологические и организационные.

Ее отставание в эффективности и производительности труда от капитализма невозможно устранить путем "повышения ответственности", "наведения порядка" и т.п. – оно носит принципиальный, сущностный характер. Правда состоит в том, что она эксплуатирует свои высокоразвитые в технологическом и организационном отношении производительные силы архаическими методами, история которых в их практически современном виде насчитывает несколько тысячелетий.

Не правда ли, нам теперь совершенно ясна главная проблема, которая встает перед завершенным государственно-монополистическим социализмом?

Обладая производственной базой, либо унаследованной от развитого капитализма (ГМС-1), либо построенной по его образцу (ГМС-2), он никак не может преодолеть значительное отставание в производительности труда, эффективности использования этой базы. Никакие ухищрения организационного характера не способны ликвидировать это отставание, ибо данный запрет, как было показано, имеет столь же фундаментальный характер, как запрет на создание вечного двигателя.

...Государственная монополия здесь берется решать головоломку, подобную той самой, перед которой спасовал Всевышний.

Как известно, он вознамерился было продемонстрировать свое всемогущество, сотворив такой камень, который сам не в силах был поднять. Здесь же необходимо всемерно развивать частные формы собственности, не просто ухитряться как-то сохранять господство над ними государственной монополии, но и, сверх того, выдавая все это за деятельность по уничтожению частной собственности во имя общественной.

Однако, выхода нет, и де-факто постепенно складывается некое движение по этому парадоксальному пути.

С целью присвоения экономической силы производительного труда начинается делегирование прав и полномочий отдельным лицам и организациям распоряжаться теми или иными элементами производительных сил и частью изготовленной продукции. На этом этапе государственная монополия покуда сохраняет основные права собственника за собой, изымает большую часть прибавочного продукта в свою пользу, а права производителя распоряжаться остатком существенно ограничивает. Мы намеренно не торопимся произнести напрашивающееся слово "хозрасчет", поскольку данная форма практически в современном виде была известна задолго

до нашей эры. Подлинная сущность вводимых отношений состоит, строго говоря, в том, что в рамках господствующего регламентационного уклада /государственной монополии/ искусственно вводятся и культивируются правовые отношения – т.е. феодальный уклад.

В результате плодятся и множатся феодально-ведомственные бароны-разбойники, которые, узурпируя и произвольно толкуя права, предоставляемые предприятиям государством, ставят их в вассальную зависимость от себя. Возникает полоса затяжных феодальных войн и министерских распрей, примирить которые оказывается не под силу даже Госплану.

По многим линиям такое развитие толкает к введению элементов рыночных отношений. Мало довести делегирование полномочий до уровня предприятий, необходимо превратить их *производительный труд в общественно-полезный*. Эмпирически это означает, в частности, преодоление диктата производителя над потребителем. В попытке создать механизм учета "спроса" государственная монополия обязывает производителей самим реализовывать произведенную продукцию, переходя с этой целью со взимания "оброка" /безразлично, в натуральной или денежной форме/ к изъятию фиксированного процента с выручки, полученной в результате реализации продукции. На этом пути таится немало ловушек, логика преодоления которых заставляет вводить товарно-денежные отношения во все более полном объеме.

Имеющиеся исторические прецеденты показывают, что дальнейшим логически необходимым шагом на этом пути является предоставление руководителям предприятий права использовать полученную прибыль для расширения производства, а значит – права покупать и продавать основные фонды, нанимать дополнительную рабочую силу, свободно устанавливать заработную плату – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопросом о том, каковы эти последствия, задавались еще легисты ("фацзя") в Китае III века до н.э. В условиях централизованной авторитарной государственной монополии и перед лицом необходимости развивать производительные силы страны, легисты предлагали реформы, которые "...открывали путь для развития частнособственнических тенденций и роста товарности хозяйства... Однако, по мере осуществления политики реформ, открывавших новые возможности экономическому развитию страны, у легистов стало намечаться отрицательное отношение к крупному частному предпринимательству, развивавшемуся наиболее активно в области промыслов, ремесла и торговли. "Если государство вызовет к жизни силы народа, но не сумеет их обуздать, то оно будет нападать на самого себя и обречено на гибель", – заявлял Шан Ян"².

На практике все превратности этого пути проверены трехсотлетней историей эллинистического государства Птолемеев в Египте³. А вообще-то данный тип развития – один из наиболее распространенных в истории. Но для того, чтобы история чему-то учила, ее необходимо учить, учиться видеть в ней прежде всего не антураж в виде кривых мечей или экзотических китайских халатов, а логику развития многоукладных социальных организмов.

{Одна из иллюзий} ... состоит в том, что государственная монополия, поддерживая жесткий контроль и взимая налоги с культивируемых ею частных укладов, может, якобы, увеличить свой доход. В беспочвенности этих мечтаний убедилась еще династия Птолемеев. Государственная форма собственности никогда не сможет удержать контроль над развитием частных форм уже хотя бы потому, что экономические формы деятельности являются эволюционно более высокими, более прогрессивными по сравнению с организационными и, как показывает история, неизменно торжествуют над ними. Птолемеи, приоткрыв лазейку для частных форм, затем тщетно раздували бюрократический аппарат, создавая одно контрольное ведомство за другим. Чиновники, получающие зарплату, никогда не смогут проконтролировать обладающих широкими возможностями, влиятельных частных /или всего лишь "самостоятельных"/ производителей, которые скупают аппарат "на корню", обращая контролеров государственной монополии в собственных агентов-лоббистов при центральной власти. Иными словами, в той мере, в которой растет производство в рамках частных укладов, сами эти уклады закономерно выходят из-под контроля государственной монополии и не приносят ей ожидаемого дохода.

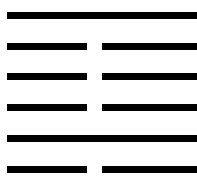
Главное же заключается в том, что все эти нешуточные исторические муки, возвратно-поступательное движение к точке ГМС и от нее, "развитие производительных сил" и "совершенствование производственных отношений" есть лишь разнообразные перемещения *все еще*

² История древнего мира, т.2, стр.528. Москва, "Наука", 1983 г.

³ См. соответствующий фрагмент из Части 8 книги "После коммунизма".

по ту сторону границы коммунистического типа развития, не содержащие ни грана "действительного коммунистического действия".

Теперь уже не только теоретически, но и наглядно-практически видно, в чем состоит перспектива деятельности по "приведению производственных отношений государственно-монополистического социализма в соответствие с его производительными силами". Поскольку эти силы прямо (ГМС-1) или косвенно (ГМС-2) заимствованы им у капитализма, то и адекватной оболочкой для них является капитал.⁴ Этот вывод, увы, неизбежен: по самой своей сути, по своему определению производительные силы экономики могут присваиваться только в частной форме. Незнание экономических законов никого не избавляет от обременительной необходимости им следовать. Перед нами – зигзаг развития.

Качественно новый тип модернизации возникает в случае, когда способ производства $S_1 = S\{\&_{11bc}\}$ является "предысторическим", а способ производства $S_2 = S\{\&_{12ef}\}$ – "постиндустриальным". Собственно, этот тип мы и будем называть *модернизацией* в узком смысле слова, в отличие от индустриализации и либерализации.

Вернемся ко введенным выше четырем формам $\&^1$, $\&^2$, $\&^3$, $\&^4$ и рассмотрим проблематику модернизации на примере важного случая, когда $S_1 = S\{\&^1\}$, а $S_2 = S\{\&^3\}$. Предположим для простоты, что $\&^1 = \&_{1131}$. Тогда, соответственно, $\&^3 = \&_{1213}$ (см. Схему 4).

Каким образом и в каком порядке может быть осуществлена модернизация $S\{\&^1\} \rightarrow S\{\&^3\}$?

Путь "либеральной модернизации", судя по всему, состоит в том, что надо по очереди внедрять или культивировать в модернизируемом способе производства новые формы деятельности $\&_{1132}$, $\&_{1133}$, $\&_{1211}$, $\&_{1212}$. В сущности, это просто воспроизведение классической "эволюционной" последовательности способов производства. Но если вдуматься, это – очень странный путь. Странный по двум причинам.

Во-первых, формы $\&_{1132}$ и $\&_{1133}$ выпускают на волю соответствующие господствующие абстракции (в данном случае – "деньги" и "капитал"), а формы $\&_{1211}$ и $\&_{1212}$, напротив, берут их под контроль, снимая соответствующие слои самоотчуждения; формы $\&_{1132}$ и $\&_{1133}$ разрушают корпоративные и сословные структуры до атомарных "экономических индивидов", а формы $\&_{1211}$ и $\&_{1212}$, судя по всему, восстанавливают эти структуры в некотором новом качестве. Не говоря уж о рациональности и осмысленности подобной модернизации "туда-сюда", представить себе, что такие перетряски происходят с одним и тем же обществом за обозримый срок, довольно непросто.

Во-вторых, автору неизвестны исторические примеры, когда некая социальная целостность поменяла хотя бы раз формационную принадлежность, сохраняя при этом свою этническую или государственную самоидентичность.

⁴ Конечно, капитал в качестве общественной формы присвоения производительных сил имеет свои ограничения. В период кризисов он приводит к напрасным затратам и даже уничтожению части экономических производительных сил. Однако даже эти значительные издержки – ничто по сравнению с ущербом от дырявого таза государственной монополии, сквозь который уходит в канализацию практически 100% экономических производительных сил.

Видимо, это не случайно. Новое, как правило, возникало на стыке двух социальных миров разной формационной природы, как правило – на стыке "цивилизации" и "варварства". Так что либеральная модернизация – это весьма своеобразный "прогресс" ценой смерти, реинкарнации.

Но это если говорить о древней и новой истории. Новейшая полна чудесных и удивительных превращений полуварварских окраин и задворков цивилизации в "новые индустриальные", а в иных случаях – и в постиндустриальные страны. Как же реформаторам удалось такое чудо?

Некоторые намеки на разгадку содержит следующий Фрагмент.

ФРАГМЕНТ 6

ИЗ КНИГИ "ПОСЛЕ КОММУНИЗМА"

83.11.18 – 12.13

{ ИЗ ТЕЗИСОВ О ТЕОРИИ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА }

...Две различные формы движения социальной материи разделяет в качественном отношении глубочайшая пропасть. Переходя через нее, социальная материя обретает сознание: возникает – пусть еще в самом зачаточном виде – отношение *сознательности* между общественным сознанием и общественным бытием. Общественное сознание начинает долгий путь своего превращения в субъекта истории. В результате этого логика движения социально-экономической формы производства претерпевает кардинальное изменение. *Теперь диалектика взаимодействия формы (производственных отношений) и содержания (производительных сил) опосредствована общественным сознанием, а сама форма выступает как реализация обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие.*

Именно в этом заключается коренное, принципиальное преимущество нового способа производства над капиталистическим "самодвижением", неподвластным контролю общественного сознания. Однако на первых ступенях реального социализма это преимущество выступает как потенциальное, его только еще предстоит реализовать. Более того, внешне все выглядит чуть ли не наоборот: самодвижение производства уничтожено вместе с его капиталистической формой, и новое общество вынуждено "с головой" погрузиться в производственную проблематику. Центральные газеты и журналы обсуждают проблемы нехватки лампочек и исчезновения зубных щеток, миллионы трудящихся в минуты отдыха смотрят художественные фильмы о внедрении бригадного подряда... – общественное сознание кажется поработанным производственным бытием.

Идущий человек не тратит энергии своего сознания на то, чтобы управлять движением каждой из сотен вовлеченных в это мышц, контролировать дыхание, частоту пульса, перистальтику – всю эту работу берет на себя спинной мозг, высвобождая тем самым головной для высшей нервной деятельности – решения вопросов о том, куда идти и каким маршрутом. Представим себе теперь, что человек обрел возможность избавиться от поработавших его безусловных рефлексов и ограничений, присущих унаследованному от эволюции спинному мозгу. Но для начала он должен взять на себя всю его работу, пропуская ее через сознание. Теперь, до тех пор, пока он не подчинит жизнедеятельность своего организма, минуя сознание, какому-то новому центру, лишенному ограничений прежнего спинного мозга, он будет вынужден часами сознательно планировать каждое элементарное движение руки, рискуя при этом умереть из-за того, что забыл о необходимости поддерживать дыхание или не успел проконтролировать пульс. В этот период перехода, когда прежний спинной мозг уже "отключен", а новый еще не сформирован, человек будет очень скован в своих движениях, и до момента включения нового усовершенствованного рефлекторного центра будет даже уступать обладателям прежних рефлексов.

Но при дальнейшем совершенствовании спинного мозга этот неприятный момент больше не повторится: человек научится заранее проектировать и конструировать в себе новый центр управления жизнедеятельностью, и затем плавно "переключать" свое тело на него. Его сознание

будет заниматься именно этим конструированием и переключением, а вовсе не динамикой движения мизинца левой руки.

Хотя анатомия такого человека (во всем, кроме спинного мозга) не претерпела бы особых изменений, прежняя *физиология* в качестве науки о функционировании организма потеряла бы всякий смысл. Ей на смену пришла бы *психофизиология*, которая изучала бы организм, осуществляющий сознательную деятельность по перестройке и совершенствованию системы собственных безусловных рефлексов, управляющих его жизнедеятельностью.

85.07.07-08

ЛИНИИ, НЕ ПОЛУЧИВШИЕ РАЗВИТИЯ. LINE I

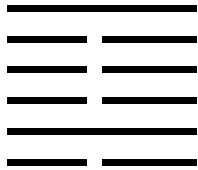
Непосредственно после победы пролетарской революции невозможно сразу перейти к уничтожению отчужденных экономических отношений – невозможно по той простой причине, что их нет, они разрушены в ходе революции и гражданской войны. Казалось бы, в том, что разрушены отношения, все равно подлежащие коммунистическому уничтожению, нет ничего плохого. Однако разрушение (в отличие от диалектического уничтожения, снятия) означает, что разрушены соответствующие производительные силы, не функционирует экономика; оставшихся же производительных сил недостаточно для того, чтобы удовлетворять нужды населения и отбивать натиск внутренней и внешней контрреволюции.

Момент победы пролетарской революции в силу указанных причин отделяет от момента перехода к социализму, от "действительного коммунистического действия", более или менее длительный переходный период, основным содержанием которого является восстановление и необходимое развитие разрушенных производительных сил.

Сразу встает (пока еще в очень абстрактном виде) исключительно важный вопрос: к какой из двух эпох, к какому типу развития относится переходный период? Если, развивая производительные силы, мы при этом вольно или невольно "высвобождаем" отчужденные производственные отношения – повторяется история с "карбюратором" Чапека, который полностью расщеплял материю на энергию, но воспользоваться этой мощной производительной силой было весьма затруднительно, т.к. одновременно выделялся в чистом виде находившийся доселе в материи в связанном состоянии Абсолют – дух святой, причем выделялся в такой концентрации, что окружающие страдали от скоростных религиозных экстазов и тяжелых случаев нисхождения божьей благодати...

Но если из-за переходного периода невозможно сразу перейти к преодолению отчуждения, коммунистическому уничтожению частной собственности, – нельзя ли, по крайней мере, развивать в переходный период производительные силы таким образом, чтобы не увеличивать при этом отчуждение?

Модернизация $S\{\&_{1131}\} \rightarrow S\{\&_{1213}\}$ (в терминах "таблицы" форм) может осуществляться по следующим этапам:

1. Субъект модернизации овладевает формой деятельности $\&_{1213}$.
2. Осуществляется "пост-индустриализация" способа производства $S\{\&_{1131}\}$ путем замены всех его элементов на расположенные в тех же строках таблицы элементы столбца $S\{\&_{1213}\}$.

3. Вместо трансплантации формы $\&_{1132}$ имплантируется форма $K\{\&_{1132}\}F\{\&_{1213}\}$ в "оболочке" снимающей ее формы $K\{\&_{1212}\}F\{\&_{1213}\}$. Аналогично вместо трансплантации формы $\&_{1133}$ имплантируется форма $K\{\&_{1133}\}F\{\&_{1213}\}$ в "оболочке" снимающей ее формы $K\{\&_{1211}\}F\{\&_{1213}\}$.

Таким образом, вместо трансплантации предисторических отчужденных производительных сил, чреватых гнетом своих "господствующих абстракций", при *органичной модернизации*, пример которой рассмотрен выше, необходимо

заимствовать постиндустриальные производительные силы в оболочке их сознательно построенных общественных форм присвоения.

Органичная модернизация реальной социальной целостности, в которой доминирующим является уклад $S\{\&_{11ij}\}$, становится возможной в том и только том случае, если уже возникла и существует постиндустриальная социальная целостность с доминирующим укладом $S\{\&\}$, где $\&_{12(4-i)(4-j)}$ – диагональная чистая форма, симметричная форме $\&_{11ij}$ относительно точки перехода $\&_{11}$ в $\&_{12}$. Она осуществляется путем сознательной трансформации, замещения доиндустриальных форм зеркальными по отношению к ним постиндустриальными, и заполнения остающегося разрыва готовыми "монолитными блоками" постиндустриальных производительных сил в оболочке соответствующих общественных форм присвоения, снимающих самоотчуждение.

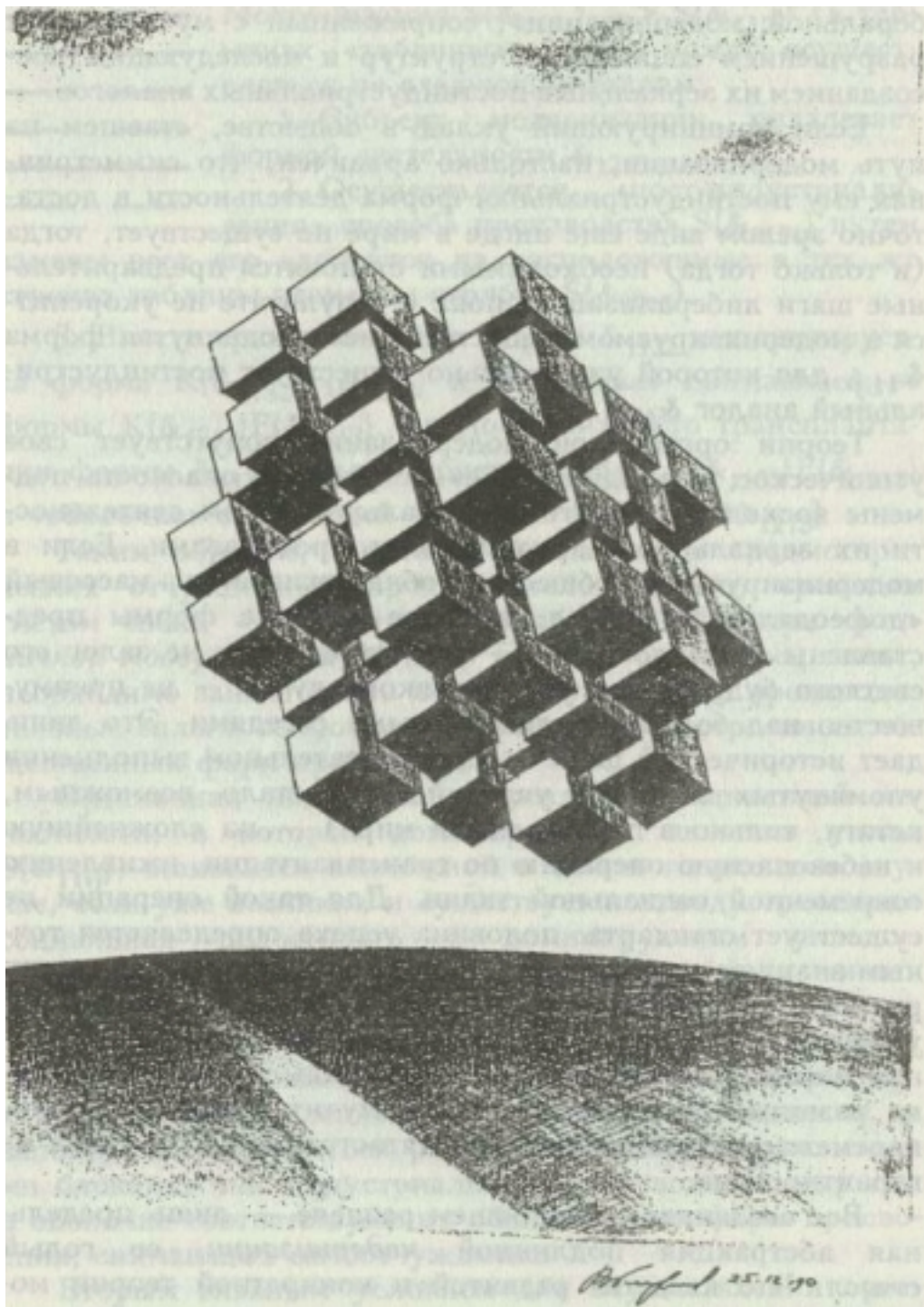
Вторым главным условием для осуществления органичной модернизации является способность субъекта модернизации овладеть "зеркальной" постиндустриальной формой деятельности $\&_{12(4-i)(4-j)}$ и построить соответствующую стратегию. В противном случае остается либо тупик "индустриализации", либо тягостный и опасный путь "либеральной модернизации", сопряженный с мучительным разрушением социальных структур и последующим воссозданием их зеркальных постиндустриальных аналогов.

Если доминирующий уклад в обществе, ставшем на путь модернизации, настолько архаичен, что симметричная ему постиндустриальная форма деятельности в достаточно зрелом виде еще нигде в мире не существует, тогда (и только тогда) необходимыми становятся предварительные шаги либерализации, пока в результате не укоренится в модернизируемом обществе более продвинутая форма $\&_{11ij}$, для которой уже реально существует постиндустриальный аналог $\&_{12(4-i)(4-j)}$.

Теории органичной модернизации сопутствует свое утопическое, "народническое" искушение: опасность подмены восходящих постиндустриальных форм деятельности их зеркальными архаическими прообразами. Если в модернизируемом обществе обнаруживается массовый "дофеодальный" уклад, а более высокие формы представлены лишь локально – это далеко еще не залог его светлого будущего, и уж во всяком случае – не преимущество над более цивилизованными соседями. Это лишь дает исторический шанс – при обязательном выполнении упомянутых жестких условий (что стало возможным, кстати, только в послевоенном мире) – на сложнейшую и небезопасную операцию по трансплантации, вживлению современной социальной ткани. Для такой операции не существует стандарта: половина успеха определяется точным знанием уникальной укладной структуры модернизируемого общественного организма. Правда, результаты удавшейся органичной модернизации бывают удивительны: масштабы сдвига по меркам "предысторического" типа развития отвечают столетиям мучительной эволюции, перемежаемой революциями и катастрофами. Но удача не гарантирована.

Все сказанное в настоящем разделе – лишь предельная абстракция подлинной *модернизации*, ее голый смысл. Что касается развитой и конкретной теории модернизации сложных многоукладных целостностей в среде, где

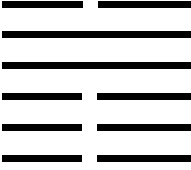
действуют постиндустриальные субъекты с противоречивыми интересами, – она выходит далеко за рамки работы под названием "Смысл".

16. Эсхатологическая интерпретация. Абстрактный взгляд на историю, конец истории и постисторические формы деятельности.

*Принцип полнокладности. Уклады прошлого и будущего в настоящем.
Миры Дзен и миры Фэерис.*

[К оглавлению второй части](#)

 Фрэнсис Фукуяма оповестил читающую публику о конце истории... Это стало очередным событием светской хроники. Машина цивилизации беспристрастно перерабатывает откровения пророков и отбросы политики в воздушную кукурузу daily news.
 Но уж так ли нова эта новость? У выхода из метро "Курская" сонная корейка вложила мне в руки листовку: конец света и второе пришествие Христа ожидается 28 октября 1992 г.
 Подлинной новостью было крушение советской империи. Фукуяма – лишь отзвук этого крушения, провозвестник чаемого торжества либеральной цивилизации, оказавшейся без противника, если не считать Садама.

В один прекрасный год шестая часть суши лишилась слушателей и читателей. Пророки получили свободу пророчествовать, но остались без публики. Своя благодарная аудитория была у Даниила Андреева, Нуйкина-Клямкина и даже С. Платонова... Ныне ее наличием могут похвастаться лишь Анн и Серж Голоны.

Мир опустел... Теперь – куда же?

Не очень-то похоже, что мы готовы к принятию Третьего Завета, Завета в Истине.

...Но Третий Завет нуждается не в пророках и не в публицистах. Кстати, и в публике он тоже не нуждается. Откровению нужен хлеб евхаристии, со-знанию – будничный хлеб культуры. И если Ветхий завет Всевышний пишет радугой по небесам и вырезает во плоти, Новый – запечатлевает в душах, то Третий, обращенный к разуму – это письма Бога на самой обыкновенной бумаге.

ФРАГМЕНТ 7

ИЗ КНИГИ "ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ"

...*Кредов:* Теперь тебе никуда не уйти от того, чтобы набросать хотя бы контуры будущей идеологии.

Чернышев: Идеи нельзя выдумать, они либо есть, либо их нет. У каждой нации, как писали теоретики по национальным вопросам, есть своя идея. Это то, как Бог мыслит данную нацию. С. Платонов, вслед за Платоном, воспринимал идеи как некие эйдосы, которые существуют вечно. Их модус существования гораздо сильнее, чем у нас. Мы, грешные, можем быть с кривым носом или с прямым, с маленькими или большими ушами, но у каждого человека имеется своя идея. Если он соответствует ей, он счастлив, удовлетворен, если нет возможности ей соответствовать, он спивается, становится наркоманом, просто умирает. Ангел-хранитель ему говорит: ну, вот, ты не соответствуешь своей идее, я пошел, – и из человека выдергивается жизненный стержень, он становится жертвой автомобильной катастрофы или насморка.

...Меня сейчас назойливо преследует образ картины Сальвадора Дали "Предчувствие гражданской войны". Совсем не потому, что имею подобное предчувствие. Напротив, полагаю, что в прежних масштабах такое уже никогда не повторится. Но ощущается страшнейшее напряжение в обществе. Оно рвется, ждет перемен, но не может сдвинуться с места, ибо вынут некий соединявший нас духовный стержень. Конечно, вместо него существовал какой-то диковинный протез до 83 года, но он позволял, по крайней мере, привести социум в движение как единое целое. Точка зрения общества могла быть и чаще всего была оскорбительной для людей доброй воли, для людей духовных. На Западе поражались, как можно дружно осуждать Сахарова, которого никто не читал, – однако страна действовала как целое.

Теперь протез выломан, выкрошен, и мы ощущаем эту мертвящую пустоту в душах.

Действительно, воздух насыщен разрядами грядущей идеологии, – у меня, как и у многих, есть такое ощущение, – но совершенно непонятно, успеет ли она родиться, и какова она будет. Не возникнет ли вместо живого, объединяющего начала очередной протез? Например, из сравнительной истории кризисов, – хотя наш кризис, как и все, уникален, – известно, что в ситуации стагнации в экономике, потери ориентиров, распада правящей элиты типичный выход – это диктатура, которая, как правило, в экономической сфере осуществляет либерализацию, реформы, но она всегда берет на вооружение некую наскоро сколоченную фундаменталистскую идеологию. А

фундаментализм – невеселая вещь. Вполне можно себе представить, скажем, православный фундаментализм в качестве господствующей идеологии, где никакой свободы слова, слова и гласности и в помине не будет. Потому что с точки зрения фундаменталистов Русской православной церкви за рубежом, даже отцы Сергей Булгаков и Павел Флоренский – еретики, а уж про Бердяева и Соловьева говорить нечего – анафема! Религиозная нетерпимость в царской России доходила до такой степени, что великий отечественный философ Соловьев важнейшие труды печатал за рубежом на французском языке, хотя примерно в то же время социал-демократы открыто публиковали труды с безобразными призывами к свержению существующего строя – и обходилось. Мы рискуем заменить один уродливый протез другим, который нас опять опрокинет в прошлое, и вместо присягания на верность непонятому и перевернутому Марксу будем догматически присягать, например, Святой Троице, клеймить неомонофизитство вместо троцкизма, так же не постигая ни умом, ни сердцем, о чем речь. И если этот протез возникнет, позволит ли он нам осуществить реальную модернизацию – или мы навеки окажемся на обочине цивилизации?

Идеология, как и идеал, не берется из воздуха, ее нельзя придумать, изобрести. Она может быть только органичным, естественным следующим шагом развития всей прежней русской культуры: и дописьменной, и письменной, и 1000-летия христианства, и небывало мощного духовного прорыва конца прошлого - начала этого века. Никакой новоявленный идеолог не сможет, не усвоив все это, не поняв, не пережив, не овладев материалом русской истории, – взять и, приставив палец ко лбу, что-то изобрести. Пророки нового откровения вырастают из культуры, а ярчайшая вспышка пророчества была в нашей культуре на рубеже веков. Но потом все это было уничтожено, и остались только лоскутки в репрессированной литературе и угасающее русское зарубежье. Видимо, то, что придет, придет оттуда, из этого громадного неосвоенного материала.

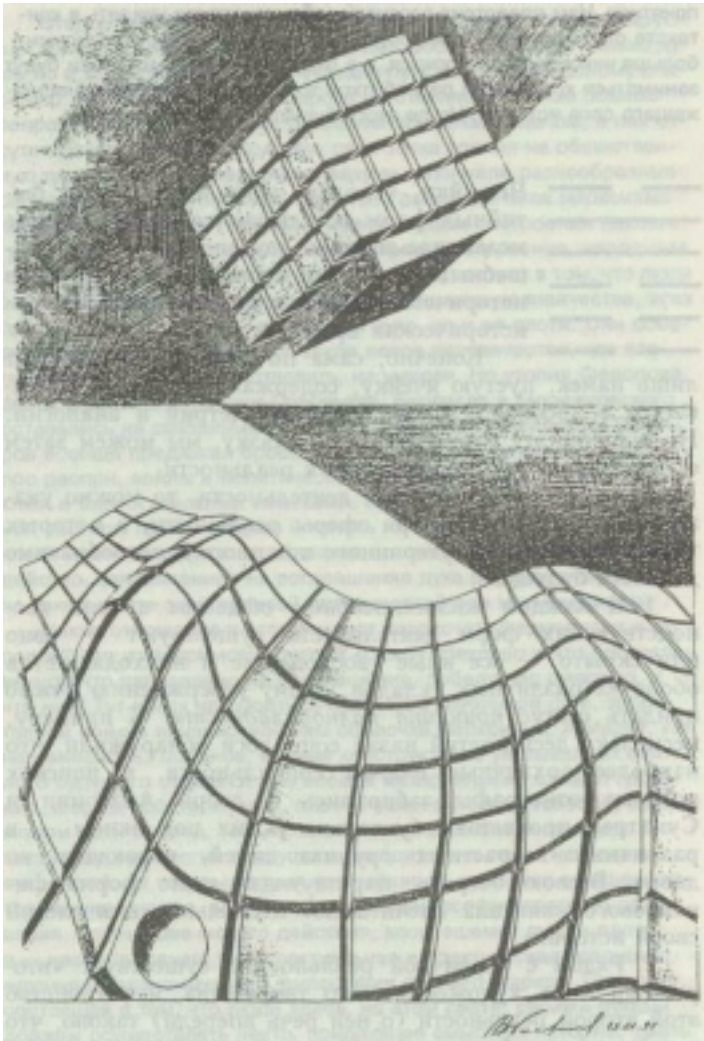
Не загадывая, когда, в каком виде и кем нам будет явлена идеология, берусь указать на два из ее "источников и составных частей". Самосознание так называемой русской религиозной идеи оборвалось на идее третьего откровения, третьего завета, которую тогдашняя православная церковь сочла крамольной. Первое откровение позволило увидеть смысл истории в завоевании и освоении богоизбранным народом земли обетованной – земного рая, "где течет молоко и мед". Но оставались без ответа трагические вопросы о смысле индивидуального смертного существования, о справедливости мира, в котором сплошь и рядом страдают праведники и блаженствуют злодеи.

Второе откровение вывело за грань земного и открыло чарующую перспективу победы над смертью, воскрешения не только духа, но и плоти человеческой, указало путь к индивидуальному спасению. Но его апостолы и пророки не ставили в полном объеме вопроса о смысле истории, движения общества в целом, в них отсутствовала своя антропология, своя точка зрения на общественную деятельность. Именно этот вакуум заполнили разнообразные социальные и политические течения. Громадная сила марксизма как раз в том, что он говорил о сознательном построении некоего гуманного царства на земле. Новое, третье откровение, народным глашатаем которого стал Николай Федоров, состоит в том, что люди собственными руками осуществят воскрешение человечества, всех предыдущих поколений не только в духе, но и во плоти. Они соберут прах предков и создадут некое новое человечество, где все поколения будут сосуществовать, не умирая. Но утопия Федорова, философские абстракции Соловьева, Бердяева и Мережковского оставались не связанными с конкретной повседневностью. Федоров вообще предлагал бросить все дела и сей же момент, забыв про распри, войны и политические проблемы, заняться химическими и биологическими изысками, могущими изловить из вселенной частицы праха предков и начать их воскрешать. По-видимому, новая идеология должна, объясняя историю как богочеловеческое действо, направленное на воскрешение духа и плоти, указывать, на каком месте этой великой исторической оси мы находимся.

Какое отношение к этому имеют хозрасчет, фермерство и так далее? Что из творимого группой "Союз" греховно и что богочеловечно? Что направлено на воскрешение, победу над смертью, и что нет? Тут никак не обойтись без некой глубинной сути, запрятанной в ныне ненавистной нам оболочке марксизма. А Маркс, как напоминает С. Платонов, весьма конструктивно указывал: от светлого будущего отделяют нас вполне материальные слои отчуждения, формы собственности, пласты человеческих несвобод, и мы можем идти вперед, только снимая послойно эти несвободы. По-видимому, идеология грядущего находится на стыке нескольких сущностей, из которых двумя важнейшими, особенно в нашем историческом случае, являются русская философия третьего откровения, богочеловеческого действия, воскрешения духа и плоти и – некая духовная, интеллектуальная и практическая традиция, идущая от экономической философии раннего Маркса. Традиция, состоящая в том, что люди здесь, на этом свете, своими руками должны осуществлять нечто, придающее смысл их истории, уметь нарисовать перспективу из конкретных этапов, возможно, рассчитанных по пятилетиям и десятилетиям. Каждый шаг вedomого такой идеологией общества должен, с одной стороны, быть связан с глубинными вопросами человеческого бытия, а с другой, как это ни непривычно звучит, выражаться в приземленных практических понятиях. Нам предстоит осознать себя, отчетливо увидеть в контексте отечественной и мировой истории. Возможно, этот момент больше никогда не повторится, и в будущем наши мыслители будут

заниматься конкретной разработкой только предстоящего, близлежащего слоя истории. Но до этого будущего еще надо дожить.

Чешуйки, осколки, астральные блики бытийных форм складываются в многомерное мозаичное зеркало "таблицы". И этот волшебный перископ позволяет заглянуть в историческое зазеркалье, в универсум за-исторических времен и миров. Конечно, сама по себе "таблица" дает лишь намек, пустую ячейку, содержание которой угадывается в дробящемся отражении симметрий и аналогий. Но получив эту формальную подсказку, мы можем затем обратиться за ее истолкованием к реальности.

Если говорить о формах деятельности, то можно указать, по меньшей мере, три сферы реальности, в которых таятся живые черты утерянного прошлого и невообразимо далекого будущего.

1. В каждом жизнеспособном обществе в тени господствующих форм деятельности существуют – явно или скрыто – все иные (восходящие и нисходящие) в оболочке различных укладов. Этому утверждению можно придать статус *принципа полноукладности*. К примеру, несколько десятилетий назад социологи обнаружили, что наиболее архаичные формы социальности, в поисках которых этнографы забирались в дебри Амазонии и Суматры, процветают буквально у них под окном – в различных возрастных группах детей, играющих во дворе. В свою очередь, царствующая ныне форма финансового капитала насчитывает несколько тысячелетий своей истории.

2. Рядом с первичной реальностью существует "вторичный мир" художественного творчества, и устройство этой второй реальности (о ней речь впереди) таково, что в ней можно найти полнокровные

образы прошлого и будущего, – надо только знать, что именно искать. Ведь в отсутствие критериев поиска речь на незнакомом языке сливается для нас в бессвязный младенческий лепет или журчание ручья.

3. Каждый человек представляет из себя "живую формацию", лестницу форм. Луч внутреннего света позволяет увидеть лишь несколько ступенек, а все, что ниже и выше, скрыто за плотными ширмами под- и сверхсознания. Но иногда это световое поле расширяется, выхватывая из тьмы ослепительные миры...

Вооружившись такими (более чем сомнительными) советами и ориентирами, мы отправляемся в небывалое путешествие "туда - не знаю куда".

* * *

По завершении Истории человек принимает в себя, – а значит, сбрасывает с себя, – все формы *zoopolitikon* и *toolmaking animal*. Общественное пространство между человеком и человеком оказывается абсолютно пустым, свободным от любых форм социального отчуждения. Трудно представить себе: сняты, исчезли любые формы производства, формы общения, формы сознания. Наступает великое молчание. Это больше чем полное взаимопонимание, чем телепатия, чем любая форма духовного единства – речь идет об абсолютном тождестве каждого человека каждому другому человеку и Человеку вообще. Человек отныне и навеки, обретая Знание, теряет со-знание. Это обморок, летаргический сон, коллапс общества. Но не смерть Человека, – напротив, начало подлинной внутренней жизни.

Не стоит пытаться вообразить себе такое в нынешних кроманьонских формах телесности.

Художественным образом, отвлекающим от бесплодных гаданий на эту тему, может послужить живой и мыслящий океан Солярис у Лема, или планета-сверхиндивид в повести Стругацких "Малыш". Близким и понятным прообразом – мудрец, практикующий дзенское "сидение", пустынник или аскет, восходящий по ступеням раджа-йоги.

Бессмысленно теревить его за плечо, требовать отчета, пытаться вовлечь в наши ущербные формы социальности. Когда оукливание таинственной личинки сверхцивилизации произошло, бессмысленно посылать ей радиосигналы, в которых закодирована теорема Пифагора, бомбардировать зондами, украшенными пластиной с изображением атома углерода.

Бытие Человека, сбросившего цепи социального отчуждения, бесконечно далеко от идиллии, грезившейся утопистам.

"Нельзя социально победить того основного трагического конфликта, что человек есть духовное существо, заключающее в себе устремленность к бесконечности и вечности и поставленное в ограниченные условия существования в этом мире. Страдания от смерти, страдания от любви, ... страдания от загадочности жизни, непонятности собственной судьбы, ... от страхов перед жизнью и смертью, от бессмысленных случаев, ... от меланхолического темперамента и мн. др. – неустранимы никаким социальным строем. Когда социальный вопрос будет решен и все люди поставлены в условия достойного существования, когда не будет страданий от необеспеченного положения, голода, холода, невежества, болезней, несправедливостей, тогда, именно тогда усилится чувство и сознание непреодолимого трагизма жизни, тогда не избранных только, а многих охватит духовная тоска.

Социальная борьба со страданием отвечает на тему о страдании вообще, а не о страдании конкретных существ." (Н.Бердяев)¹⁶

Остается лишь напомнить, что формы деятельности универсума &₂, взятые в отношении к соответствующим формам материала, интерпретируются как "экзистенциальные", а взятые в отношении к соответствующим формам идеала, – как "формы откровения".

Экзистенциальное "время" миров Дзен и социальное время Истории имеют разную природу и несопоставимы напрямую. Но если представить себе некую идеализированную абстракцию "человечества", плавно и безостановочно восходящего по лестнице форм деятельности, то по количеству и разнообразию форм-ступеней универсум &₂ миров Дзен эквивалентен всему универсуму &₁ исторических форм деятельности: каждый содержит по 27 эталонных формаций. Без преувеличения, Медитация содержит в себе целую Историю.

"Схлопыванием" исторического времени отмечено наступление эпохи Дзен, а конец ее – треском скорлупы сверхцивилизации, завершившей снятие экзистенциальных слоев самоотчуждения и обращающей активность вовне. Масштабы этих надисторических катаклизмов таковы, что убогий арсенал аналогий с "личинками, куколками и бабочками" разумнее вовсе не извлекать на свет.

¹⁶ Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого.
Париж, YMCA-PRESS, 1952, стр.102.

Напомним, что формы деятельности универсума &₃, взятые в отношении к соответствующим формам материала, интерпретируются как "*трансперсональные*", а взятые в отношении к соответствующим формам идеала, – как "*формы творчества*".

Наверное, русская мысль училась боготворить творчество у Шеллинга. Не ведаю (по темноте своей), читал ли Гоголь Шеллинга, но вот что говорит у него "живая душа" Костанжогло: "Да для меня праздник, если плотник хорошо владеет топором; я два часа готов пред ним простоять; так веселит меня его работа. А если видишь еще, с какой целью все это творится, как вокруг тебя все множится да множится, принося плоды да доход... Да я и рассказать вам не могу, какое удовольствие. И не потому, что растут деньги, – деньги деньгами, – но потому, что все это – дело рук твоих; потому что видишь, как ты всему причина и творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыпется изобилие и добро на все. Да где вы найдете мне равное наслаждение?... Да в целом мире не сыщете вы подобного наслаждения! **Здесь, именно здесь подражает богу человек: бог представил себе дело творенья, как высшее наслаждение, и требует от человека также, чтобы он был творцом благоденствия и стройного течения дел.**"

Тема творчества – неотъемлемая, важнейшая сторона русской темы, русской мысли вообще. И она же – очень болезненная, не терпящая прикосновений мимоходом. Достаточно сравнить непосредственную реакцию Розанова на бердяевский "Смысл творчества" – с последующей, опосредованной¹⁷. Или первое из писем Соловьева Николаю Федорову (изданных Радловым уже при большевиках) – с последним.

Поэтому в ходе безумного экскурсионного галопа по музейным помещениям "таблицы" форм оставим в стороне таинственный зал, где "творческое" соприкасается с "русским". Оставим – с надеждой вернуться.

* * *

Когда в 1986 году мы с В. Криворотовым впервые стали искать родовое имя для универсума форм деятельности, который здесь обозначен через &₃, выбор пал на ненаучное слово "чародейство". Поздней осенью 1991 года на одно из заседаний клуба "Гуманус" Виктор Лега принес стопку книжек Дж.Р.Р.Толкина "Дерево и лист", изданных кооперативом "Гнозис" (в то время он работал там главным редактором). В книжке я обнаружил эссе "О волшебных историях", посвященное стране Фэери и ее обитателям, именуемым фэерис или эльфами. Предчувствие встречного откровения возрастало по мере того, как с каждой страницей я убеждался, что Фэери не менее, а даже более реальна для автора, чем наш мир, именуемый "Первичным Миром". Наконец, дойдя до семидесятой страницы, я прочел:

"...Для обозначения особенного могущественного эльфийского мастерства я буду пользоваться словом "Чары"¹⁸ (за отсутствием менее спорного слова). Чары порождают Вторичный Мир, в который могут войти и создатель, и зритель..."

Предоставим поэтому слово такому компетентному и непредвзятому свидетелю по делу о Фэери, каковым является профессор Оксфордского университета Джон Роналд Руэл Толкин.

ФРАГМЕНТ 8

---

¹⁷ Будущим исследователям этой темы стоит заглянуть в "раннего" Розанова, который за 18 лет до бердяевского "Смысла творчества" писал: "...Природа души человеческой есть *жизнь, акция, инициатива*, потому что душа есть Божия тайна, и именно тайна – *творческая*. Между тем у нас все творчество, всякая инициатива, акция взята формами – увы, осклопившимися духа формами! ... Мы, композиторы, художники, писатели, нас 1500 - 2000 человек – не должны забывать о миллионах: мы можем фантазировать, буйствовать, "вертеться" с пером или кистью в руке – но остальные? Им также нужно в чем-нибудь, как-нибудь "вывертеть" свой дух. ... Дайте *сотворить* человеку, иначе он умрет или "завертится". Но чтобы он не вертелся, чтобы он не уродствовал – откройте ему для творчества благородные формы. Мы знаем, государство руководится исключительно утилитарными понятиями, никто не замечает необходимости великих этических и эстетических идей; но если без этих этических и эстетических идей в целом жизнь умирает или уродуется, не есть ли они вместе с тем и утилитарные идеи? ... Мы говорим о художественной и нравственной идее в приложении к государству, быту, вере."

¹⁸ Перевод Натальи Прохоровой.

"...Думать о волшебных историях следует, исходя из природы *Фэери* – Опасного Края. Я никогда не пытался ни описать, ни определить, что за ветры играют в этой земле. Это невозможно сделать. *Фэери* не вовлечешь в сети слов, ибо одно из основных свойств ее – неопиcуемость.

...*Фэери* принадлежит вся земля, и все, что есть на земле: деревья и птицы, камни и воды, хлеб и вино – и мы, смертные, чувствующие на себе ее чары.

...Если мы утверждаем, что *фэерис* истинны и существуют независимо от наших сказок о них – это означает всего лишь, что эльфы не менее реальны, чем мы, – а мы, в свою очередь, не более реальны, чем эльфы. Но наши пути редко пересекаются, наши судьбы давно разделились, и даже у самых окраин *Фэери* встреча с ними для нас – очень странный, дикий случай.

...*Фэери* ... живет своими деяниями; среди них – удовлетворение определенных, главных, изначальных желаний всякого человека."

Толкин называет два таких главных, изначальных желаний всякого человека:

- **осматривать бездны пространства и времени;**

- **говорить со всем и понимать все, что живет и движется в мире.**

"Вопрос: "Где скрыто начало чуда и волшебства?" – без сомнения, приведет нас к самым фундаментальным и вечным вопросам нашего мира.

...В волшебных историях ясно видны три ипостаси: Мистический лик Сверхъестественного мира; Магический лик Природы; и лик-Зеркало, смеющийся над людьми и жалеющий их.

"Искусство" ... - связующее звено между Воображением и конечным его результатом, соучастие в творении мира (я называю этот процесс вторичным творчеством – по отношению к первичному Сотворению мира).

...Я намерен к прежнему ... значению слова "фантазия", в котором оно есть синоним "воображения", присоединить добавочное слово "нереальности", несхожести с Первичным Миром, свободы от постоянно довлеющего над Первичным Миром господства "фактов".

Фантазия (в этом значении) кажется мне не низшей, а наоборот, высшей формой Искусства.

Фантазии присуще, к сожалению, одно весьма важное, но крайне невыгодное свойство – ее очень трудно осуществить.

Но "Драмы *Фэери*" – те представления, которые, согласно древнейшим из летописей, некогда устраивали для людей эльфы, – могут рождать Фантазию, обладающую столь неподдельной достоверностью, какую не в силах создать своими механизмами люди... Если вы участвуете в Дrame *Фэери* – телесно вы пребываете (или вам кажется, что вы пребываете) внутри Вторичного Мира... Можно сказать, что, находясь внутри Драмы *Фэери*, вы находитесь как бы внутри сна, созданного кем-то другим.

...А Первичный Мир, наша Реальность, одинаков и для людей, и для эльфов.

Нам нужно теперь какое-то слово для обозначения этой эльфийской способности вторичного творчества... Не подходит ... слово "Искусство". Искусство – человеческая деятельность, которая порождает, конечно же, Вторичную Веру... (эльфы также владеют искусством подобного рода, кажется, они в нем даже более сведущи, чем люди, – так утверждают древние хроники).

Поэтому для обозначения особенного могущественного эльфийского мастерства я буду пользоваться словом "Чары" (за отсутствием менее спорного слова). Чары порождают Вторичный Мир, в который могут войти и создатель, и зритель...

К обретению эльфийской способности творить Чары и устремлена Фантазия, а когда Фантазия успешна, она приближается к Чарам вплотную, ближе, чем всякое другое из человеческих искусств.

В глубине многих историй, написанных людьми об эльфах, кроется явное или тайное стремление овладеть искусством вторичного творчества, которое может оживить мир.

Фантазия основывается на твердом убеждении, что все вещи мира именно таковы, какими они явлены под солнцем; Фантазия убеждена в этом – но не подчиняется этому.

...Существует древнее и самое глубокое из всех желаний: Великий Побег, Избавление от Смерти.

...История со *Счастливой Развязкой* есть высшая форма волшебной истории.

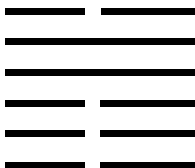
Волшебные истории не отрицают существования *Несчастливой Развязки*, горя и поражения... Но волшебные истории отрицают (наперекор всему) всеобщее окончательное поражение, и потому они – *благая весть*, приносящая слабый отблеск запредельной Радости в этот мир, горький как скорбь.

...Рождение Христа – это Счастливая Развязка человеческой истории. Воскресение – это Счастливая Развязка в истории Воплощения... Бог – Единый Господь для людей и для ангелов – и для эльфов."

Что же может подсказать "таблица" форм о народе *фэерис*? Немало.

Фэерис бессмертны, – по меньшей мере, биологически. Ведь

"симметричные" им бактерии и вирусы не умирают от старости, они лишь раздваиваются или штампуют собственные копии. *Фэерис* бесчисленны и разнообразны, – но все они являются лишь разными проявлениями единого целого. Арена их деятельности – Космос, Вселенная в целом, и погибнуть

они могут только все до единого и одновременно, в какой-то космической сверхкатастрофе. По мере восхождения по лестнице форм универсума &₃ фэерис овладевают молекулярно-генетическим уровнем как своим предметом. "Генная инженерия", "генетическая память" – смутные намеки на ранние формы их активности. В конечном итоге доходит дело до овладения и снятия вещественности как таковой. Материя исчезает (как и предвидел Владимир Ильич, разоблачая проклятых эмпириомонистов). Точнее, от нее ненадолго остаются чистые формы времени и пространства. Овладевая ими, фэерис снимают последние барьеры отчуждения человечества от Бога.

Для фэерис нет нужды "перестраивать" наш Первичный Мир, копать в нем траншеи и подправлять ход времени: они свободно творят множественные Вторичные, Третичные и т.д. миры, повинувшись лишь одному закону: Абсолюту в ипостаси Прекрасного.

Обратимся к поискам следов фэерис в окружающей действительности по указанным трем азимутам.

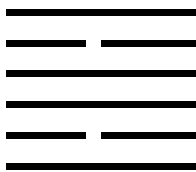
1. Толкин прозрачно намекает, что страна Фэери – Опасный Край. Никому в Истории не удалось и по понятным причинам не удастся доказать в суде, что он побывал в одном из укладов Фэери. Хотя свидетельскими показаниями о чудесах, чародеях, колдунах и оборотнях битком набиты исторические хроники. Ссылки на пресловутую "темноту" изобличают именно темноту. В последние десятилетия эльфов переименовали в гуманоидов, НЛО в изобилии оставляют вполне материальные следы на экранах локаторов, на кино- и видеопленке... Но только вопиющая самонадеянность людей XX столетия в сочетании с праздным любопытством подталкивает их к безнадёжным (и опасным) попыткам изловить фэерис или "войти с ними в контакт".

2. О художественных отражениях Фэери Толкин сказал почти все необходимое. Фэери посвящено едва ли не большинство произведений искусства всех времен и народов. В нашем рационалистическом столетии часть соответствующей литературы выделилась в отдельную ветвь под названием "фантастики". Но литературные границы Фэери гораздо шире. Конкретизация структуры универсума форм &₃ может многое дать для внутренней классификации этого жанра.

3. Универсуму форм &₃ в структуре личности отвечает уровень, получивший в последнее время название "трансперсонального". Это важнейший источник представлений о Фэери. Речь о нем пойдет ниже.

[К оглавлению второй части](#)

17. Психолого-антропологическая интерпретация. Отражение форм движения и форм развития в формах психической деятельности. Подсознание и сверхсознание. Наркотики и психоделики. Трансперсональная психология. Ум, душа и тело

Представлениями о типологии и структурных уровнях личности я обязан вовсе не работе под названием "Смысл". Наоборот, они предшествовали ей в качестве одного из нескольких источников. В августе 1983 года на заветной нижеволжской протоке Сухой Герасим свои взгляды на сей счет развивал передо мной Криворотов. Загадочными таблицами и схемами, в которые мы пытались уловить ускользающую истину, были испещрены пустынные песчаные косы. Над нами носились встревоженные чайки, стрекотали спутники-шпионы и подолгу зависали НЛО.

В конце 1987 года, когда многие элементы "таблицы" форм просматривались вполне отчетливо и уже получали имена, ко мне в руки вполне случайно (как и всегда в подобных случаях) попал реферативный сборник с интригующим грифом "Для служебного пользования". Один из обзоров сборника был посвящен "трансперсональной психологии". За ним последовал еще ИНИОНовский обзор, обобщающий работы по исследованию и применению "психоделиков". Оба названия ровным счетом ни о чем не говорили жителям предзакатного СССР...

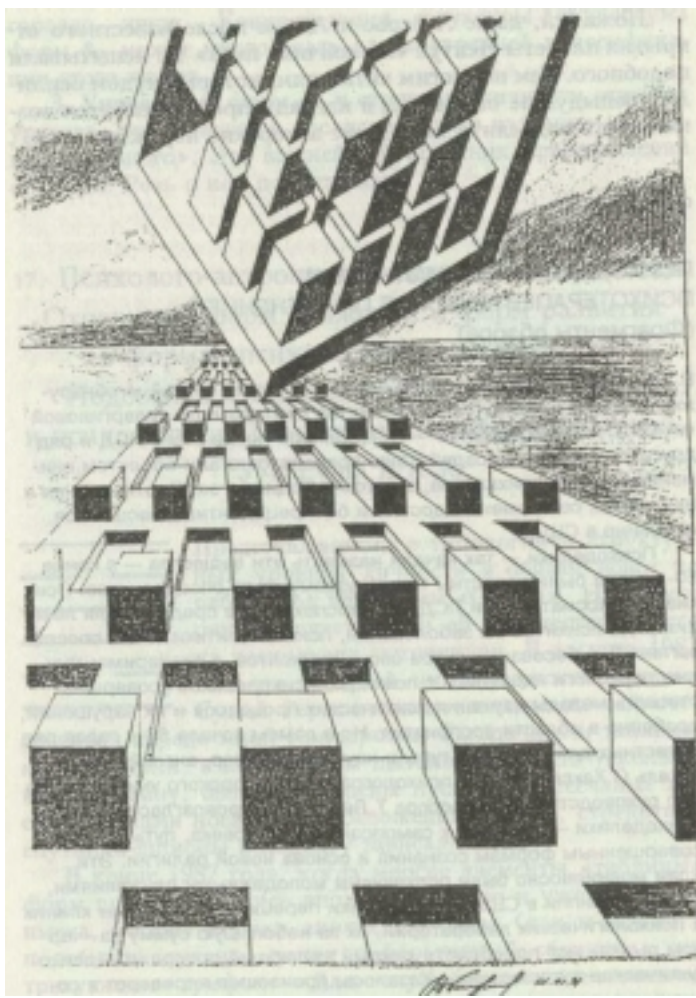
Пожалуй, даже Леверье и Адамс после известного открытия планеты Нептун "на кончике пера" не испытывали подобного. Тем немногим читателям, которые чудом осилили предыдущие страницы, в награду предоставляется возможность разделить тогдашние авторские переживания.

ФРАГМЕНТ 9

ПСИХОДЕЛИКИ: СОЦИАЛЬНОЕ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ⁵

(Фрагменты обзора)

В 1943 г. швейцарский химик Альберт Хофман случайно обнаружил мощные психоактивные свойства диэтиламида лизергиновой кислоты, или сокращенно – ЛСД. Вскоре после этого ЛСД и ряд других, похожих по воздействию препаратов, стали объектом внимания сначала психиатров, а потом и социологов. Противоречия в их оценках со временем достигли беспрецедентных масштабов, особенно в США.

Психоделики – так начали называть эти вещества – в конце 50-х годов были известны только узкому кругу специалистов. Психиатры рассматривали ЛСД как перспективное средство для лечения ряда психических заболеваний, психоаналитики – как способ заглянуть в бессознательное своих пациентов, а экспериментальные психологи надеялись с помощью психоделиков усовершенствовать методы изучения психических процессов и их нарушений, особенно в области восприятия. Но в самом начале 60-х годов ряд известных деятелей культуры и науки, например, английский писатель О. Хаксли, группа психологов из Гарвардского университета под руководством профессора Т. Лири и др. провозгласили, что психоделики – это ключ к самопознанию человека, путь к

среда: идеологические и психологические аспекты

более совершенным формам сознания и основа новой религии. Эти идеи молниеносно были подхвачены молодежными движениями, особенно хиппи в США. Психоделики перешагнули границы клиник и психологических лабораторий, их за небольшую сумму на "черном рынке" мог приобрести каждый желающий совершить "психоделическое путешествие". Казалось, произошел переворот в сознании молодых людей: заговорили о "психоделической революции", появилась психоделическая музыка и живопись, театр и мода, психоделический образ жизни. "Психоделики открыли путь для массового туризма в те психические и духовные области, которые раньше были доступны только некоторым умудренным людям, главным образом религиозным мистикам. Большинство туристов возвращались с воспоминаниями о чем-то очень важном увиденном ими, но они не знали, как с этим жить дальше. Некоторые решались на собственные поиски уже без помощи психоделиков и часто обнаруживали, что религиозная, особенно буддийская, традиция является лучшим путеводителем". Эта цитата из одной из недавних монографий о психоделиках передает настроение американской молодежи и студенчества конца 60-х годов. Власти не поддерживали энтузиазма молодых людей; противоречия в оценках вызываемых психоделиками эффектов нарастали, поэтому они были приравнены к наркотикам и в 1966 г. запрещены в Соединенных Штатах как вредные для здоровья человека. Вскоре к США присоединились и другие страны. Психоделический бум в США продолжался и после официального запрета, но к середине 70-х годов он пошел на убыль.

Из всех психоделиков наиболее известен самый сильный – ЛСД-25. По мнению многих исследователей, ЛСД не имеет строго определенного воздействия, ничего не привносит в психику, а служит лишь катализатором для выявления скрытого от обыденного сознания психического материала.

Механизм действия психоделиков до сих пор во многом неясен. В 1975 г. после выделения из головного мозга морфиноподобных пептидов ... стало понятно, что механизм действия психоделиков отличен от механизмов действия наркотиков, хотя некоторые из вызываемых симптомов, например, эйфория, имеют определенное сходство. Все выше описанные препараты отличаются от наркотических средств не только воздействием, но и тем, что не вызывают при повторных употреблении физиологического привыкания. Это подтверждают не только академические исследования, но и Всемирная организация здравоохранения.

Всего в период интенсивной работы с ЛСД и другими психоделиками (до конца 60-х годов) было опубликовано более 1 тыс. научных статей, в которых обсуждались результаты психотерапии более чем с 40 тыс. пациентами, вышло несколько десятков книг и состоялось шесть международных конференций по применению психоделиков в психотерапии.

Одним из самых известных психотерапевтов, применившим психоделики при проведении психотерапии, является американский ученый чешского происхождения С. Гроф. В течение последних 30 лет он провел около 3 тыс. ЛСД-сеансов сам и изучил около 2 тыс., проведенных его коллегами. Большинство его пациентов были люди, имевшие эмоциональные нарушения – различные неврозы, сексуальные нарушения, психосоматические заболевания, пограничные психозы, а также алкоголики и наркоманы. Вторую группу составляли "нормальные" добровольцы – психиатры, психологи, студенты, желающие впоследствии сами заняться психотерапией, представители разных областей искусства, ищущие новый источник вдохновения. Третью группу составили люди, болеющие неизлечимой болезнью. На основе этих наблюдений Г.С.Гроф создал оригинальную теорию психотерапии, которая изложена в ряде его работ.

В основе психотерапии, по мнению С. Грофа, лежит прохождение пациентом ряда областей своего бессознательного с целью интеграции и осознания имеющегося там травматического материала. Самыми ценными в психотерапии С. Гроф считает трансперсональные переживания, которые во многом и определяют природу "психоделических пиковых переживаний". Согласно С. Грофу, можно выделить четыре стадии переживаний, которые в какой-то мере соответствуют стадиям психоделической терапии. Надо отметить, что ЛСД здесь понимается только как вспомогательное средство, служащее катализатором для выявления бессознательного у человека. С. Гроф отмечает, что похожие переживания могут возникнуть и во время медитации, танца, выполнения определенных дыхательных упражнений и ряда других техник.

Первый уровень – абстрактные и эстетические переживания. Они характеризуются резким изменением восприятия, чаще всего визуального. Окружающий мир обычно кажется необычайно красивым, имеющим магическую или сказочную окраску. При прослушивании музыки большинство отмечают, что они как будто первый раз в жизни по-настоящему ее услышали.

Эстетические переживания представляют наиболее *внешнюю сторону* ЛСД-переживаний и обычно возникают *в начале и в конце* сеанса.

Второй уровень – *биографически-психодинамические* переживания. Переживания данного типа вызваны биографией пациента, включая воспоминания детства, неразрешенные конфликты и вытесненные переживания различных периодов жизни. Самым простым психодинамическим переживанием является повторное переживание эмоционально значимого для индивида события.

Третий уровень – *перинатальные* переживания. Этот уровень включает переживания биологического рождения, физической боли, агонии, старения и смерти. Они носят скорее реальный, чем символический характер. Сами переживания смерти и повторного рождения бывают очень драматическими и сопровождаются внешними биологическими проявлениями, сходными с настоящей смертью или биологическими родами. Все стадии рождения не обязательно наблюдаются сразу в одном психоделическом сеансе, при повторе сеанса пациент может пережить рождение и смерть несколько раз. Как правило, переживания рождения или смерти сопровождаются философскими раздумьями о сходстве рождения и смерти. Второй лейтмотив, сопровождающий перинатальные переживания, – это обращение к духовному или религиозному опыту, несмотря на негативные установки к подобному опыту до психотерапии. Именно прохождение пациента через смерть и второе рождение сопровождается явным снижением или даже исчезновением имевших место психопатологических симптомов и разрешением многих личностных проблем.

Четвертый уровень – *трансперсональные* переживания. Это расширение сознания индивида за рамки обычных границ "эго", времени и пространства. Они обычно наступают, когда уже проработан материал на других уровнях бессознательного, хотя могут возникнуть и на первых этапах психоделической терапии. Конкретное содержание трансперсональных переживаний, как отмечает С. Гроф, может быть очень разным. Одна их форма связана с *преодолением границ времени*, это переживание генетической и расовой наследственности, разных форм жизни, начиная от насекомых и кончая обезьянами; "ясновидение" и путешествия по времени. Другая форма трансперсональных переживаний больше связана с *преодолением границы пространства*. Это может быть чувство полного единства с другим человеком или со всем человечеством, отождествление себя с другим историческим лицом (Эйнштейном, Христом, Буддой и т.д.), единство с космосом или всем миром, разные архетипные видения.

Трансперсональные переживания, в отличие от психодинамических, не поддаются проверке и являются самыми спорными с точки зрения традиционной психологии. Но, как отмечает С. Гроф, именно они оказывают огромное влияние на пациента. Например, переживание единства с другим человеком и выход за собственные границы "эго" ведет к упрощению, облегчению и прояснению межличностных отношений пациента, снятию множества конфликтов и позитивному изменению личности.

Понимание человеческого бессознательного как состоящего, по крайней мере, из биографически-психодинамического, перинатального и трансперсонального уровней позволяет С. Грофу по-новому взглянуть на процесс психотерапии.

Впервые идея о том, что галлюциногены могут быть с пользой применены для проведения психотерапии с неизлечимо больными людьми, была высказана американским педиатром В.К. Вэнсоном и английским писателем О. Хаксли. Первые научные исследования в этой области были сделаны американским врачом из Чикаго Э. Кастом. В поисках надежного препарата для обезболивания он начал серию исследований с ЛСД. Кроме эффекта снятия более было отмечено поразительное свойство ЛСД вызывать улучшение сна, повышение настроения и снятие страха перед смертью у большинства больных. Э. Каст представил клинические наблюдения 80 смертельно больных разными формами раковых заболеваний людей, которые получили 100 мг ЛСД. Результаты показали, что у 72 из этих пациентов появились существенные личностные изменения, связанные с переосмыслением прожитой жизни. У них было отмечено снижение физического напряжения и болевых ощущений, улучшение сна. Терапевтический эффект был относительно устойчив и длился несколько недель.

Что нового для понимания человеческой психики дали работы в психотерапии с применением психоделиков? Вся психотерапевтическая работа подтвердила специфичность ЛСД как вспомогательного средства, как уникального препарата. Было показано, что ЛСД это лишь катализатор скрытых психических процессов, что реакция на ЛСД сугубо индивидуальна и зависит от установок и настроения человека перед сеансом, от всего его жизненного пути и, в какой-то мере, от величины дозы. Поэтому высказываются мнения, что надо рассматривать ЛСД и ряд других

психоделиков не как чисто химические препараты, а как психологическую экспериментальную методику достижения измененной формы сознания. Психоделики также помогли экспериментально изучить бессознательное человека и составить его картографию (см. работы С. Грофа). Применение психоделиков в психотерапии с умирающими людьми дало уверенность, что психотерапия может помочь там, где, как казалось раньше, помочь уже нельзя. Путешествие вглубь человеческой психики показало, что в основе человека лежит его связь, единство с миром и другими людьми. Можно сказать, что чем глубже индивид познает себя, тем ближе он становится по отношению к окружающему его миру и людям. Эти идеи послужили одним из оснований для образования нового течения в психологии – трансперсональной психологии.

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГЛОБАЛЬНАЯ ЭТИКА⁶

(Фрагменты обзора)

...Исходная предпосылка трансперсональной психологии ... раскрывает новый ракурс видения человека. Внимание исследователя оказывается обращенным к тем редким и необычным проявлениям сознания, которые выходят за привычные для нас личностные границы и свидетельствуют о сопричастности его тому целостному состоянию, которое В. Налимов называет семантическим полем. Сюда относятся: озарение; экстаз; переживания в высшей точке напряженности (peak experience – термин, введенный Маслоу); благоговение; возникновение метапотребностей; метаосознание своего существования; опыт осознания выхода за границы своего Эго; опыт полного слияния с другим (экспериментально это может быть реализовано через взаимный гипноз); осознание своей внутренней сопричастности как культурам прошлого, так и филогенетическому прошлому человека; религиозно-мистический опыт; изменение сознания под влиянием психоделических средств; использование секса (в тантрическом буддизме) для стирания границ своей личности; обращение к медитации как к способу проведения направленного эксперимента. Последнее составило тему исследования, осуществляемого как проект, результаты которого представлены в обзоре М. Мэрфи и С. Донован, подготовленном к изданию в 1985 г. Библиография работы включает 962 названия.⁷

Использование медитации как средства изменения состояния сознания трансперсональная психология изучает и обсуждает широко. В европейских языках этот термин происходит от латинского слова *meditatio*. Им обозначались некоторые, хорошо отработанные методы созерцания, позволяющие выходить в так называемые измененные состояния сознания, не утрачивая при этом сбалансированности психики.

Приемы медитации разрабатывались так, чтобы медитирующий легко и непринужденно мог возвращаться в обычное, привычное для него, бодрственное состояние сознания. Во всех широко известных приемах медитации используются методы непосредственного замедления собственно-психологического времени. Это достигается путем релаксации, отключения от внешнего мира, создания внутренней тишины. Техническое разнообразие приемов велико: Лешан в своем практическом руководстве перечисляет различные варианты, известные в религиозно-мистических системах Востока и Запада. Среди них есть и аутотренинг, и дыхательные упражнения, и др.

Если ограничиться самыми простыми представлениями о медитации, то можно утверждать, что целью медитации является выход за логически структурированное сознание. В ином понимании медитация – это способ расширения границ сознания, раздвижение его шкалы; или, другими словами, медитация – это путешествие по неведомым нам глубинам нашего сознания. При таком

⁶ Из реферативного сборника: ИНИОН РС. Глобальные проблемы и будущее человечества. Вып.6 (ДСП) М. 1987

⁷ Обзор представляет собой первую комплексную компиляцию результатов исследований воздействия медитационной практики на психофизиологию человека. Исследования проводились в течение последних 50 лет. Реализация проекта осуществлялась на широкой информационной основе – количество обработанной литературы включает тысячи названий книг и статей, опубликованных за период 1931-1984 гг. Эмпирический материал включает более 8,5 тыс. случаев значительного изменения психофизических параметров организма человека. Начиная с 1981 г. информационный банк пополняется за счет еженедельного компьютерного анализа около 7 тыс. научных журналов. Содержательно обзор делится на несколько частей, включая историю вопроса; воздействие медитации на физиологические процессы (ЭКГ, ЭЭГ, респираторная, мышечная системы, биохимия крови, процессы метаболизма и др.); воздействие на психологические процессы (память, внимание, интеллект, творческие способности, сон и др.). – Прим. реф.

понимании медитации естественно исходить из того, что наше сознание несравненно шире той его части, которая проявлена в дневном – бодрственном – его состоянии.

То обстоятельство, что выход в измененные состояния сознания возможен и под влиянием психоделических средств, и через акт интимной близости в ритуале тантристского буддизма, свидетельствует о том, что механизм изменения собственного времени носит биохимический – гормональный характер. В. Налимов предполагает, что общепринятые методы медитации – это не более чем техника управления гормональной системой, направленная на регулирование состояния своего сознания.

Спектральная психология К. Уилбера

Одной из наиболее обстоятельных систем, интегрирующих различные психологические школы, является спектральная психология К. Уилбера. Она объединяет многочисленные подходы, как западные, так и восточные, в спектр психологических моделей и теорий, отражающих многообразие нашего сознания. Уилбер различает четыре основных уровня, ассоциируемых с соответствующими уровнями психотерапии: уровень Эго, *биосоциальный*, *экзистенциальный* и *трансперсональный* уровни. Динамика первого уровня, идентифицированного с образом себя, подробно описана Фрейдом. Второй уровень занимает значительное место в сознании и включает аспекты социального окружения личности – семья, культурные традиции и верования. Этот уровень интенсивно исследуется представителями социальной психологии.

Экзистенциальный уровень характеризуется чувством тождественности, распространяющимся на всю систему разум/тело, воспринимаемую как интегрированное самоорганизованное целое. На экзистенциальном уровне дуализм между разумом и телом оказывается преодолимым, но остается противостояние – субъект/объект, Я/другие, жизнь/смерть. Вопросы, возникающие в связи с этой разновидностью дуализма, находятся в центре внимания экзистенциальных психологов, однако разрешение их требует включения космического аспекта в сферу индивидуальных проблем.

Трансперсональный опыт характеризует расширение сознания, выход за пределы конвенциональных границ организма и, следовательно, расширение чувства тождественности (личности). Трансперсональный уровень охватывает коллективное бессознательное и его проявления, подробно описанные в юнгианской психологии. Образ сознания этого уровня характеризуется объединением индивидуального чувствования (восприятия) с космической целостностью и вследствие этого может быть соотнесен с традиционным представлением о человеческом духе.

Картография бессознательного С. Грофа

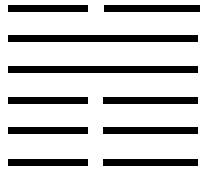
Другая карта сознания, вполне согласующаяся со спектральной психологией К. Уилбера, разработана С. Грофом с позиций другого подхода. Первый строил свое исследование как психолог и философ, второй – как врач-клиницист, исследовавший сознание в рамках ЛСД-терапии и других психоделических средств. Такие химические усилители позволяют совершить путешествие в области психики, обычно недоступные сознанию. В пользу этой точки зрения свидетельствует и тот факт, что материал бессознательного, вскрываемого с их помощью, не является уникальным, но сравним с медитативной и гипнотической практикой, а также с опытом новой экспериментальной терапии.

Картография бессознательного Грофа (карта ментальных феноменов) охватывает три основные области: *психодинамический* опыт, ассоциируемый с событиями прошлой и настоящей жизни человека; *перинатальный* опыт, имеющий отношение к биологическим явлениям процесса рождения; *трансперсональный* опыт, выходящий за пределы отдельной личности.

Психодинамический опыт автобиографичен и индивидуален, содержит память эмоциональных событий и конфликтов, имевших место в различные периоды истории жизни индивида.

Перинатальная сфера, наиболее впечатляющая часть картографии, включает исключительно реалистические и аутентичные переживания различных стадий процесса рождения, сопровождающиеся активным эмоциональным реагированием, непосредственным или в форме символических видений. Взаимосвязь рождения и смерти – один из важнейших аспектов этого опыта.

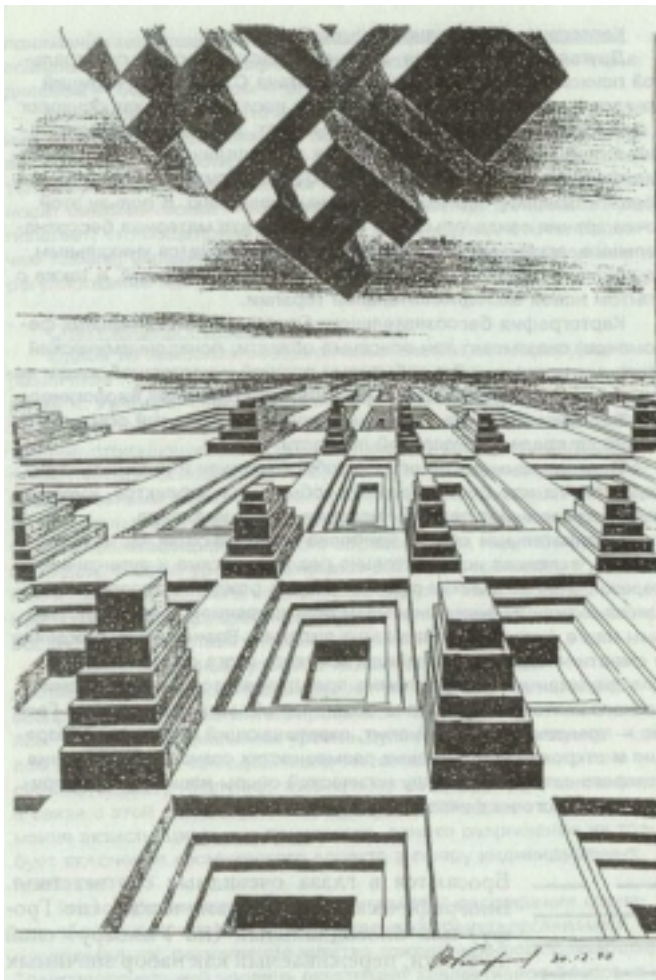
Экзистенциальная дилемма преодолевается в опыте космического контекста. Наиболее обширная область картографии Грофа – трансперсональный опыт, охватывающий состояния прозрения и откровения о духовных размерностях сознания, изложение которого затруднено ввиду логической опоры нашего языка, ориентированного на фиксацию внешнего опыта.

Бросятся в глаза очевидные соответствия. Биографически-психодинамический (по Грофу) или биосоциальный (по Уилберу) слой личности, переживаемый как набор значимых человеческих связей, событий и историй, отвечает социально-историческому слою форм деятельности. Экзистенциальный (по Уилберу) или перинатальный (по Грофу) слой личности – универсуму миров Дзен. Трансперсональный личностный слой – универсуму Фэрис...

Но не стоит придавать излишнего значения точности таких отождествлений. Вообще не стоит без должного смирения и без серьезных на то оснований углубляться в этот предмет. Посему – лишь несколько заметок на будущее.

Названные слои, которые в обзорах отнесены к "подсознательному" (за неимением других слов) и декларативно интерпретируются "по Фрейду", по-видимому, относятся как раз к *над-* или *сверхсознательному* и с Фрейдом связаны отдаленно. Психика имеет имманентный ей природный, материальный аспект, "ушедший в основание". Ему свойственно *движение*, которое, просачиваясь через каналы психического восприятия, возможно, и порождает феномены "подсознательного". Возможно, наркотики приоткрывают заслоны, блокирующие эти каналы от такого просачивания "снизу". С другой стороны, психика имеет

трансцендентный аспект, отражающий Божественное становление, *развитие*. Возможно, психоделики обладают способностью разблокировки "верхних" заслонов психики от потока содержания, с которым она не в силах совладать. Впрочем, все это не более чем намек-образ.

Помнится, во вступительных заметках содержалась угроза вернуться к дуализму "душа - тело". Так вот, сей мнимый дуализм христианской мысли – очередное порождение "фельетонистической эпохи" (по выражению Г. Гессе). Преподобный Антоний Великий говорил о **триаде: ум - душа - тело**¹⁹. Каждый человек тремя своими

вский Свято-Данилов монастырь, 1991 г.,

сторонами обращен к трем слоям идеала. Ум социален, это носитель со-знания. Душа экзистенциальна, ей свойственно откровение. Тело – трансперсонально, в нем скрыта тайна творчества. Еще Диотима указала Сократу на прямую связь Эроса плотской любви с божественным творческим Эросом. И о том же – Розанов, иррациональный лик совокупного российского Платона:

"Человек имеет день в себе, в своей организации, в своих выявлениях: ну, торговать, конечно, нужно днем – не просчитаешься; но придумывать рифмы – ночью, иначе ошибешься. На биржу мы спешим утром, но замечательно – в храм идем или ко "всенощной", или к "утрене", т.е. или перед полночью, или сейчас за полночью; в обоих случаях по темным еще улицам и до восхода солнца. Пол – это начинающаяся ночь в самой организации человека: в том смысле, что ясно анатомическое и сухо анатомическое его расчленение теряет здесь ясность, сухость и вместе рациональность свою. Все, приближаясь сюда, становится *трансцендентно*²⁰, т.е. не только окружено это трансцендентными по необъяснимости своей бурями, "огнем поедаящим", но и вообще как-то переливается в значительности своей за край только анатомических терминов. Это – второе темное лицо в человеке, и, собственно, оно есть ноуменальное в нем лицо: от этого – *творческое не по отношению к идеям, но к самым вещам*, "клубящее" из себя "жизнь"; но оно так густо застлано от наших глаз туманом, что в общем никогда его не удавалось рассмотреть."²¹

Но есть еще нечто в человеке, что глубже всех подсознательных глубин, выше всех трансперсональных высот, чего не поможет открыть никакая доза ЛСД. Но это есть.

Сказано в Писании: "Царство Божие – внутри вас".

[*К оглавлению второй части*](#)

18. Космологическая интерпретация. Конец времен. Творение, Грехопадение, Воскресение. Страшный суд. Ад и рай. Богочеловечество.

Прежде всего, стоит рассеять одно напрашивающееся подозрение. Автор и в мыслях не дерзает сообщить нечто новое о "грехопадении", "конце времен" и т.п. высоких материях. Интерпретация здесь, как и выше, будет носить характер простого отождествления слов-терминов естественного языка с ячейками "таблицы", не более. С ячейками, повторяю, отождествляются слова, а не конкретное содержание, которое вкладывает в эти слова автор или кто угодно другой. Ну, а дальше уже вступает в действие сама "таблица", таинственные законы ее внутреннего устройства, которые позволяют соотнести эти слова одновременно со множеством других слов, причем соотнести именно по содержанию. И в процессе такого множественного соотнесения, уточнения, взаимокоррекции и конкретизации каждый может сам

²⁰ Так в оригинале.

²¹ В.В.Розанов. Сочинения в двух томах. Т. 1, стр. 213. М., "Правда", 1990 г.

оценить, что будет происходить с тем индивидуальным содержанием, которое он вкладывает в данное слово.

Конечно, и при такой склейке целостной вещи из мозаичных элементов возможны ошибки. В разгадываемый кроссворд может быть вписано слово, которому в нем вообще не место; или же слово, которое есть, может попасть не в свои клетки. Первый тип ошибки нам не страшен: "таблица" – это такой кроссворд, в котором есть место для любого слова из любого человеческого языка. Второй – вполне возможен. Таким образом, читатель рискует быть введенным в заблуждение тем, что слово "грехопадение" будет отождествлено не с тем элементом "таблицы"; но он не рискует потратить время на авторские потуги содержательно дополнить Льва Шестова по данному вопросу.

Собственно, осталось сказать немного. Поскольку о том, что осталось, сказать что-либо рациональное почти не представляется возможным. То есть можно попытаться сотворить художественный образ, но это будет символическое подражание делу фэерис, образ Вторичного мира, в то время как мы занимаемся всего-навсего познанием Первичного. Можно изречь некое пророчество в стиле "вижу огонь, сошедший с небес и пожравший несогласных", но это только отпугнет часть и без того малочисленных читателей.

Мы давно уже уворачиваемся от вопроса о том, возможно ли в принципе рациональное знание об иррациональном. Для медитации на эту тему предлагается очередной Фрагмент.

ФРАГМЕНТ 10

ИЗ КНИГИ "ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ"

Кредов: А тебя не смущает, что предстоит как-то сочетать боговдохновенные, религиозно-мистические учения русских пророков с марксистской "стальной машиной, где дышит интеграл", с неумолимой поступью общественно-экономических формаций?

Чернышев: Мне уже как-то доводилось отвечать на подобные вопросы на заседании клуба "Гуманус". Многих современных ценителей русской религиозной философии до глубины души возмущает непоследовательность или даже неразборчивость Бердяева, который продолжал до гроба клясться в верности философу Марксу, хотя его самого никак уж не назовешь творцом рациональной системы. К Гегелю с непонятной нам теплотой относились очень многие уважаемые люди из сфер этой самой религиозной философии. Поэтому я стал постепенно думать, как же совместить эти вещи...

Если мы посмотрим на Канта, который все это философское безобразие породил, то выясняется, что он был совершенно нерациональный человек. Он все ходил и удивлялся. Он мог объяснить все что угодно, но он не мог постичь звездное небо над головой и еще этот загадочный нравственный императив, который обнаруживался в каждом человеке. Поэтому он точно был иррационалистом, это всем известно, и не случайно Соловьев в числе прочих с него начинается.

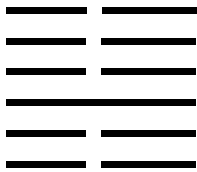
Гегель впервые в современном смысле стал использовать категорию "отчуждение", которую подхватил Маркс. Если мы посмотрим на это самое отчуждение, то выясняется, что перед нами совершенно иррациональная идея. Рационально ее можно выразить только примерно следующим способом. Сначала имеется Всевышний сам по себе, до и вне творения, вне времени и пространства. Что он там делает – можно понять, только читая "Науку логики" Гегеля и "Чтения о Богочеловечестве". Описание того, что творится вне времени и пространства, понятно, рациональным считаться никак не может. Потом Всевышний творит этот падший мир, и этот мир есть сплошь отчуждение. От момента, когда вся Вселенная в результате "Большого взрыва" вылетает из "белой дыры", из квазара, и до самого конца, когда она в предустановленном порядке вытягивается в другую дыру, на сей раз черную, все развитие прекрасно выражается в терминах

позападного нарастания этого самого отчуждения, а затем его преодоления в обратном порядке. Отчуждение от Творца вначале поэтапно нарастает, проходя, как предписывают разнообразные схемы "структурных уровней материи", через молекулярно-генетический, онтогенетический и популяционный уровни. Наконец, возникает популяция австралопитеков, которых озаряет нечто свыше, – объяснить этого наука не может, – и, будучи озарена, эта волосатая компания начинает обратное движение, возвращение к Вседержителю. Весь этот мир Духа, третий гегелевский мир – не что иное как преодоление отчуждения.

Если убрать из схемы Всевышнего, если убрать иррациональные акты творения и отчуждения, если убрать иррациональный момент того, что внезапно на австралопитеках это безобразие прекращается, и начинается раскрутка в обратную сторону, если убрать черную дыру в конце, когда все это буйство плоти втягивается в нее и возвращается обратно, туда, где несть ни печали, ни воздыхания, – тогда остается "рациональная" гипотеза отчуждения. Если запретить задавать вопросы, во-первых, о том, что такое вообще это самое отчуждение, во-вторых – как и почему оно переходит в форму "самоотчуждения", в третьих – чем все это закончится, и в четвертых – почему оно вообще движется, – очевидные вопросы, на которые рациональных ответов нет, то тогда от Гегеля-Маркса и вправду останется рациональная теория...

Когда в этой гениальной рукописи 1844 года мы читаем пассажи относительно того, что при преодолении отчуждения попутно с государством будет уничтожена и религия, мы можем только улыбнуться, потому что К. Маркс просто, до некоторой степени, увлеклся, кое в чем был не очень сведущ по молодости лет, да и просто по-настоящему не думал об этом как о предмете. Если бы он элементарно просчитал свою схему, то увидел бы, что она не имеет никакого отношения к уничтожению религии. Но когда мы начинаем разбираться, что же сделал этот не очень образованный младогегельянец, который уже тогда состоял в крохотной сектантской группировочке, где все люди понимали только сами себя и лишь отчасти друг друга, а в окружающем мире их уже никто не понимал, где состояли мистик Цешковский, который уехал в Польшу и написал свою эсхатологию, и борец с частной собственностью Мозес Гесс, который бросил потом все это дело и основал философский сионизм, – когда мы начинаем с этим разбираться, выясняется, что К. Маркс сотворил нечто совершенно иррациональное. Потому что, желая того или не желая, он попал на эту крохотную кромочку между прошлым и будущим, на самую грань между отчуждением и его снятием, и не понимая, не ощущая всех эсхатологических глубин, и не ставя вопросов, откуда это, почему, зачем, предсказуемо ли это, формализуемо ли это, – он просто нащупал некоторый механизм движения истории, который мог бы быть полезным для понимания того, что на этой самой кромочке происходит.

В каком смысле это может служить предсказанием будущего, ... и может ли вообще работать для предсказания – совершенно другой вопрос.

Действительно, это другой вопрос, не менее важный. Не претендует ли "таблица" на роль универсального предсказания будущего? Не является ли грандиозным детерминистским прогнозом в классическом стиле "Коммунизм неизбежен", заменяющим и отменяющим гадание по "Книге Перемен"?

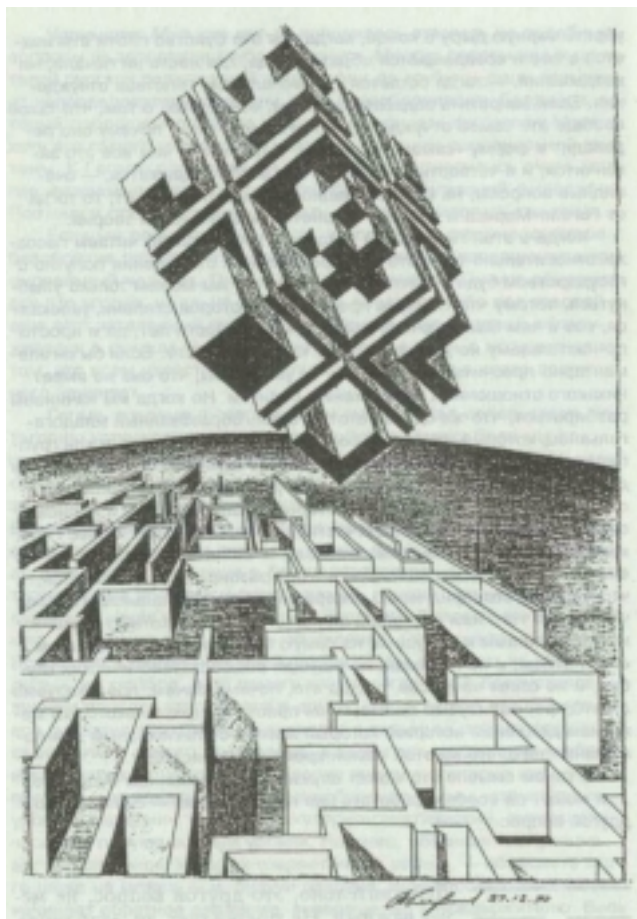
Не претендует. Не является. Однако, данную тему мы оставим на закуску.

Перед тем, как перейти к интерпретации – короткое замечание о рационализуемости иррационального.

Мы занимаемся здесь всевозможными формами бытия, как мыслимыми, так и немыслимыми, – лишь бы они нашли какое-то отражение в языке. И такой клинический глобализм, понятное дело, не может не настораживать.

Но при этом мы совершаем над ними одно-единственное, простое и вполне рациональное действие: классифицируем их. А найти место во всеобщей классификации для некоторой, скажем, формы деятельности – вовсе не значит овладеть ею или рационализировать ее. Ведь пересчитать своих собеседников или мысленно ранжировать по социальному происхождению – еще не означает обрести власть над ними или постичь сокровенные движения души хотя бы одного из них.

Правда, принципов и способов классификации существует превеликое множество. "Таблица" форм, как претендующая на роль средства

универсальной классификации, занимает в этом множестве особое место. Для того чтобы пояснить нашу мысль, следует поискать ответ на необычный вопрос: какое место в "таблице" форм занимает она сама? Ответ на него может составить в свое время предмет другой работы под названием (как нетрудно догадаться) "Смысл смысла".

* * *

Попробуем понять, что имеется в виду, когда говорят об эсхатологическом "Конце времен". Как удалось выяснить, с концом Истории время не останавливается, оно переходит из социальной формы в экзистенциальную, а затем – в трансперсональную. Это утверждение оставалось бы философской абстракцией,

если бы, по счастью, не имело опоры в личностном опыте каждого. Поэтому можно говорить о трех различных формах человеческого времени, из которых собственно со-знанию доступна лишь первая. Социальное время то тянется в мучительно медленном ожидании, то несется вскачь, переполняясь событиями. Время откровения ортогонально историческому опыту, его повседневная проекция равна нулю: из опрокинутого сосуда не пролилось ни капли, откуда Мухаммед успел объехать весь Рай. И, наконец, взгляд из космического времени творца: "Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?"

Однако структура "таблицы" наталкивает на мысль о возможности естественного обобщения представлений о времени. Усматривается три фундаментально различных типа времени: время движения (природное? физическое?), время деятельности (собственно человеческое) и "время" развития – потустороннее, Божественное время.²²

Физическое время ушло в основание нашего личностного опыта, оно не переживается непосредственно. Мы умеем лишь наблюдать и измерять его, фэерис – изменять. Божественное время трансцендентно для человека. Оно едва просвечивает сквозь мутное стекло идеалов "прогресса".

Соответственно, можно говорить о трех особых точках "таблицы" форм, интерпретируемых как конец одного типа "времени" и, соответственно, начало иного.

Точка $\{ * \rightarrow @ \}$ пересечения универсумов форм развития и форм движения интерпретируется как *творение*.

Точка $\{ @ \rightarrow & \}$ пересечения универсумов форм движения и форм деятельности интерпретируется как *грехопадение*.

Точка $\{ & \rightarrow * \}$ пересечения универсумов форм деятельности и форм развития интерпретируется как *воскресение*.

Именно последняя точка имеется в виду под эсхатологическим Концом. Это и конец времени для человека, и конец Человеческого времени вообще.

Представим себе для наглядности "время" как энтропийный поток, изливающийся из будущего в прошлое, из космологической "черной дыры" – в "белую", и текущий вдоль осевой линии форм деятельности и форм движения, линии "нисхождения".

Тогда можно усмотреть три типа взаимоотношений человека со временем:

1. Мы оставили попытки плыть против течения, отдали себя ему во власть. Время замедлилось, а затем и остановилось для нас. Мы движемся вместе с его потоком, к упрощению, распаду высших форм, нас сносит в прошлое, от человеческих времен – к природным. Смерть.

2. Мы вцепились в одну из форм, зависли, встали на якорь в потоке времени. Наш корабль превратился в дебаркадер, временную пристань. Воспроизводство формы деятельности, типа культуры. Жизнь.

3. Мы прошли против потока времени, навстречу ему, до его истока, погрузились в этот волшебный ключ. Бессмертие.

²² Возможно, с этим связана трехмерность времени в известных работах Бартини, где он получил численные значения мировых констант аналитическим путем.

Человек бесконечно бьется о "мутное стекло" объективации, потому что он, как мотылек, летит навстречу божественному свету Благодати. И однажды, в свой черед, поддаются последние бастионы отчуждения. Рушатся перегородки времени и пространства, разделяющие поколения и цивилизации. Творческое, воскрешающее усилие человека встречается с Божественным Воскресением.

Но это не пророчество, не предсказание – лишь возможность. "Таблицу" форм можно представлять себе как грандиозное многоэтажное здание, в котором известное нам человечество пока копошится в нескольких комнатах первых этажей, и чем выше, тем реже встречаются небольшие группы людей и отдельные личности – аскеты и творцы. Восхождение – нисхождение по лестнице форм означает заполнение новых комнат и залов или же их оставление, отступление с уже достигнутой высоты. На этом пути нет пустот, бесформенных, непроходимых провалов. Человечеству дана возможность такого восхождения. Ему дарована свобода выбора. Но не более того.

Когда Николай Федоров пишет об "условности апокалипсических пророчеств", он имеет в виду, что Человечество обязано и способно само совершить подъем к вершине воскрешения/Воскресения. Тем самым (по Федорову) оно выполняет свой долг перед Творцом, и в этом случае Страшный Суд не наступает. Если же на каком-то из этапов возникает срыв в восхождении Человечества – тогда пророчества Апокалипсиса вступают в силу.

Это можно пояснить и по-иному. Человечество, как и отдельный человек, проходит цепочку разновозрастных состояний. Все знают, что существуют качественно различные этапы: младенчество, детство, юность, молодость, расцвет, зрелость, пожилой возраст и старость. Но жизнь каждого отдельного человека может оборваться, порой внезапно, на любой из этих ступенек. Человечество как целое известно нам "в единственном экземпляре". Чему соответствует переживаемый нами исторический период? Фукуяма утверждает, что мы достигли границы благополучной старости. "Таблица" форм подсказывает, что завершается лишь раннее детство. В этом, может быть, и состоит ее главная сегодняшняя роль: из осколков, зародышей, намеков и прозрений, которыми насыщен культурный космос, сложить целостную картину возможных "возрастов" человека и Человечества.

Аналогия нуждается в существенном уточнении. Этапы восхождения (личностного и всечеловеческого) связаны не с биосоциальным возрастом, а с прохождением, овладением соответствующими формами деятельности. Каждый отдельный человек как общественно-природное существо соединяет в себе два разнонаправленных процесса воскрешения / умирания. Теоретически для него мыслима (хотя и трудно представима) возможность в одиночку пройти весь путь, предстоящий Человечеству, овладеть всеми формами деятельности Человека Социального, Дзена и Фэери, и достичь точки воскрешения/Воскресения, пока в его отчужденном природном естестве не догорит бикфордов шнур. Достигнув этой точки, он избежал бы известной нам формы смерти и получил возможность войти в Богочеловечество²³. Однако длины своего бикфордова шнура он не знает.

Но и человечество в целом тоже, по-видимому, не имеет гарантий бессмертия. Хотя в его совокупном опыте отсутствует детальная картина

²³ См. об этом термине ниже.

внезапной и окончательной смерти всей цивилизации, такое вполне представимо. До последнего времени, например, совершенно реальной была гибель от столкновения Земли с крупным астероидом. Многозначительный намек содержит эпидемия СПИДа. Что же тогда? Одну из немногих опор для угадывания ответа дает образный строй Апокалипсиса: пришествие Антихриста, Армагеддон, Страшный Суд, Ад и Рай...

В художественных образах Ада просматривается абстракция дочеловеческой Природы – мрак богооставленности, куда не проникают трансцендентные лучи Божественной благодати:

...Лодейников прислушался: над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву. Жука клевала птица.
Хорек пил мозг из птичьей головы.
И страхом перекошенные лица
Ночных существ глядели из травы.
Природы вековая давящая
Соединяла смерть и бытие
В один клубок. Но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.

Но "таблица" форм содержит странные намеки относительно непостижимого мира дочеловеческой природы, закрытого от нас Грехопадением.

Что означает универсум форм $K\{*\}F\{@\}$, лежащих "под" универсумом форм движения? Формы Божественного развития как бы уходят в основание, становятся имманентны Природе, подобно тому (осторожнее с подобными "подобиями") как Природа имманентна универсуму Человека...

Природа до человека – пантеистический рай. Бог имманентен дочеловеческой природе. Он разлит в ней, как Чапековский Абсолют.

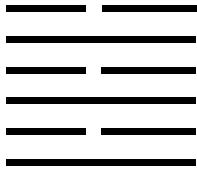
И, однако, природа для человека – ад. Все твари изгнаны из рая вместе с человеком. Человек для природы – мучитель, первопричина отпадения от Бога. И в нем же – надежда на возврат.

А как можно интерпретировать универсум форм $K\{&\}F\{*\}$ – форм деятельности, ушедших в основание Божественного развития? Мир человека, имманентный миру гегелевского Бога? Одним из главных узлов дискуссии в русской философии "серебряного века" была идея Богочеловечества. Как и всякая новая философская идея, она, естественно, критикуема путем указания на ее внутреннюю противоречивость или возможность редукции к другим известным идеям. Но "таблица" подсказывает, что соответствующий универсум форм, подлежащих заполнению, существует, не сводим к иным и ждет своей интерпретации.

Начав с интерпретаций, мы постепенно соскользнули на аналогии и теперь скатились к догадкам. Случайному читателю они не помогут, а Подлинный – в них не нуждается.

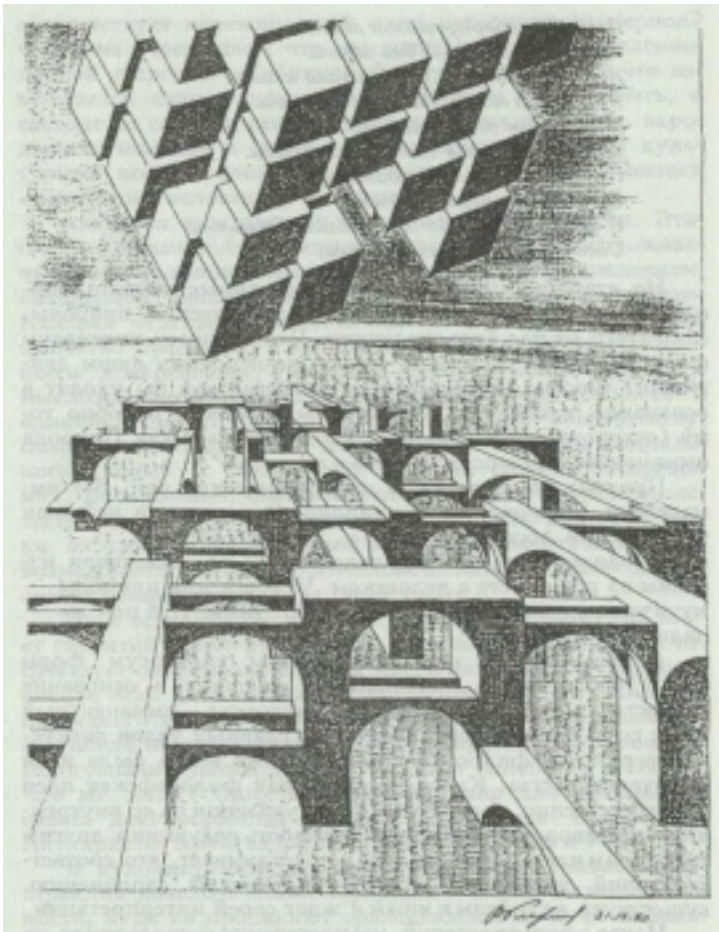
[К оглавлению второй части](#)

19. Интерпретация трансцендентных и номинальных символов базовой "таблицы" форм. Закон и схема. Теория и идея. Теоретико-системный универсум. Интерпретация некоторых системных классов. Идеалистический универсум. Генетический (преформистский) универсум. Об интерпретации многомерных символов "таблицы" форм.

В начальных главах содержалось утверждение, что всю эту работу можно интерпретировать как конкретизацию представлений об общей теории систем. Однако нигде в тексте системы более не упоминались. Теперь, наконец-то, очередь дошла и до них. Но, как говорят в Зазеркалье, лучше никогда, чем так поздно.

Из житейского опыта многим знаком психологический феномен: если вы попросите собеседника нарисовать дорогу к нему домой, то у большинства рисующих независимо от размеров листа "дорога" неудержимо сползает к краю, рисунок все более сплющивается, а собственно "дом" часто не умещается совсем. Вот и в данной работе акцент по необходимости был сделан на "дорогу", и анализ устройства "дома" приходится вынести за ее рамки. Все же исходные, самые грубые представления стоит ввести.

Вспомним, что девять символов базовой "таблицы" форм естественным образом распадаются на три группы: диагональные (будем говорить сокращенно о *d-символах*), реально-имманентные (*ri-символы*) и номинально-трансцендентные (*nt-символы*). Большая часть этой работы посвящена интерпретации *d-символов*. Из *ri-символов* интерпретацию получил только $K\{ @ \}_i F\{ & \}_i$ – универсум форм человеческой природы, форм опредмечивания и самоотчуждения человеческой

деятельности в природном материале. Об интерпретации остальных двух были высказаны догадки. Что касается трех nt-символов, то они вообще были обойдены молчанием. Ниже делается попытка восполнить этот пробел.

Универсум $K\{\&\}^n F\{@\}^t$, взятый в отношении к диагональной форме @, интерпретируется как *универсум законов движения*, а взятый в отношении к диагональной форме & – как *универсум схем деятельности*.

Здесь может быть полезен краткий комментарий. Общая идея данной интерпретации примерно такова:

А Д
В О

Пусть В и Д – это d-символы, О – ġ-символ и А – nt-символ. Тогда А выступает как "господствующая абстракция" (закон) по отношению к В и как абстрактная схема по отношению к Д. В частности, если В есть "вещь", а Д есть "деятельность", обращенная на эту вещь, и О есть "опредмечивание" этой деятельности в этой вещи, то А выступает поочередно то как "схема деятельности", то как "закон вещи". Здесь проступают знакомые контуры "идеального" по Ильенкову.

Итак, универсум $K\{\&\}^n F\{@\}^t$ в целом интерпретируется как *универсум математических систем*¹.

Математические системы трансцендентны по отношению к природе и номинальны по отношению к человеческой деятельности.

Можно высказать неформальные соображения по поводу интерпретации некоторых классов математических систем. Речь пойдет о трех формах первого порядка, принадлежащих обратной диагонали универсума математических систем: $K\{\&_3\}F\{@_1\}$, $K\{\&_2\}F\{@_2\}$ и $K\{\&_1\}F\{@_3\}$.

Системные классы $K\{\&_3\}F\{@_1\}$ выступают как законы по отношению к молекулярно-генетическому уровню форм движения и одновременно – как схемы трансперсонального уровня форм деятельности. Отсюда понятно то глубоко неслучайное обстоятельство, что многие попытки формализации в трансперсональной психологии (например, в работах Налимова) приводят, по сути дела, к конструкциям, аналогичным аппарату квантовой механики. Из наиболее известных теоретико-системных конструкций сюда относятся самовоспроизводящиеся, а также самоорганизующиеся и вообще большинство т. наз. абстрактных систем.

Системные классы $K\{\&_2\}F\{@_2\}$ выступают как законы по отношению к онтогенетическому уровню форм движения и одновременно – как схемы экзистенциального уровня форм деятельности. Из-за гораздо меньшей развитости как предметной, так и прикладной сфер (что отмечено и у Тимофеева-Ресовского) эти системные классы разработаны гораздо меньше. Сюда относится в первую очередь класс т. наз. открытых систем. Автор не является математиком и заранее приносит извинения профессионалам, но его преследует интуитивное ощущение, что прямое отношение к этим системным классам имеет теория категорий и функторов.

¹ Здесь сознательно говорится о теории систем в узком смысле, или о математической теории систем, поскольку под "общей теорией систем" принято подразумевать все на свете.

Системные классы $K\{\&_1\}F\{@_3\}$ выступают как законы по отношению к популяционному уровню форм движения и одновременно – как схемы социального уровня форм деятельности. Уже из этого обстоятельства, а также из того, что соответствующая категория $K\{\&_1\}$ является наиболее абстрактной из трех, ясно, что речь здесь идет о теоретико-множественных системных моделях. Однако соответствующая предметная сфера пока не развита (в этом качестве должны выступать математическая теория эволюции, популяционная генетика и т.п.). Поэтому в настоящее время делаются попытки редукционистского заимствования для прикладных целей (в качестве экономико-математических моделей, моделей социодинамики и т.п.) различных конструкций "динамических систем". Они разработаны в прикладных дисциплинах, имеющих дело вместо популяций со множествами более элементарных "частиц" – в статистической физике, гидро- или газовой динамике.

Здесь автора так и подмывает пуститься в сомнительные аналогии между трехслойным универсумом математических конструкций и гегелевской Логикой; это верный признак, что пора переходить к заключительным замечаниям по данному предмету.

Важное обстоятельство: системные классы задают предметные схемы деятельности, но они не описывают деятельность как таковую! И прежде всего – потому, что в них в принципе не улавливается ее идеальное, трансцендентное измерение, то есть универсум $K\{*\}^nF\{\&\}^t$.

В чем же роковое различие между "теориями" и "идеалами"? Вернемся снова к схеме из четырех букв и добавим в нее пятую – еще один nt-символ, на этот раз И.

	И
А	Д
В	О

Затем рассмотрим эту схему в увеличительное стекло:

			I_{31}	I_{32}	I_{33}
			I_{21}	I_{22}	I_{23}
			I_{11}	I_{12}	I_{13}
A_{31}	A_{32}	A_{33}	D_{31}	D_{32}	$\&_{33}$
A_{21}	A_{22}	A_{23}	D_{21}	$\&_{22}$	D_{23}
A_{11}	A_{12}	A_{13}	$\&_{11}$	D_{12}	D_{13}
B_{31}	B_{32}	$@_{33}$	O_{31}	O_{32}	O_{33}
B_{21}	$@_{22}$	B_{23}	O_{21}	O_{22}	O_{23}

@₁₁   B₁₂   B₁₃   O₁₁   O₁₂   O₁₃

Ответ наш – за неимением времени и места – будет иметь предварительный, а потому приблизительный характер. Сравним между собой отношение формы деятельности $\&_{22}$ к "теории" A_{22} – с одной стороны, и к "идеалу" I_{22} – с другой. Рассмотрим динамику форм в составе категории (т.е. попросту – горизонтальной строки) $K\{\&_{22}\}$. Форма A_{22} данной категории выступает как *закон* формы движения $@_{22}$ и как *схема* формы деятельности $\&_{22}$; форма D_{21} – как *господствующая абстракция* по отношению к форме деятельности $\&_{11}$; и наконец, форма $\&_{22}$ данной категории сама уже является *формой деятельности*. То есть теоретическая конструкция A_{22} как бы имеет свой практический критерий адекватности в форме деятельности $\&_{22}$. А дальше категория переходит в свою форму D_{23} – это та же форма деятельности $\&_{22}$, но как бы ушедшая в основание, превращенная в предмет "практической рефлексии" восходящей формой $\&_{23}$. D_{23} – уже не номинальная, а реальная форма категории, предметно воплощенная, овеществленная схема формы деятельности, из которой шаг за шагом уходит воплотивший ее человек.

Что же касается формы I_{22} , принадлежащей к категории $K\{*\}_{22}$, то переход этой категории из номинальной формы в реальную (при пересечении с главной диагональю чистых форм в клетке $*_{22}$) находится за пределами универсума человеческой деятельности, и говорить о каких-либо "критериях адекватности" здесь не приходится. Форма I_{22} сама выступает как некий трансцендентный "закон" по отношению к форме деятельности $\&_{22}$, но не может быть в принципе превращена в предмет ни этой формы деятельности, ни какой-либо иной.

Так что среди классов математических систем нет и не может быть "действующих систем" или "систем, стремящихся к идеалу". Не говоря уж о "развивающихся" (о чем речь пойдет чуть ниже). Это – большие мифы системной мифологии.

Автору этих роковых строк вовсе не хочется прослыть ретроградом, получить поношенный ярлык "сомневающегося во всемогуществе разума", в тысячу первый раз обсуждать с энтузиастами "парадокс лжеца" и т.п. В конце концов, ведь говорю же я обо всех этих "материях" (и если бы только) на нормальном человеческом языке, и при этом надеюсь на понимание – пусть даже не здесь и не сейчас! Стихотворение "Сократ" написано на русском языке и является таким же несомненным фактом культуры, как закон Бойля-Мариотта, таблица Менделеева или сорт пшеницы "Безостая - 1":

*Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту...*

Но никому не приходит в голову выяснять, какой это "системный класс". Дело не в запретности таких вопросов, а в глупости. Нет сомнений в том, что

нельзя лететь быстрее скорости света. Как и нет сомнений в способности фэерис свободно попадать в любую точку пространства Первичного Мира в любое время.

Но мы уже заглянули краем глаза в запретный идеалистический универсум, платоновский мир высших эйдосов. Попытаемся представить, как могла бы выглядеть его интерпретация.

Универсум $K\{*\}^n F\{\&\}^t$, взятый в отношении к диагональной форме $\&$, интерпретируется как *универсум законов деятельности*, а взятый в отношении к диагональной форме $*$ – как *универсум схем развития*.

Взаимодействие человека с этими законами, выступающими в формах Истины, Блага и Прекрасного, принимает формы философии, религии и художественного творчества. Однако (очередное вызывающее заявление) указанные три формы не являются формами деятельности. Чтобы объяснить, чем же они являются, потребовалось бы прибегнуть к многомерным проекциям "таблицы" форм (см. ниже).

Что же это за "законы деятельности", которые нельзя формализовать? И разве философ не занимается познавательной деятельностью, имеющей своим предметом Истину?

Пусть эти вопросы останутся в качестве упражнения для наиболее стойких читателей. Может быть, к моменту выхода книги в свет будут восстановлены кафедры марксизма-ленинизма. Автор предвкушает индивидуальный ярлык и сеансы с разоблачением.

Буквально несколько слов о последнем, девятом универсуме базовой "таблицы" форм. Он далек, бесконечно далек от сферы нашего опыта. И что не скажи – сегодня будет темно и невнятно, а завтра – смешно до упаду. Как какой-нибудь, прости Господи, "животный магнетизм" у Гегеля в "Философии природы", которую уже хотя бы из-за этого, согласимся, глупо и открывать. Но вслепую, на ощупь, по ариадниной нити "таблицы":

Универсум $K\{@\}^n F\{*\}^t$, взятый в отношении к диагональной форме $*$, интерпретируется как *универсум законов развития*, а взятый в отношении к диагональной форме $@$ – как *универсум схем движения*.

Как формы этого универсума проявляют себя в мире форм Развития – предоставим судить непредубежденным богословам. Не удивлюсь, если для них ответ очевиден. А в природе эти схемы, похоже, проявляют себя как генетический код. Не случайно в гегелевской природе нет развития – уж как его за это ругали наши стихийные диалектики! Есть сосуществующие формы движения, а их эволюционное восхождение как бы генетически предзложено. По имени

известной концепции универсум $K\{@\}^n F\{*\}^t$ можно было бы назвать "преформистским" (или просто "генетическим").

И – неужели наконец – конец?

Одно лишь частное замечание напоследок.

В двумерной проекции "таблицы" форм (с которой мы единственно и имели дело) нет места для таких интерпретаций, как "развитие человечества" или "эволюция материи", "преобразование природы человеком"... Для работы с подобными представлениями требуется переходить уже к четырехмерным проекциям "таблицы". Клетки "природа" - "теория" - "деятельность" - "опредмечивание" представляют собой разные стороны одной из наиболее важных (в прикладном отношении) четырехмерных проекций "таблицы". Аналогично обстоит дело с квадратом из четырех форм в изложении основ теории модернизации. Многие из интерпретаций двумерной "таблицы" даются с таким трудом именно потому, что человеческий опыт, обладающий для нас непосредственной очевидностью, принципиально многомерен, и его проецирование на умозрительные плоскости перенапрягает нашу способность к абстрагированию.

Все это косноязычное многословие означает, читатель, что покуда вместо подлинного "Смысла" тебе преподнесли не более чем несколько плоских суждений о нем.

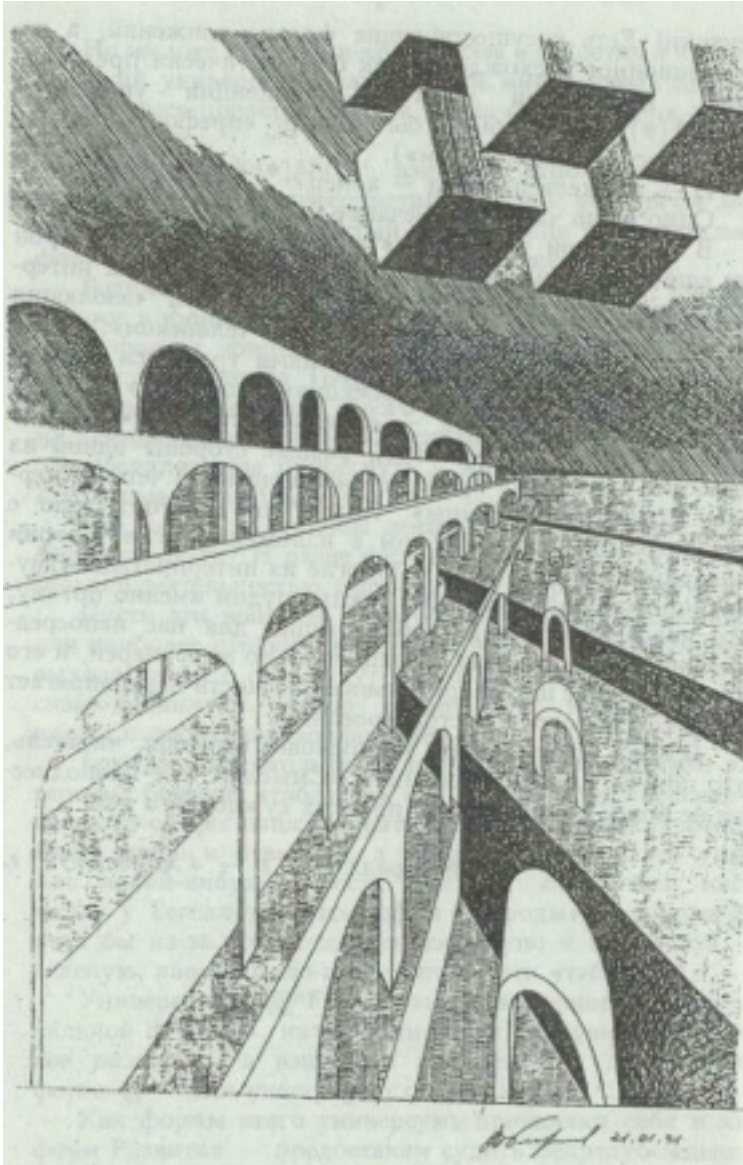
28 апреля 1992 г. – 4 марта 1993 г.

[К оглавлению второй части](#)

Не успевая ни задуматься, ни оглядеться, пересекаем мы рубеж, за которым -- неудержимое соскальзывание в нечто, фатальное в своей неизвестности.

Всем великим переломам в жизни народов предшествовали периоды глубинной работы духа. До французской революции была французская энциклопедия. Троичную русскую трагедию начала века напроорочили три незабвенных поколения ее идейных творцов.

Нынешний перелом надвигается в стране, которая являет собою духовную и интеллектуальную пустыню.

Казалось бы, во время, названное судьбоносным, сама музыка социальных сфер должна настраивать на эпический лад. Привычно верить, что потрясения и перевороты социального бытия непременно сопровождаются откровениями, бурями и щедротами творящей души. Неужели же это не более чем миф? Откуда эта кричащая несоразмерность между тектоническим разломом времен, когда дело идет о жизни и смерти Отечества, -- и рыночной перебранкой посетивших сей мир в его минуты роковые?

Кто мы, откуда, куда идем? Будет ли жив недоношенный плод истерзанного лона России?

Нет ответа. Культура безмолвствует, тая в самой сердцевине какое-то проклятье роковое, парализующий ее

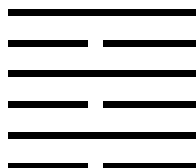
скрытый надлом.

Ночное море все в кровавых отсветах глубоких зарниц, исчерчено тяжкими двойными змеями горизонтальных молний... Но вместо громовых раскатов -- всезаглушающее суетливое хлюпанье зыби, что с безнадежным опозданием несет издали отголоски отшумевших бурь и штормов.

Рассказывают, что один чудаковатый из патристических побуждений преподнес революционному Конвенту превосходно выполненный макет центра Парижа. Работа стоила ему долгих дней и ночей кропотливого труда. Еще несколько месяцев спустя бессонный Конвент в разделе "Разное" добрался и до вопроса "О даре гражданина имярек". Рассмотрев его в установленном порядке, Конвент постановил: дарителя -- выпороть, ибо в момент, когда республика в опасности, он тратит свое и чужое время на безделушки. Предметно и сурово, как-то не по-французски, почти по Петру...

Всех их ждала гильотина. Всмотревшись в макет, можно было увидеть Гревскую площадь, разглядеть те позиции, на которых молодой генерал Буонапарте в свой звездный час расставит пушки для стрельбы по роялистам, отыскать улицы, по которым двадцать лет спустя пройдут русские казаки.

Собственно, речь о смысле жизни, о судьбе и о сочетании того и другого.

[К оглавлению второй части](#)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Из стенограммы выступления на семинаре по теории систем июнь 1979 г.²

...Чернышев: В этом резюме я хотел бы коснуться вопроса о двойственности подхода, предлагаемого Боулдингом к общей теории систем (ОТС). Двойственность проявляется в том, как формулируется цель. Два варианта цели.

1-й вариант: Существуют абстрактные теории, которые возможно делать путем "отвлечения" содержания от двух и более предметов. Это очень слабое предположение; видимо, оно верно. Хотя из этого он указывает такую цель: создание моделей, которые можно применять в двух по крайней мере различных предметных назначениях.

2-й вариант: Более сильное утверждение заключается в том, что существует иерархия (или, по его аналогии, "периодическая таблица") теоретических конструкций, упорядоченная отношением сложности.

Тогда, если это предположение верно, он считает целью создания ТС построение такой периодической таблицы, чтобы по ней можно было упорядочивать системы, находить пустые места, не заполненные конструкциями, и заполнять эти места³.

---

² Расшифровка магнитофонной записи сделана З.Кучкаровым.

В соответствие с изложенными двумя его целями, он предлагает два возможных подхода к созданию ОТС.

1-й подход: это извлечение общих явлений, зафиксированных в различных дисциплинах, то есть в различных предметных теориях, и построение единой теории, которая рассматривает эти явления. Грубая экспликация – это теория, которая рассматривает термы разных теорий, между которыми установлено нечто общее. На установление такого общего и направлена в этом варианте ОТС.

В другом варианте, который рассматривается как дополнительный, ТС строится как упорядочение отношением сложности или, быть может, несколькими отношениями сложности, теоретических конструкций. Начиная с некоторого этапа теоретических конструкций уже нет, и дальше Боулдинг начинает сопоставлять уровням соответствующие предметные области.

Мое отношение к этому заключается в том, что это не есть два дополнительных подхода, а это, по-видимому, две стороны одного и того же.

Рис.1 (...) ... Уровни конструкций...⁴

Основным понятием на первом уровне (системообразующим) является, предположим, понятие "структуры". И это понятие на всех последующих уровнях себя проявляет. Чтобы это выразить, я буду рисовать такие "параболки". Каждой такой параболке соответствует некоторый "концептуальный" объект, некоторая сущность.

Назовем условно эту сущность "категорией". Это некая сущность, которая появляется как понятие, как терм теории на определенном уровне иерархии системных классов. Если где-то мы можем констатировать, что появился "рост", то далее нечто подобное росту, называемое ростом мы наблюдаем на всех последующих уровнях иерархии, во всех системах более высокого порядка сложности. Но ниже – не наблюдаем. На втором уровне, скажем, такой идеей является "процесс" (или изменение, или причина-следствие). На первом уровне ничего похожего на "процесс" не обнаруживается, но выше на всех уровнях (открытая, целенаправленная система) эта сущность себя проявляет; и поэтому совокупность всех проявлений того, что Боулдинг рассматривал как предмет ТС при первом подходе, я условно называю категорией.

Вот здесь появляется "описание" – на третьем уровне. И далее мы обнаруживаем проявление "описания" на всех уровнях. Это описание, которое служит для самовоспроизведения (гены), это образ (у Боулдинга появляется на уровне особей) и т.д. Но это совершенно разные сущности, хотя мы обнаруживаем между ними общее. При первом подходе Боулдинг собирается иметь дело с такими вещами. Примеры мы разбирали в прошлый раз.

Я не хотел бы сейчас разбирать конкретные уровни иерархии систем у Боулдинга, потому что это, мне кажется, наиболее уязвимая сторона его работы...

...У него проскальзывает интересная мысль о том, что "самовоспроизведение" по уровню сложности ниже, чем "открытость"...

Главный мой вывод, главное позитивное извлечение из Боулдинга – представление о соотношении двух подходов в ТС как о двух аспектах одного и того же; для этого предлагается введение представления о так называемых "категориях", которые проявляют себя как понятия в различных системных классах. Они появляются, начиная с некоторого уровня, и далее на всех более высоких уровнях иерархии сложности они есть, проявляются. Но интерпретируются они в каждом системном классе различно, то есть они изменяются, можно говорить об их развитии. Вот все, что я хотел сказать.

---

³ В статье Боулдинга, в частности, говорится: "...Можно надеяться разработать нечто подобное "спектру" теорий – систему систем, которая может выполнять функцию "целостного образа" (Gestalt'a) при создании теорий. Подобные "целостные образы" имеют важное значение в специальных науках, направляя исследования на заполнение пробелов, фиксируемых в этих образах. Так, периодическая система элементов в химии в течение многих десятилетий направляла исследования по пути открытия неизвестных элементов, чтобы заполнить пробелы в таблице, пока таблица не была заполнена. Аналогичным образом и "система систем" может оказаться важной для привлечения внимания теоретиков к пробелам в теоретических моделях, а иногда даже и для указания методов, с помощью которых эти пробелы можно заполнить." (стр. 107-108)

⁴ Рисунки не сохранились.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Из стенограммы выступления на семинаре по теории систем
22 ноября 1979 г.**

...Чернышев: Я буду говорить значительно более жестко, поэтому значительно более жестко ошибаться по форме. Я буду формулировать "конструкторскую позицию" в виде серии утверждений, первое из которых тривиально и является некоторым обобщением позиции Месаровича. Месарович утверждает, что система – это некоторое подмножество, т.е. ограничение. Я утверждаю, что всякая система дана нам как ограничение некоторого разнообразия. В частности, это может быть подмножество некоторого множества.

Последующее утверждение таково: тип этого разнообразия специфичен для системного класса. Т.е. каждый системный класс – это ограничение разнообразия одного определенного типа. Если, к примеру, это ограничение разнообразия типа множества, значит, ему соответствует только один системный класс. И у нас нет никакой надежды, ограничивая это же самое множество, как-то получить другие системные классы.

Третье утверждение. Существует иерархия типов разнообразия. Эти типы разнообразия иерархизированы отношением типа вложения или разными типами вложения. Эта иерархия типов разнообразия и лежит в основе иерархии классов систем, которая нашему взору представляется.

Иерархия классов систем – это следствие нашей конструктивной деятельности, как говорит Виктор Федорович⁵. Я это несколько уточняю и говорю так. Наша конструкторская деятельность заключается в том, что мы конструируем типы разнообразий. А наша деятельность по "отпечатке эйдосов" на этих типах разнообразия заключается в том, что для каждого эйдоса мы используем в качестве материала, в котором мы его эксплицируем, свой тип разнообразия. И вот эти-то типы и упорядочены отношениями вложения. Именно из-за них эта иерархичность проистекает.

Конструктивная деятельность заключается в следующем. Понятно, что если мы делаем из одного и того же материала разные типы разнообразия, мы вынуждены, для получения каждого нового типа, делать с предшествующим что-то качественно новое. Соединять элементы по-новому. А если говорить более точно, то это можно выразить так. Тип разнообразия, полученный на предыдущем шаге, становится элементом и прибавляется как элемент к тем элементам, из которых он сам состоит. Это вложение. Мы построили некий тип разнообразия, и он для нас стал еще одним кирпичом. Поэтому иерархичность проистекает из однотипности первоэлементов, из которых мы вынуждены строить разнотипные классы разнообразия. Это некая экспликация в других терминах конструкторской позиции Виктора Федоровича.

Можно было бы обсуждать вопрос, иерархичны ли сами платоновские эйдосы, – если этот вопрос вообще имеет смысл, – то есть запредельные идеи, созданные демиургом. В целом этот вопрос я сейчас обойду, как неважный для конструкторской позиции и провоцирующий на спекуляции в духе "прилавочной философии", как выражается Спартак Петрович⁶. А на самом деле вопрос надлежит обсудить серьезно, но, возможно, во втором "концентре" нашего семинара.

В частности, именно в этом вопросе заключен смысл коллизии между Боулдингом и Акофом. Акоф считает, что вообще никакой иерархии классов систем нет, они равноправны. Они образуют некую сеть, каждый элемент которой можно взять за узел и получить из него все остальные. В этом смысле у него полный релятивизм. Мы берем любой класс из середины иерархии, делаем его основанием и строим все остальные на этой основе. Позиция Боулдинга заключается в том, что иерархия классов абсолютна. По-видимому, за этим стоит представление о том, что эйдосы иерархичны. Но это все предмет для следующего концентра нашей работы.

Будем считать, что в целом я этот вопрос обошел. Будут только некоторые наводящие соображения. Во всяком случае, есть соображение, что иерархия не абсолютна. Истина не на одном полюсе находится. Трудно согласиться с позицией Акофа и Эмери, что можно как угодно эту иерархию перешерстить: была, например, последовательность уровней один-два-три, а стала два-один-три или три-один-два. Нет, эта позиция очень уязвима. Но то, что их можно перевернуть, и вместо один-два-три... -десять, станет десять-девять- ... -два-один, – по-видимому, это менее уязвимое утверждение.

⁵ Криворотов

⁶ Никаноров

Дальше. Есть такое соображение. Имеется центр нашего опыта, – скажем, некоторой части европейской культуры, которая откровенно тяготеет к динамической системе, ко второму уровню иерархии Боулдинга. Поэтому из этого субъективного центра нам трудно двигаться по иерархии не только вверх, – вниз тоже трудно. То есть к области систем более абстрактных, первого уровня по отношению к динамическим системам. Казалось бы, они должны быть проще, раньше сделаны и т.д. На самом деле мы видим, что двигаться вниз, к абстрактным классам нам не менее трудно, чем двигаться вверх, к системам, содержащим описания. Это тоже наводит на соображения, что имеется некоторая относительность в иерархии систем.

Это обстоятельство в терминах, которыми пользовался Виктор Федорович, можно выразить так. Эйдос "динамической системы" нам дан как непосредственно воспринимаемая, неделимая сущность. Мы отталкиваемся именно от него. Для того чтобы получить эйдос абстрактной статической системы, нам приходится уже напрягаться. Чтобы идти вверх, нам тоже приходится напрягаться, конструировать аналоги остальных эйдосов. Они нам не даны. Демиург позаботился только о том, чтобы мы один эйдос воспринимали непосредственно, а остальные мы вынуждены строить – и вверх, и вниз.

Я все время пытаюсь разделить материал первого концентратора в виде жестких утверждений, которых пока было три, и материал второго концентратора в виде наводящих соображений. Но на самом деле двигаться дальше иначе и нельзя. Надо иметь два слоя. Иначе мы будем в плоскости.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Криворотов В.Ф., Чернышев С.Б.

ПРОБЛЕМА СИММЕТРИИ ПОНЯТИЙ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ⁷

Существование симметричных структур в мире понятий, где, в отличие от мира физического, ученый лишен преимуществ непосредственного наблюдения, вызывает значительно больше вопросов и сомнений, чем в областях, менее связанных с человеческой субъективностью. Однако, даже в условиях, когда искажающее воздействие позиций, точек зрения и т.п. считается, по тем или иным причинам, устранимым, установление факта симметрии значительно осложняется тем, что понятия предварительно должны быть, по меньшей мере, достаточно хорошо разделены по объему или определены с той или иной степенью точности. В связи с этим, развитые формы симметрии понятий удастся наблюдать в полной мере разве что в математике (дуальные операторы, симметрические пространства, симметричные оси и т.п.)

Исходя из сказанного понятно, что ситуация существенно осложняется в сфере наук о человеке. Обнаружение нетривиальных, а иногда и достаточно простых симметрий понятий требует, по большей части, создания развитых предметных теорий, связанных в этой области с известным априоризмом и трудностями непосредственной проверки. (Леви-Стросс, Тойнби, Маркс и др.) В результате известные формы симметричных понятий в большей степени являются результатом наблюдений, чем теоретических представлений (своеобразная антисимметрия берзаботицы и инфляции в классической теории Кейнса в варианте Хикса).

Между тем структуры симметрии понятий были чрезвычайно развиты в классической германской философии. Одновременно, однако, для великих систем классического идеализма весьма характерно замыкание в себе, огромный отрыв от интерпретации, не говоря уже о том, что к ним ни в каких вариантах не применимы распространенные критерии научности понятий в стиле К. Поппера и др. С другой стороны, для существующего, достаточно высокого по сравнению с прошлым общего уровня научной логики, весьма привлекательными являются достигнутые в известных моделях философской логики возможности выводимости понятий, логической связности, своеобразной строгости суждений и умозаключений.

На наш взгляд, возможность обнаружения достаточно сложных структур симметрии напрямую связана с конструктивной природой понятий, т.е. с тем, что более сложные понятия строятся на основе более простых, "базовых", поставленных в определенные отношения.

⁷ Работа была доложена Криворотовым на Международной конференции по проблемам симметрии в Будапеште в 1989 году, но по техническим причинам не опубликована.

В связи с введенным, таким образом, "вертикальным" отношением "быть в основании", понятийная структура, очевидно, приобретает уровни – по мере удаленности от основания. Вместе с тем, можно говорить и об отношениях горизонтальных. Понятия одного и того же уровня могут быть более или менее развиты (отношение "следовать за") – раскрыты, детализированы, поставлены в новые отношения.

Понятия могут находиться, очевидно, одновременно в вертикальном и горизонтальном – своеобразном "диагональном" – отношении. А именно, **А** связано диагонально с **С** если за **А** следует некоторое **В**, лежащее в основании **С**. Нетрудно видеть, что упомянутые три отношения дают для выражения понятийных конструкций двумерную структуру с диагональю (см. таблицу)⁸.

Наконец, можно говорить о доминирующих уровнях понятийной структуры. Отношение доминирования связано с представлениями об абстрактности и конкретности (предметности) понятий. Процесс конкретизации, формирования предмета для данного абстрактного понятия может идти в двух противоположных направлениях, обнаруживающих явные черты сложной симметрии. А именно, от основания и от вершины понятийной структуры.

В первом случае формирование предмета для понятия некоторого уровня осуществляется снизу вверх – на базе предметно определенных нижележащих уровней. Процесс такого типа можно назвать "сборкой", поскольку понятие в этом случае предметно определяется, "собирается" по частям – "от фундамента до крыши".

Во втором случае процесс идет в обратном направлении – сверху вниз. "Верхушка", имея непосредственную предметную интерпретацию, служит управляющим, объемлющим "каркасом", выступающим как ограничение в процессе формирования предмета для нижележащей абстрактной понятийной структуры, постепенно конкретизируя и уточняя детали. Понятно, что первый процесс идет от единичных ко все более общим понятиям. Второй наоборот, строит понятийную структуру методом "высекания"⁹ из общего.

Симметрично идущие в понятийной структуре процессы формирования предмета (опредмечивания) могут быть зафиксированы и соотнесены по граничному уровню конкретности – снизу вверх и сверху вниз. Можно показать, что этот уровень является доминирующим – определяющим понятийную структуру по вертикали в том или ином смысле. В первом случае – "сборки" – он доминирует в том смысле, что самое верхнее понятие включает в себя свою базу, определяя, как целое, всю систему ее взаимосвязей. Во втором – "высекания" – граничный, самый нижний слой "каркаса", фиксируя максимальную степень конкретизации, жестко определяет, тем самым, предметное содержание уровней вышележащих.

Доминирующий уровень господствует как над верхними, так и над нижними слоями по вертикали в разном отношении. Над абстракциями – в смысле существующего их предметного содержания – в первом случае как понятийная база, во втором – как "каркас". Над конкретными уровнями, в соответствии с симметрией процессов – наоборот – соответственно, как связующее целое или ограничивающее базовое содержание.

Контекст, который определяет симметрию процессов формирования предмета, идущих в разных слоях понятийной структуры, задается членением ее по вертикали на три группы уровней, фиксирующих определенные представления о роли "вертикали" в процессе построения "целого" понятия из его "частей".

Речь идет, прежде всего, о выделении группы уровней, формирующих то, что можно назвать субстратом понятия – совокупность базовых элементов понятийной структуры в их естественных связях – т.е. вне той совокупности отношений, будучи поставленные в которую, они формируют данное понятие. В различных системах философской логики субстратным уровням, в данном их понимании, в той или иной степени отвечает представление об абсолютном основании. В науках о человеке таким основанием или субстратом довольно часто признается понятие деятельности. Вторую группу уровней, вышележащих по отношению к субстрату, формирует совокупность базовых отношений, соединяющих базовые элементы в целое. В этом – втором – представлении, понятие выступает уже не как достаточно неопределенный "субстрат", а в виде конкретной системы отношений, отвечая в той или иной степени представлениям о системе в различных вариантах теории систем. В философской логике этой группе уровней можно сопоставить представление об определенном основании, связанном с общей, принципиальной структурой понятия. В системе наук

⁸ Таблица не сохранилась (С.Ч.).

⁹ Термин введен С.П.Никаноровым (С.Ч.).

о человеке, по крайней мере, в марксистской традиции, связующим звеном, несущим в себе определенную систему отношений, соединяющую в целое отдельные элементы деятельности, достаточно часто выступает личность, субъективный момент деятельности.

Наконец, третью группу уровней формирует совокупность реальных, предметных форм, в рамках которых понятие может рассматриваться как действительное, конкретное, а не абстрактное. С точки зрения первых двух уровней – это предметные формы, в которых система отношений, связанная с данным понятием, реально существует и воспроизводится. Что касается понятий, связанных с науками о человеке, то предметные формы, в рамках которых существует и воспроизводится деятельность (и личность), в марксистской традиции связывается с практикой.

Таким образом, три группы уровней, составляющих структуру понятия, можно соотнести с его существованием в формах субстрата, системы (отношений) и предмета. Нетрудно видеть, что основная структура понятия, представленная в этих терминах, образует тройственную симметрию, аналогичную алгебраическим представлениям о соотношениях элемента, дополнения этого элемента к целому или единице (род антисимметрии), двух последних к целому, симметризирующему их в отношении "совокупность частей – целое".

Для построения конкретных визуальных представлений двумерной структуры понятий в науках о человеке (см. табл.) отметим, прежде всего, что трехзвенное членение уровней приводит к бесконечной делимости – возрастающему числу уровней, каждый из которых, в свою очередь, может быть разделен на тройки. Вероятно, однако, каждое последовательное членение, соблюдая исходную тройственную симметрию, реализует ее в последовательности различающихся форм. Первое членение уровней понятийной системы наук о человеке в отношении "субстрат-система-предмет" дает уровни "деятельность-личность-практика" как внешне независимые и автономные. Личность существует как бы независимо от деятельности – в человеке – и может не иметь непосредственного отношения к общественной практике. Поэтому процессы опредмечивания – появления новых эволюционных предметных уровней понятий "деятельность-личность-практика" – идут как бы независимо. Внутренняя их связь формирует симметричное течение этих процессов в смысле однонаправленности, "репликативности" (см. табл.)

Что же касается второго членения, то выступая как интегративные сущности, уровни "деятельность-личность-практика" дают внутри себя явное выражение тройственной симметрии. А именно, фиксация, например, субстрата личности (формы желаний), начиная с наиболее примитивной формы канализации желаний (привычка) приводит сразу к появлению, соответственно, наиболее примитивной, но общей, пригодной и для более сложных реализаций желания формы совладания – т.е. системы отношения между желаниями – (сопоставлено с архетипом Юнга). С этим связана максимально предметная, чувственная форма существования личности – как формы самосознания – в виде "переживания", переживающей личности.

Уровни второго членения (для "личности" это "формы желаний – формы совладания – формы самосознания") – выглядят достаточно консолидированными, поэтому, в первой степени приближения, симметрия их внутреннего членения выступает как сдвиг по диагонали, отражающий представления об эволюции понятия: усложнение (сдвиг вверх, надстраивание уровней) и дифференциация-детализация (сдвиг вправо, отношение "следовать за"). Следует добавить, что речь идет о сдвиге граничного, доминирующего уровня конкретности понятия.

В итоге, в качестве общей структуры понятий наук о человеке мы получаем (по группам первого членения) три симметричные, реплицированные снизу вверх "зубчатки" уровней доминирования, представленные в таблице. Каждая из них, в свою очередь, получается из базовой структуры диагонали (снизу вверх), отраженной последовательно два раза относительно горизонтальных границ уровней второго членения.

В качестве конкретного заполнения ячеек получившихся диагоналей в таблице рассмотрены примеры конкретных понятий различных наук о человеке, в наибольшей степени соответствующих содержанию уровней и ячеек. Разумеется, такое сопоставление следует рассматривать как в значительной мере условное, поскольку эти понятия, вырванные из породивших их конкретных дисциплин и соотнесенные в рамках таблицы, могут приобретать содержание, которое ранее им могло быть, вообще говоря, несвойственно.

[К оглавлению второй части](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**Из стенограммы XIV заседания клуба "Гуманус"¹⁰
28.02.90**

Чернышев: Сегодня магнитно-неблагоприятный день, у нас два заболевших, а остальные в подавленном состоянии.

Позвольте приступить к исполнению тяжелой службы. Скорбные лица как нельзя лучше гармонируют с темой, потому что сегодня мы, наконец, решили поговорить о легендарном С. Платонове, который осенил собой основание клуба "Гуманус". Хотя сам он, честно говоря, при жизни и не подозревал, что был некий Святой Гуманус, не читал поэмы Гете "Тайны" – все это выяснилось позже. Книга "После коммунизма" поступила на этой неделе в массовую продажу. Сегодня мы собрались поговорить о феномене С. Платонова. Я хотел бы заранее попытаться погасить добрые улыбки на лицах некоторых присутствующих здесь, которые знают, что у нас были особо интимные отношения – у двух здесь присутствующих и у Аксенова, которого сегодня здесь нет, – с покойным. На самом деле, в некотором сильном смысле, если отойти от канонов бюхнеровского материализма, С. Платонов действительно жил, – и он действительно помер, это было очень трагическое событие. Кроме того, никто из здесь присутствующих, включая нас с Виктором, никогда не подписался бы ни под одним из его опусов своей собственной фамилией: во-первых, потому что мы со многим просто не согласны; во-вторых, мы считаем, что в них нет главного; в-третьих, мы не стали бы писать эти вещи, даже если бы содержание нас полностью устраивало, в такой утрированно-"марксистской" форме, – даже в те годы не стали бы. Сегодня ночью, когда голова уже совершенно перестала соображать, я просматривал статью Амальрика, которую опубликовали (виданное ли дело! до чего докатились!) в "Огоньке": "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" Он анализирует здесь так называемое демократическое движение начала 60-х годов и говорит, что за последние полтора десятилетия, – имеется в виду, наверное, с 1952 года, – выкристаллизовались, по крайней мере, три идеологии, на которые опиралась тогдашняя оппозиция. Оппозиция насчитывала, видимо, десятки людей, а идеологий он перечисляет аж три: "подлинный марксизм-ленинизм", христианская идеология и либеральная. Когда я начал разбираться, что он имеет в виду под христианской идеологией и либеральной, то узнал предков наших старых знакомых, которых мы здесь именуем славянороссами и жидомасонами. Он объясняет, что христианская идеология предполагает необходимость перейти к общественной жизни по христианским нравственным принципам, которые толкуются несколько в славянофильском духе, а либеральная идеология, конечно, предполагает переход к демократическому обществу западного типа. Правда, здесь есть оговорка – "с сохранением принципа общественной и государственной собственности" (что сие означало в те годы, я не знаю). Но для меня самым интересным было то, что тогда была и какая-то третья идеология, которую Амальрик поставил даже на первое место, а именно – "подлинный марксизм-ленинизм". Эта идеология предполагала, что режим, извратив в своих целях марксистско-ленинскую идеологию, не руководствуется марксизмом-ленинизмом в своей практике, и что для оздоровления нашего общества необходимо возвращение к истинным принципам марксизма-ленинизма. По-видимому, такое направление было, и, очевидно, оно исчезло. Первое искушение, которое возникает, отнести С. Платонова к новой волне этой самой идеологии подлинного марксизма-ленинизма, тем более, что вроде по форме все совпадает. Но дело в том, что не только из буквы, но в большей степени из духа этой книги следует, что С. Платонов был в высшей степени не чужд как христианско-демократическому, так и либеральному направлению. Правда, открытым текстом в тех рукописях, что вошли в книгу, он нигде не призывает к тому, чтобы выдвинуть на передний план православие, самодержавие, народность, но есть некоторые явные свидетельства тому в его черновиках. А что касается либеральности – она налицо, он был ярким сторонником трансплантации современных форм западной экономики, правда, понимал их совсем не так и не называл такими словами как Шмелев и Селюнин. Т.е. это явление более сложное, но, по крайней мере, сильная струя "подлинной марксистской идеологии" здесь имеется. К сожалению, до наших дней никто из этого направления, видимо, не

¹⁰ Стенограмма имеет неофициальный характер; содержание выступлений передано приблизительно; участники заседания клуба не несут за данный текст никакой ответственности.

дожил. Два других направления уже оформились как крылья, и там имеются целые фронты, межрегиональные группы и публицистика, причем звезды первой величины. За каждым из этих направлений числятся журналы. Но укажите мне известных публицистов ранга Баткина - Клямкина - Нуйкина и какой-нибудь журнал, которые провозглашали бы "подлинно марксистскую идеологию".

Интересен сам феномен: куда подевалось это направление? Дело в том, что если подсчитывать волны "подлинного марксизма" на российской почве, то мне известны две предыдущих волны. По-видимому, то, что говорит Амальрик, относится ко второй волне. Первая волна "подлинного марксизма" – это времена совершенно легендарные, о которых я знаю понаслышке. Это было в 30-е годы, когда в Москву приехал Дьердь Лукач, когда на Западе и одновременно у нас были опубликованы "Экономическо-философские рукописи 1844 года", – это 1932 год.

Ну, не стоит забывать, что была еще дореволюционная волна подлинных марксистов в России. Такие были плохонькие марксисты, малоизвестные. Я напому только некоторые фамилии: Булгаков, Бердяев, Струве, Франк... – все это были настоящие марксисты, кое-кто успел побывать в ссылке, а потом они вдруг почувствовали, что у них в душе что-то не достигает самореализации на путях марксизма, и в 1902 году вышел этот самый толстый сборник, который на днях я наконец взял в руки, – "Проблемы идеализма". Там я нашел князя Трубецкого, который писал о Марксе, все время его ожесточенно цитировал... – очень трогательное сочетание! – ну и эту великую четверку, которая потом составила ядро в "Вехах".

А дальше, когда я говорил о волнах марксизма, то имел в виду уже советскую власть. Известно, что Ленин Маркса не читал, т.е. он читал классические работы, а то, на чем рос С. Платонов, он читать не мог. Потом, когда эти рукописи были опубликованы у нас на немецком языке, возникла первая волна марксистов, видимо, философов, о которых я знаю очень мало, кроме того, что они занимались эстетикой. Нетрудно догадаться, почему они занимались эстетикой, а не генетикой, не кибернетикой, и не, боже упаси, политэкономией. Их, по-видимому, всех перебили, потому что от этой волны остался только Лифшиц.

Что касается второй волны, я знаю от Косолапова, что эти самые "Экономическо-философские рукописи 1844 года" переводил в качестве дипломной работы на русский язык однокурсник то ли его самого, то ли Ильенкова. Они вошли в так называемый нулевой том "Из ранних произведений", вышедший в 1956 году ограниченным тиражом. Тогда-то, наконец, массовому читателю на русском языке впервые стали доступны основные ранние работы, – то, на чем рос С. Платонов. И тогда возникла вторая волна, я о ней знаю тоже очень мало. Борьба опять развернулась вокруг трактовки рукописи 1844 года, вокруг категории "отчуждения", что, видимо, было и в 30-е годы, просто о второй волне побольше известно. Потом на гребне этой волны возник девятый вал, когда Теодор Ильич Ойзерман, а вслед за ним еще ряд товарищей, в частности, Лапин, дали трудящимся каноническую трактовку "Рукописей 1844 года", надежно их для целого поколения переврав. Я не знаю, что за этим стояло, какой был социальный заказ, но эта борьба длилась с начала хрущевской оттепели до середины 60-х годов, когда с.-платоновобразные трактовки были уничтожены, и, видимо, именно об этих марксистах, пытавшихся трактовать Маркса не так, как положено, говорит Амальрик в своей статье.

И, наконец, С. Платонов – это, по-видимому, чахлая, захудалая третья волна. Еще один из младомарксистов третьего поколения, – пусть не кидает в меня кирпичами Кузьминов, – но до некоторой степени это он, потому что это под его руководством группа людей высунулась из щели и издала крамольный труд "Отчуждение труда" синюшного цвета.

Криворотов: Вы не откреститесь.

Кузьминов: То, о чем ты говоришь, очень любопытно вот в каком отношении. Вообще, сама по себе задача нового возрождения аутентичного марксизма несколько странна, если мы будем расценивать марксизм как нормальную, живую научную школу. Если мы будем к нему так относиться, то, вполне понятно, что уже где-то через несколько десятилетий после кончины Маркса его теория влилась в общий поток теорий, подверглась критическому анализу, переработке, и мы можем выявить достаточно четко ту линию, в которую марксизм все шире и шире входил, и сейчас, наверное, где-то с 50-х, с 60-х годов вообще нет в социологии течений, которые бы не испытали на себе, в генезисе своем, мощного влияния марксизма.

Криворотов: Через франкфуртцев, – фактически, через франкфуртцев.

Кузьминов: Не только. Если мы возьмем историков, то здесь есть мощное влияние – например, школа "Анналов". Можно брать какую угодно отрасль общественнознания, и все равно марксизм там

сделал свое дело, но, естественно, он развивался не в аутентичной форме. Потому что когда мы говорим об аутентичном марксизме, мы либо занимаемся историей общественной мысли, либо переходим на какую-то иррациональную форму существования социальной теории.

Собственно говоря, судьба марксизма – быть социальной религией, и именно в этой судьбе марксизма как социальной религии, которая одновременно сразу выполняла, не могла не выполнять и функции науки – и есть корень постоянных порывов к тому, чтобы провести реформацию в марксизме. Как Лютер провел реформацию в христианской церкви? Что он сделал? Он возвратился к истокам, только и всего. Он сказал: почему вы читаете энциклики святого престола? Вы должны читать Библию, вас же не допускают до Библии, давайте переведем ее, давайте дадим ее в каждую семью. Собственно говоря, если вернуться к С. Платонову, он примерно то же самое пытался втемяшить в косные мозги наших партбюрократов в 80-х годах. Это была некая попытка реформации марксизма, правда для князей, так сказать.

Баренбойм: В отличие от Сергея Борисовича, я читал не "Огонек" этой ночью, а С. Платонова, и поэтому я хотел бы поставить вопрос, который, наверное, как всегда останется без ответа, хотя Криворотов пообещает на него ответить потом. Не являются ли нынешние социал-демократы истинными продолжателями марксистского учения?

Криворотов: Сейчас я на него и отвечу.

Султанов: Ответишь тогда сразу и на мой вопрос. Я хотел бы немножко заострить то, что мы говорили, повернув вопрос таким образом: а существует ли марксизм вообще, не является ли марксизм некой мифологемой, некой расплывчатой культурной традицией, не очень научной?

Чернышев: Типа системного движения.

Султанов: С одной стороны, Маркс для меня похож на Эйнштейна в том смысле, что молодой Эйнштейн в 1905 году создает теорию относительности, а потом еще 40 лет пытается создать единую теорию поля с различной долей успеха. И в этом смысле теория относительности – это своего рода какой-то странный всплеск. Там есть разные интерпретации. Одна из интерпретаций заключается, в частности, в том, что Альберт Эйнштейн просто украл теорию относительности у Анри Пуанкаре. Я к чему это все говорю? Может быть, логично противопоставление раннего Маркса позднему, в том смысле, что его ранние рукописи – это не прерогатива одного Маркса. Он просто был молодым, где-то что-то схватил быстро, описал и т.д. А в принципе это была определенная интеллектуальная традиция. Это один аспект. Другой аспект заключается в том, что мы постоянно противопоставляем раннего Маркса позднему, вспоминая его формулировку, что если это марксизм, то я не марксист. Может быть, здесь идет речь о какой-то глубокой личностной драме, причем сам Карл Маркс не был марксистом в том смысле, что он самого себя не понимал? Была какая-то гениальная задумка, на 9 книг или на 24 книги, была попытка это реализовать, был очень тяжелый, непроходимый текст первого тома "Капитала", который, кроме самого Маркса, никто и не понял. Она сыграла позитивную роль вообще в культуре, в частности, в западно-европейской культуре, потому что дала материал для рефлексии. В этом смысле Ярослав прав, когда он говорит, что на Западе Маркса даже в большей степени считают социологом, чем экономистом в плане его рефлексии, влияния.

Чернышев: Его экономические работы никому не нужны.

Султанов: Может быть, в этом смысле марксизм, о котором мы говорим, это не наука, это просто некая струя в культуре, которая начала какое-то движение, а потом впала в реку европейской культуры, стала размываться? Она, конечно, принесла свои плоды, но говорить о том, что русло этой реки надо очистить, вернуться к этому роднику, припасть к нему, и потом наплевать на все прочее... Может быть, публикаторы нам объяснят?

Чернышев: Давайте спустим с цепи Криворотова.

Криворотов: Я бы начал с несколько парадоксального утверждения по отношению к С. Платонову. Никаким марксистом С. Платонов просто не был. Никакой категории отчуждения он не развивал, это все как-то позже было. Этот человек вырос в пределах той культуры, в которой мы с вами живем. При этом в особой ее части, связанной с техническим образованием. Более того, он был связан с математикой, физикой, с точной постановкой, с логицизмом, с вниманием к структурам. Это определенное настроение ума, которое, коли оно закреплено с детства, остается навсегда. Вторая часть его установки была связана с тем, что над ним тяготел глобализм. Кстати, это чисто русское явление. Он, естественно, будучи молоденьким, не подозревал, откуда оно все идет. Ему хотелось все объяснить, все соединить вместе, он был человек во многом разбросанный, как всякий молодой человек того времени, он занимался всем на свете. До этого он занимался особенно

модными вещами типа дзен-буддизма и чего угодно. Сначала он столкнулся с Гегелем, уже в очень взрослом возрасте, и только потом с Марксом.

Собственно, круг идей, позже выраженных С. Платоновым, вырос не из этой доктрины, а из некоего умонастроения, тяготения ко всеобщей логике явлений, всеобщей логике развития, которую он чувствовал и понимал. И он начал пробовать на тех близлежащих предметах, которые он хорошо понимал и знал в силу специфики своего образования. Он занимался эволюцией вычислительных систем. Он смотрел, как они друг из друга вытекают, строил эволюционные ряды... Потом он занимался психологией, тоже в таком же плане. Он занимался теорией систем, упорядочивал эти системы, придавал им какой-то определенный смысл. Это было все одно и то же в некотором смысле, он искал имманентную логику, как одно из другого вытекает, как замкнутый мир словно бы порождает другой столь же замкнутый мир. Только когда эта установка начала подтверждаться на жестких фактах человеческой реальности, все это пошло в сторону общественных наук, в смысле теории формаций, в смысле Маркса и т.д. Просто выяснилось, что эти эволюционные ряды, оказывается, можно было очень интересным образом скомбинировать так, что получалось объяснение классических философских построений, какие-то фантастические решетки, соединение научного подхода с гуманитарным.

Чернышев: Ты забываешь еще об импульсе внешнем, из-за которого С. Платонов вдруг взялся за марксизм.

Криворотов: Т.е. он как-то развивался, развивался, развивался, – а потом вдруг предполитизация нашего общества, которая отголоском 60-х отразилась на этом поколении, привела к тому, что он понял, что с этим надо что-то быстро делать, и углубился в сферу общественную. Там-то и выяснилось, что он, оказывается, в каком-то смысле марксист. А когда он пришел в область, связанную с общественными науками, с той же самой интенцией, он поступил как человек негуманитарный. Обычно человек с гуманитарным образованием просто в силу образования воспринимает это как какую-то данность. А он для того, чтобы просто воспринять эту гуманитарную культуру, вынужден был задать себе элементарный вопрос: а что за этим всем стоит? Поэтому вопрос о возвращении к истокам – это был не вопрос доктрины, идеологии, это был вопрос элементарного понимания. Он начал задавать себе все эти банальные вопросы о типах развития, и выяснилось, что по существу сам марксизм, если его понимать как структурную социологию, изложенную в общих чертах молодым Марксом, пожалуй, в наибольшей степени отвечал той установке, в рамках которой он работал. Когда же он стал вроде как марксистом, то странным образом выяснилось, что он мог не лицемерить перед начальниками, тем более, что в рамках тех времен нельзя было быть не марксистом, если обращаться к начальникам.

Кузьминов: Он считал, что это тот язык, на котором они говорят.

Криворотов: Возникла такая ситуация. Без лицемерия он мог воскликнуть: "Давайте возвратимся к истокам!", но, придавая этому смысл несколько другой, чем другие люди, имея в виду: давайте посмотрим, как у Маркса на самом деле, отвергнем все эти дальнейшие иносказания и т.д. Когда же он произвел этот лютеровский акт, выяснилось следующее парадоксальное обстоятельство. Находясь в рамках, в общем, ортодоксальной марксистской традиции, он начинал приходить к выводам, идеологически совершенно безобразным. С. Платонов, установив себя в рамках понятийной, философской традиции Маркса, начал сразу резко выходить за пределы идеологических выводов, которые связаны с историческим марксизмом. Он стал с этой линией просто порывать. Причем двойственность состояла в следующем. С одной стороны, он вроде был фундаменталистом, поскольку возвращался к истокам, с другой стороны, он в явной степени выходил за эти рамки. Это ответ на твой вопрос, Петр. Действительно, С. Платонов в определенном смысле обосновывает социал-демократию. Действительно, из С. Платонова вытекает, что такого рода революции, как происходили у нас, немножко не имеют отношения к Марксу. По существу, С. Платонова можно рассматривать как марксистского идеолога социал-демократии, причем он будет обосновывать социал-демократическую смешанную экономику, открытое общество с ортодоксальными марксистскими позициями. Все это, конечно, будет выглядеть безобразно, но тем не менее, это так.

Кузьминов: Сами социал-демократы до этого не додумались, – правда, им это и не нужно, они на Западе.

Криворотов: Дальше - больше. Все-таки социал-демократическая идеология еще как-то близка к марксизму, вроде они и сами не отрекаются от Маркса... Но выяснилось, что С. Платонов может обосновывать и другие вещи, которые к марксизму вы не отнесете ни по каким канонам. Например,

он может служить в качестве основы каких-то вещей типа религиозного восприятия мира, типа христианства, например, связанного с Богом-отцом, Богом-сыном, Богом-духом.

Чернышев: Богочеловечество, – пожалуйста.

Криворотов: Богочеловечество. Это странная картина, крайне странная, но, тем не менее, это действительно так. Отсюда я делаю некое заключение. Видите ли, через Маркса С. Платонов вышел на реальные формы и методы работы со всей европейской культурой, может быть, даже с мировой. В этом, для меня лично, его значение для нашей страны, потому что наша несчастная страна марксизмом отгорожена от мировой культуры. Сейчас она все это выбросит, и будет отгорожена еще чем-нибудь другим, непонятно чем. С. Платонов предлагает, наоборот, выход на эту мировую культуру. Насколько им воспользуются, – не знаю, сейчас все кувырком, но, тем не менее, такая возможность есть.

Чернышев: Вспомни, как кончаются классические симфонии: прум, пр-рум, пум-пум... – и так 15 минут. Даниилу Александровичу, к сожалению, надо уходить, поэтому, может быть, он нам скажет несколько слов, если только захочет. Это священное право почетного гостя.

Гранин: Я пришел сюда просто полюбоваться вами. Я читал стенограммы клуба "Гуманус", и мне было интересно и весело читать их. Марксизмом я никогда не занимался и терпеть его не могу, это во мне воспитано в институте. Как и для большинства советских инженеров и научных работников, для меня марксизм и общественные науки – это ненавистные вещи. Мне очень любопытно, что здесь собралось очень много людей, связанных с физикой и с техникой, которые возлюбили общественные науки.

Книгу эту я прочел с большим интересом, она привлекла меня своей парадоксальностью. В наше время говорить всерьез о марксизме, – это было очень интересно. Марксизм у нас приобрел такой оголтело насильственный характер, и эта страна считалась страной победившего марксизма, и все кругом страны тоже были марксистскими. И ничего не получалось. Если марксизм – наука, то, конечно, из науки должно что-то происходить – но ничего не происходило. Я думаю, что может быть, это и привлекло С. Платонова в какой-то мере, если гадать о происхождении этой вещи. Почему ничего не происходит из марксизма? И даже наоборот. Я как-то говорил Сереже. История поставила очень интересный эксперимент, довольно подробный и наглядный. Взяли, разделили Германию на две. Одна Германия социалистическая и исповедующая марксизм, другая – капиталистическая. Совершенно различные формации создали, допустим, в Корее. Т.е. совершенно корректный эксперимент был поставлен в разных полушариях, со всей наглядностью была продемонстрирована борьба двух систем.

Я думаю, что главным во всем этом эксперименте был вывод о том, что существует, наверное, единая общечеловеческая система, из которой невозможно вывернуться. И когда я прочитал эту книгу, у меня возникла интересная идея о том, что сегодняшний передовой мир – это мир победившего марксизма. Я сейчас был в Соединенных Штатах, только вчера прилетел. Об этом уже говорилось, но я хочу повторить, что социалистическое в этой самой обыденной жизни там чрезвычайно значительно. Все эти системы, которые там действуют, начиная от систем благотворительности, систем социальных защит, систем социального равноправия, – это куда более высокий социалистический уровень.

Я думаю, что эта книжка, мне так хочется думать, представляет из себя уникальное явление нашей марксистской литературы, если таковая вообще существует. С. Платонов был последний советский марксист, если его можно называть марксистом. Мне нравится мысль о том, что через эту идею можно выходить на сближение с мировой культурой.

Очень интересно было вас всех повидать, мне жалко, что я должен уходить, просто послушать было интереснее, чем обсуждать для меня. Я думаю, Сережа, что эта книжка, конечно, вызовет большой интерес. Я сегодня говорил об этом с Афанасьевым, и при всем его политическом азарте, думаю, что он тоже прочитает.

Чернышев: Он тогда, наконец, получит строгое теоретическое обоснование своего любимого тезиса, что у нас никакого социализма нет, не было, а то, что есть – вообще никакого отношения к нему не имеет.

Баренбойм: Обидно, что книга вышла без иллюстраций. Иллюстрации для нее есть. В Институте марксизма-ленинизма за семью печатями и металлическими дверями, перед которыми наш кооператив "Сезам" просто бледнеет, хранится фотография бритого Маркса, который, будучи в Алжире, заболел тифом, а эта такая болезнь, при которой его пришлось полностью обрить. И в этом

виде он сфотографировался. Так вот я считаю, что С. Платонов в каком-то смысле Маркса побрил, и эта фотография, если уж ей где-то публиковаться, смотрелась бы именно в этой книге.

Султанов: В этой книжке С. Платонова есть один негативный момент, слабость. Эта слабость (может быть это его сила), с моей точки зрения, заключается в том, что его могут использовать разные силы, и он может быть так же легко искажен, как и сам Маркс. В этом смысле он может сослужить службу и хорошую и плохую.

Криворотов: В Марксе есть нечто от науки и есть нечто от идеологии. Существует совокупность вещей, которые не зависят от того, занимаемся мы этим в рамках социализма, капитализма, христианства и еще чего угодно, – это просто некий метод исследования общества, наука. Но есть еще установка. За кого ты: за белых, за красных, за серо-буро-малиновых? С. Платонов – это в определенном смысле деидеологизация Маркса.

Чернышев: Я бы добавил два слова к тому, что Криворотов говорил о С. Платонове. Он упустил одну черту. Дело в том, что С. Платонов был одержим идеей спасения отечества задолго до того, как впал в марксистскую ересь. Он спасал его через системный анализ, через структурализм, еще через что-то, но совершенно не занимался этим марксизмом-ленинизмом, и когда вдруг появился Ю. Андропов и стал что-то вопрошать, – С. Платонов сразу понял, что появился новый заказчик. До этого он штурмовал верхи через хозяйственных руководителей и писал пламенные послания в терминах подъема строительства на новый небывало высокий уровень, повышения оргкультуры и т.д. Мысль о том, что спасти отечество можно только через царя, для него была очевидной, это была аксиома, он ее даже не рефлексировал. А через кого же, что, народный фронт, что ли, создавать? В 1983 году с народными фронтами было очень напряженно. С. Платонов собрался и решил: дай-ка я пластинку поменяю, а буду петь те же самые песни, но в других терминах. И когда он решил поднатаскаться в языке, понятном начальникам, он вдруг с изумлением натолкнулся на очень интересную материковую породу в Марксе, и открыл его для себя. Поэтому-то он и писал так парадоксально, что, видимо, для него это все было действительно тяжким потрясением. Он-то считал марксизм словоблудием. Когда же докопался до истоков, до отчуждения, то чуть инфаркт не заработал от этого переворота взглядов, что и отразилось в его книжке.

Второе. Действительно, социал-демократами он грешил. В 1986 году С. Платонов, будучи человеком острожным, послал вперед себя легковверного, чистосердечного, увлекающегося Владимира Аксенова, и они вместе учинили идеолого-террористический акт. Было мероприятие в хоннекерской Германии, – 1986 год, поздняя осень, никакой тебе гласности. Хоннекерские немцы решили побрататься с социал-демократами на почве единственно разрешенной к тому времени общей идеи борьбы за мир. Масса словоблудия о том, что надо сомкнуть ряды и единым строем пойти вперед, отвести от человечества беду... Там было сборище всех руководителей социал-демократических молодежных организаций, в том числе молодежный Социнтерн был представлен первыми лицами. Хоннекер выступал, сидели члены Политбюро ЦК СЕПГ. И вот выходит товарищ Аксенов и несет какую-то крамолу, смысл которой сводится к тому, что делать-то ничего нельзя, исходя из такой банальности, как совместная борьба за мир. Давайте мы о чем-то договоримся концептуально! Ведь у вас тоже марксизм имеется где-то в фундаменте, вы вроде оттуда же растете, у вас в доме Маркса в Трире, которым завладел ваш Фонд Фридриха Эберта, имеется генеалогическое древо социал-демократии, где 92 ответвления, и все они растут из Маркса. Давайте попробуем достичь не тактического, а концептуального единства! Была совершенно инфарктная ситуация. Аксенова и сопровождающих лиц срочно пригласили в компанию высоких чиновников из ЦК СЕПГ, был ночной разговор, психодрама. Они кричали: ребята, вы что, с ума сошли, что вы делаете, вы нам загубите все мероприятие!

Он выступал вечером. Наутро все социал-демократы, опровергая опасения Хоннекера, стали брататься, кричать "банзай" и призывать нас сомкнуться на почве трудностей: у вас проблемы и у нас проблемы, давайте концептуально разберемся, что именно мы с вами понимаем не так. Но тем не менее за подписью Хоннекера пришла "телега" в ЦК КПСС, и даже С. Платонов, не говоря уж об отважном В. Аксенове, имел неприятности. Это был тест, и он показал, что социал-демократы страстно хотят брататься на концептуальной платформе, хотя сама платформа, конечно, не могла быть там изложена в явном виде.

Баренбойм: Я хочу выступить в роли Георгия-Победоносца, который взгромоздился на коня с пикой, перед ним многоголовая гидра, – две головы в очках, одна с усами, и я бы к ним еще добавил двух бородатых и одну лысую. И я хочу напасть не для того, чтобы насмерть поразить, а дабы сильно уколоть. Тут говорили, кто у Маркса был в женах, кто в любовницах. Я знаю только одну

замухрышку, на которую он даже глазом не косил, – это право. Право, я подчеркиваю, – наука древняя, есть только одна специальность чуть-чуть более древняя. А экономика – более молодая наука, политэкономия тем более. И вот, эта более молодая наука попыталась у права украсть самое любимое дитя, основу, собственно, большинства серьезных правовых конструкций, – это понятие частной собственности, которое является все-таки категорией правовой. Я об этом уже на "Гуманусе" говорил, но чтение С. Платонова снабдило меня теоретическим фундаментом, которого раньше не было. Экономика, наука политэкономия украла у права этот устоявшийся нормальный термин, который лежит в основе всех правовых конструкций: конституционных, гражданско-правовых и всех остальных. Маркс, тем более Энгельс, которые право, в общем, не любили и не понимали, стали играть с этой частной собственностью, как с категорией экономической, провозгласили ее уничтожение. И тут я должен сказать публикаторам (и сказал бы С. Платонову), что можно как угодно объяснять в рамках гегелевских, марксовских и других понятий, что это не уничтожение, а снятие отчуждения, что это целый этап, – но воспринята-то это юридическая категория была ведь юридическим образом, и термин "уничтожение" тоже был переведен на правовой язык. И поэтому отсюда следует огромное, (я говорю совершенно серьезно) значение этой книги на сегодняшний день, когда у нас никак не могут из-за отсутствия нормальных правовых, экономических и других категорий, а также концепций частной собственности разобраться с этим. Книжка С. Платонова может объяснить, что без понятия частной собственности не будет у нас работать экономическая структура, я в этом глубоко убежден.

Криворотов: Ты вообще-то в точку попал, как ни странно.

Чернышев: В китайскую.

Криворотов: Я сказал "как ни странно", потому что взгляд на С. Платонова именно с той точки зрения, что он как бы легализовал представление о частной собственности, очень правомерен. Потому что выразить суть С. Платонова одним словом можно было бы так: понимание, что частная собственность – это не нечто антимарксистское, и наоборот: понимание, что общественная собственность – это не то, чего нету на "той" стороне, но, напротив, что появилось именно там.

Чернышев: Кроме того, С. Платонов был фундаментально безграмотен, он не только права не знал, – экономики тоже, но в книге у него совершенно четко показано, что право является в некотором очень сильном смысле фундаментом для экономических слоев частной собственности. Оно под ними лежит, а уже выше начинаются собственно экономические формы, – и в формационном смысле, и в каком угодно.

Криворотов: Я бы добавил. У С. Платонова все, что связано с обществами более или менее современного типа, базируется действительно на собственности как на праве. Не на собственности как на владении – это всегда было, а именно на собственности как на праве. Суть отношений, связанных с современными обществами, после того, как растаяли все эти системы глобального принуждения, связана с собственностью как правом.

Баренбойм: Я ведь пику воткнул, хотел дожидаться, чтобы Виктор со мной согласился, а потом хотел повернуть, но Сергей как-то мягко ладошку подставил, стал рассказывать, что С. Платонов права не знал. Я, конечно, тогда все это, не трогая С. Платонова, отнесу к Марксу, Энгельсу и Ленину, хотя два из них были юристы дипломированные. На самом деле, здесь постоянно происходит подмена понятий. Это любимое дитя, любимую дочь, красавицу, у права украли, вкладывают в нее экономико-философский смысл, и оно осиротело совершенно, потому что все наши гражданско-правовые и конституционные конструкции чахнут и не развиваются без частной собственности, которая является не просто частной собственностью для гражданско-правовых отношений, но и основой конституционной свободы личности, на этом базируется очень многое. Экономисты, украв правовую категорию, стали употреблять ее, собственно, как им хочется.

Кузьминов: Это, кстати, очень верно, потому что была кроме субъективной и объективная основа принципиального отстранения права, потому что все трое пытались мир преобразовать, изменить. Все-таки правовое мышление связано с тенденцией к установлению какой-то стабильности. Собственно говоря, право дискретно, в отличие от практически всех остальных социальных дисциплин. Здесь действительно очень большая и очень неожиданная заслуга С. Платонова, как раз возвращение к диалектическому пониманию права, – неожиданное, я думаю, для самого Карла Генриховича. В начале чтения С. Платонова я долго глумился, выписывая различные способы производства, а потом я набрел на то, что в ряде случаев С. Платонов понимал под формой деятельности постепенное установление социальной стабильности, т.е. постепенное установление сначала ритуала, потом закона, и, наконец, правовой системы, – это очень ценная вещь, и в этом, я

считаю, С. Платонов просто нечаянно отразил свое время, изменившееся время, которое тяготело не к социальным переворотам, катаклизмам, а к тому, чтобы разобраться и установить какую-то реальную стабильность в окружающем мире.

Криворотов: С. Платонов сделал одну довольно забавную вещь, в марксизме расценивающуюся как кондовый идеализм. Он онтологизировал право. Обратите внимание. Право – это реальность, это не писанные законы, где так можно написать, сяк можно написать, а это существует в обществе, ты его оттуда не выдернешь. С. Платонов онтологизировал, его, сказав, что да, это такая реальность, это производственное отношение. Что за чушь? С точки зрения классического марксизма, право – это нечто, связанное с надстроечкой, а тут производственное отношение, и на этом праве, на этом производственном отношении базируется вся система производственных отношений, связанная с более или менее современными обществами. С. Платонов не рефлексировал самого себя так, но в нем было то, что вы говорите.

Султанов: Я хочу сказать, что фатальная неудача этой книги заключается в том, что она ревитализирует то противоречие, которое, в конце концов, сгубило самого Маркса, противоречие, которое было преодолено самим развитием европейской культуры. Я имею в виду проблему отчуждения, само отчуждение. Если вы помните, а вы должны это помнить очень хорошо, ранний Маркс был увлекающейся натурой, очень увлекающейся. Он разных философов читал, Гегеля, Канта, но ведь он очень много еще читал греков и много читал мистиков, кстати, хорошо знал Якоба Бема, Сведенборга, и у него очень интересен его ранний период, который, может быть, и закончился всплеском "Рукописей 1844 года", некоторых частей "Немецкой идеологии" – это как раз сказалось влияние мистики, влияние пантеизма. Мы как-то все время подчеркиваем то, что Маркс был продолжателем линии Гегеля, но ранний Маркс в значительной степени был выразителем течения Спинозы, а в определенной степени Спиноза стимулировал философию жизни.

Чернышев: Ильенков это понял у Маркса.

Султанов: Мы говорим: Маркс – продолжатель европейской традиции XIX века. Но Маркс и порождение этой традиции. А ведь что такое европейская культура именно первой половины XIX века, еще до появления и распространения Ницше, Шопенгауэра и прочих представителей философии жизни? Это же яркое воплощение ключевого элемента христианской традиции, – правда, Маркс ее отрефлексировал с другой стороны. Христианство выставило и обосновало принцип личности. У Маркса это нашло свое воплощение. Но Маркс это осознал как отчуждение личности, и он показал, каким образом можно его преодолеть.

Преодоление фатальной ошибки Маркса позднейшим развитием европейской социал-демократии, под влиянием – с моей точки зрения, очень плодотворным – и философии жизни, и потом экзистенциализма, заключалось в том, что был произведен возврат и к Спинозе. Я считаю, что ярким воплощением смерти классического марксизма в XX веке является развитие экологического движения и усиление религиозных течений, прежде всего восточного типа, которые не отделяют человека от его реальности, причем реальности не только социальной, но вообще реальности как таковой.

Трагедия Маркса заключается в том, что в нем было два направления: Маркс-мистик и Маркс-рационалист, Маркс-гегельянец и Маркс-спинозист, бемист, сведенборгец и т.д. И вот, вовлеченный в стихию экономики, этой рациональности, находясь во власти этого материала, Маркс вынужден был оставить все это, оставить все свои тексты, которыми он занимался, которые он начал готовить, свои диссертационные дела и т.д. Его начальный размах был вызван как раз тем, что Маркс был целостен, он сочетал в себе и то и другое, как молодой человек он мог это сделать. А потом, когда он становился все более и более сухим, все более рационалистом, все это, в конце концов, и выродилось в непонятный, темный "Капитал", в котором кроме Маркса никто не разобрался. С. Платонов пытается ревитализировать проблему отчуждения в терминах Маркса. Это он делает очень корректно, но в терминах Маркса, каким был Маркс 150 лет тому назад. Но за 150 лет очень многое изменилось, и проблема отчуждения даже в европейской культуре приобрела гораздо более сложное многообразие. В этом смысле Карл Юнг сделал очень многое для того, чтобы дополнить, не заявляя об этом, марксизм, эту классическую проблему, проблему отчуждения, причем в таких терминах, которыми оперирует та же западная интеллигенция.

Кузьминов: Я не считаю, Шамиль, что это трагедия С. Платонова. Я в самом начале сегодняшнего заседания говорил о попытке марксистской реформации. Если бы речь шла только о марксизме как псевдорелигии, полунуаке-полурелигии, тогда мы могли бы к этой реформации, т.е.

восстановлению аутентичных, подлинных взглядов Маркса на той основе, в которой они выражались, относиться или снисходительно или как к историческому материалу, скажем так. Но я, если можно, приведу примеры из своей области. Есть Альфред Маршалл, есть Кейнс, т.е. крупные фигуры в мировой экономической мысли, которых тоже постоянно воссоздают теоретически через какие-то промежутки: 50 лет, 70 лет. Недавно только оттремела волна рассерженного кейнсианства в Англии и в Штатах, когда говорилось: "Вы опошлили, вульгаризировали Кейнса!" – хотя Кейнс был практически весь издан там, нет никаких вновь найденных рукописей. По всей видимости, речь может здесь идти о том, что у крупных фигур, действительно крупных, этапных фигур развития общественной мысли, потенциал не может выработаться сразу, не может войти в мировую культуру сразу, и Маркс в этом отношении не мог быть в XIX веке, в начале XX усвоен иначе, чем он был у нас усвоен. На Западе, если мы возьмем Запад, была та же волна отторжения Бернштейна и Шмидта, у нас была волна отторжения Туган-Барановского и Струве.

Поэтому такая систематическая ревитализация или реформация, в том числе и та, которую предпринял С. Платонов, жизненно необходима, это во-первых. Во-вторых, С. Платонов пошел дальше прямой ревитализации Маркса. Он домысливает за Маркса очень многие вещи, и домысливает их на том уровне, таким образом, которым невозможно было бы домыслить, имея в распоряжении даже все тексты Маркса в 10-20-годах нашего века. Слишком многое стало ясно и по поводу судеб так называемого мирового капитализма, – хотя я не уверен, капитализм ли это, – и по поводу исторических судеб собственности вообще. Поэтому, мне представляется, что сама по себе попытка С. Платонова, несмотря на все ее негативные стороны, (я не считаю нужным здесь говорить о негативных сторонах, потому что во многом это мелочи, мелочи очень ехидные, я могу на странице пять штук собрать по своей специальности), это не только не трагическая, но и весьма небесполезная попытка...

Чернышев: Ни одно из возражений Шамиля не доставило мне такого удовольствия как это. Я должен с ним целиком согласиться, я только некоторые моменты уточню. С. Платонов, безусловно, шел от Спинозовского взгляда, или пан-системного, боулдинговского взгляда, и в этом смысле я уже имел здесь честь говорить о том, что отчуждение является насквозь мистической категорией от начала и до конца. Поэтому Маркс скорее сделал попытку рационализировать с одного краешка это в целом иррациональное и мистическое учение об отчуждении. Его мистицизм и Гегелю не принадлежит, хотя в этом смысле Гегель пережил большую трагедию, чем Маркс. Другое дело, я совершенно согласен, что начавши рационализировать, он в это дело влез, и его взгляды в конце концов эволюционировали почти до чистого рационализма, и уже нельзя было найти там следов этого целостного Спинозийского взгляда, особенно под конец.

Но С. Платонов никоим образом не разделяет эту трагедию, для него совершенно не характерна была рационализация отчуждения, это скорее то, о чем я говорил в прошлый раз, некий прорыв очередной маленькой порции рационального в иррациональную в целом стихию, в хаос, кусочек космоса в хаосе. С. Платонов с радостным визгом купался в этом море иррационального. Он прорвался совершенно с другой стороны к отчуждению.

Пафос деятельности Маркса состоял вот в чем. Что такое рынок? Подобная античному року, слепая, непостижимая сила, совершенно иррациональная, но при этом социальная сила, творит с людьми что хочет. Чем занимался Маркс? Он хватал эту самую силу, и рационально ее расслаивал с целью снять часть отчуждения, демистифицировать, рационализировать этот слой иррационального мира и взять его под контроль. Маркс вытаскивал близлежащие слои из этой мглы темных, античных сил отчуждения, игралищем коих являются несчастные товаропроизводители, которые вылезли на рынок. Трагедия его была в том, что он, в конце концов, свел к этим паршивым силам рынка то, что к ним ни в коем случае не сводимо, то, что таинственно мерцает, сквозит из более глубоких (или, если хотите, более высоких, далеких) слоев.

На первой странице книги написано, что она не предназначена для печати, и это святая правда, а не дешевое выпендривание. Доживи С. Платонов до наших дней, сам факт ее публикации он воспринял бы как непонятное явление и чудо. Ну не собирался С. Платонов публиковать это, и душеприказчикам тоже не возбрела в голову такая шальная мысль...

Это чудо, это такое радостное освобождение от проклятого прошлого, от которого Маркс избавиться так и не смог. Он писал, писал эту свою тяготину о "капитале", и никак не мог от нее отделаться. Ему не удалось, он умер. С. Платонову тоже не удалось, он умер, но представьте себе, если бы он дожил, если бы ему это удалось. Слава Богу, это закончилось, к этому нечего прибавлять, и вообще, в таком духе писать дальше совершенно невозможно, и читать никто не

будет, и писать – противно, бессмысленное занятие! Но то, что получилось, – это некая самодостаточная целостность, и слава Богу, и с ней покончено, теперь ее можно выбросить, вытереть пот со лба и забыть навсегда все муки, связанные с ней, все, что за этим стояло, и действительно начинать какую-то нормальную работу, новую жизнь.

Вот желанная свобода, теперь можно писать совершенно не про то, совершенно не таким языком. Но на самом деле линия может быть продолжена, просто Маркс начал грязную и черную работу, (но не закончил), а С. Платонов затем доделал вонючую работу по преодолению наиболее обгаженных идеологией, неприятных слоев отчуждения. Теперь, когда мы объяснили людям, как прорваться через социальное отчуждение, можно дальше эту линию развивать. Можно туда, к сияющим вершинам богочеловечества, прочертить некую непрерывную лестницу Иакова. Потому что когда наши космисты-утописты просто говорят: "Ребята, да бросьте, чего вы враждуете, давайте послушаем Николая Федорова, отринем всю эту социально-политическую чепуху. Давайте сразу воскрешать предков, или хотя бы займемся экологией, засухи укротим, чего вы там воюете, модами занимаетесь?" – это, увы, невозможно, люди это чувствуют, что нельзя перескочить через пласты социального отчуждения и сразу к взмыти к каким-то космически-эсхатологическим высотам. И вот какие-то добровольные ассенизаторы, основательно погрузившись в нужник, проделали наиболее неприятную часть работы. Читать это противно, но, в принципе, можно отчитаться: пожалуйста, вот то, что мы вычищали, а вот то, что оттуда извлекли, разложено по категориям, по слоям, по типам. Это радостный факт, и люди, которые захотели бы продолжить эту деятельность, могут теперь начать прямо с Шопенгауэра и Ясперса.

Криворотов: Сережа, сыр отдельно и мухи отдельно...

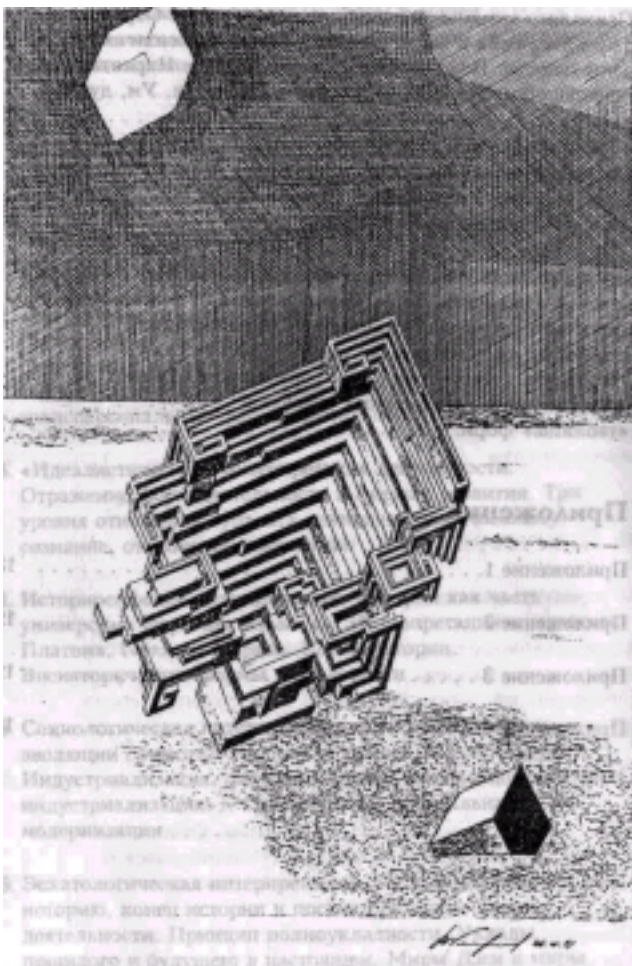
Чернышев: Что такое экзистенциализм для марксистов? Что-то такое светлое, прекрасное, антимарксистское, чего не может быть и что явно не отвечает насущным проблемам борьбы пролетариата. Ну а если в рамках этой борьбы, в иерархии этих слоев отчуждения можно указать, как оно соотносится с ниже-, выше- и т.д. лежащими, если это важно кому-то, тем педантам, чей пуристский ум этого требует, которые хотят, чтобы была иерархия всех на свете задач до скончания веков, где было бы указано, что сегодня, что завтра, а что послезавтра? Человек, который желает заниматься задачей не злободневной, не сегодняшней, а послепослезавтрашней – он все равно не оправдывается до конца перед собой и другими, но как-то успокаивается, и говорит: видите, и до этого дойдет. Я со своей задачей нахожусь на этой шкале вот здесь. Понятно, что наш главный враг – клопы и тараканы, потом следующий за ними – сквозняки, потом жидомасоны, потом то-то и то-то, а я вот хочу переклеить обои, вижу в этом свое призвание. Переклейка обоев – это жизненно важная вещь, потому что без этого мы эстетически погибаем. И хотя, конечно, сейчас пожар, но вы пока тушите этот пожар в гостиной, столовой и спальне, а я все-таки тут в коридорчике пристроюсь и клеить буду. Поэтому с. -платоновщина и раскрепощает многих людей. И тех, которые занимаются какими-то непонятными вещами, с точки зрения марксизма не существующими, типа эстетики. Какая эстетика, причем здесь она? Он дает этим людям шанс объяснить другим, гнусным материалистам и прагматикам, что имеется некая иерархия несвобод, что сама стихия иррациональных сил тоже иерархизирована. Имеются бесы такие и бесы сякие, и вообще-то, конечно, в первую очередь надо бороться с бесом номер 1, а это сила частной собственности, но на самом деле каждая борьба ценна по-своему, и если я борюсь сегодня с несвободой номер 8, то моя борьба тоже не пропадет даром.

У этой книжки, хотя в ней нет почти ни слова про свободу, есть мощный освободительный потенциал для тех, кто пожелает его там найти. По крайней мере, для нас, душеприказчиков – это освобождение, это точно. Но если поднапрячься, можно и многих других освободить. Другое дело, что многие люди ведь не нуждаются в этом освобождении, не видят этих сил, которые их закрепощают, они не чувствуют себя несвободными, и для них эта книжка не нужна.

Криворотов: Для кого эта книжка нужна? Я, пожалуй, соглашусь в данный момент, скорее, с более пессимистическими прогнозами. Я имею в виду, что в существующей ситуации некоторого идейного хаоса и всеобщего ниспровержения все это скорей всего потонет. Людям просто неинтересно разбираться с чем-то сложным, когда все давно в простых словах сказано и не требует на самом деле фундирования.

Чернышев: Потонет и лет через 10-15 всплывет.

[*К оглавлению второй части*](#)

БЕССУБЪЕКТНОЕ

Вот. Скромно потупясь. Прими, стало быть, Отечество от преданного, значит, гражданина. И ножкой эдак шаркнуть. От избытка.

Смысл-с. Того-с.

А Отечество?

Громоздко привстав... Пиджак на одну пуговицу... Очки вздевши на брови...

Заглядывает. И... Чего-о? Эх, мать честная!

... !

... !!

... «т-р-а-н-с-ц-е-н-д-е-н-т-н-о» ...

... !!!

Гражданин, вы того, освободите!

Да... Вот тебе, бабуля, и ваучер. Нехорошо вышло.

- Мы ж вас предупреждали. Оно сегодня не в духе.

- А когда Оно в Духе?

- А почитай что никогда. Ишь как разбушевало! Вам-то уходить, а нам-то оставаться. Идите, идите...

Пожалуй, и впрямь — побредем помаленьку. Вон еще один идет, бедолага.

- Ты чего?

- Отечество спасти. А ты чего?

- И я туда же. Вот: «Смысл».

- А-а... Ну-ну. А я вот таблетки Ему изобрел. От головы .

- И что? Не пробирает?

- Да все голову ищу. И — никак. Люди сказывают, вовсе ее нету. То ли бусурманы

оторвали, то ли так и было.

- Я-то вроде видел. Такое... В очках.

- Да то не голова!

- А что?

- А ты подумай. Припомни.

- ....?

- ....!

- Плохи, брат, наши дела...

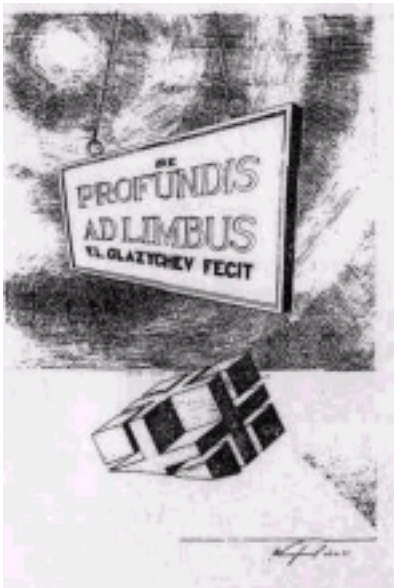
- Сам хорош! Ну, куда ты Ему суешь свои бумажки! Смысла разве головой ищут? Душой! А Оно у нас душевное. Вон как разлеглось — меж трех окоянов. И душ за ним миллионов триста будет.

Имение! Приказчики, жаль, жулье.

- Ну, а куда ж Ему ...?

- Что ты, право: тык да тык! Душа отверстий не имеет. Тут надо — любя.

Иди ж с надеждою веселой, Творец тебя благослови, На подвиг долгий и тяжелый Всезабывающей любви.

Графика: ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ, профессор, доктор искусствознания.
Финансирование издания: БОРИС МАСЛОВ.

К оглавлению второй части